VS38
370
1872

538
370

О ДОСТОИНСТВѢ

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ

ЭКСПЕРТИЗЫ

ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

въ примѣненіи преимущественно къ русскому уставу уголовнаго судопроизводства

РАЗСУЖДЕНІЕ

Дра Ѳ. ВИСЛОЦКАГО.

ВАРШАВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСИФА УНГРА,
на улицѣ Новолипки N. 2406 (3).

1872.

Б

О ДОСТОИНСТВѢ

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ

У 538/370

ЭКСПЕРТИЗЫ

ВЪ УГОЛОВНОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ

въ примѣненіи преимущественно къ русскому уставу уголовнаго судопроизводства

РАЗСУЖДЕНІЕ

Дра Ѳ. ВИСЛОЦКАГО.

ВАРШАВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСИФА УНГРА,
на улицѣ Новолипки N. 2406 (3).

1872.

2007043216

Дозволено Цензурою.

Варшава 18 (30) Апрѣля 1872 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
35697-59

NB. Просить предварительно исправить нѣкоторыя ошибки, указанныя въ опечаткахъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Опредѣленіе суд.-мед. экспертизы	17
Основанія суд.-мед. экспертизы	34
1) предметъ	38
2) методъ изслѣдованія	58
a) на мертвыхъ	60
b) на живыхъ	67
c) въ случаѣ умопомѣшательства	76
3) Протоколъ	94
4) Заключеніе	103
Отношеніе суд.-мед. экспертизы къ судебнымъ цѣлямъ	131
Отношеніе суд.-мед. экспертизы къ свидѣтельскимъ показаніямъ; судебное достоинство ея	141
Процессуальное устройство суд.-мед. экспертизы	163
Главныя причины неудовлетворительности суд.-мед. экспертизы	171

Со времени введенія въ уголовное судопроизводство института присяжныхъ, когда основаніемъ для приговора по уголовнымъ дѣламъ, признано было внутреннее убѣжденіе судьи и отвѣтственность его предъ судомъ собственной совѣсти и предъ общественнымъ мнѣніемъ, многіе, въ особенности-юристы, показали, что съ паденіемъ судебнаго значенія прежней системы уголовныхъ доказательствъ, и медицинская экспертиза, судебное достоинство которой опиралось до тѣхъ поръ именно на ней, потеряетъ прежнюю важность въ уголовномъ процессѣ. Это казалось естественнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ упомянутой судебной реформы. Если судья освобожденъ отъ неуклоннаго подчиненія системѣ законныхъ доказательствъ, если онъ вправѣ основывать свой приговоръ по уголовному дѣлу на личномъ своемъ убѣжденіи и отвѣтственности предъ судомъ собственной совѣсти, слѣдовательно на основаніи такихъ обстоятельствъ, доказательную силу которыхъ, по данному уголовному дѣлу, онъ въ состояніи уразумѣть и оцѣнить и подвергнуться, по этому, тѣмъ сильнѣе положительному ихъ вліянію, какое же значеніе (такъ разсуждали многіе) могло имѣть въ глазахъ судьи дока-

зательство такого рода, какъ судебно-медицинская экспертиза, уразумѣніе и оцѣнка основаній и судебнаго достоинства которой, по данному дѣлу, не въ его силѣ?

Между тѣмъ, опытъ вскорѣ показалъ совсѣмъ другое и вовсе не оправдалъ заявленныхъ въ этомъ отношеніи неблагопріятныхъ для экспертизы предположеній и опасеній. До настоящаго времени, медицинская экспертиза не только не потеряла своего прежняго судебнаго значенія, но, напротивъ, всеобщее убѣжденіе въ громадномъ ея достоинствѣ для правосудія, еще болѣе усилилось. Юристы и судьи убѣдились именно въ томъ, что, въ большинствѣ уголовныхъ случаевъ, относящихся преимущественно къ преступленіямъ противъ здоровья и жизни человѣка, точное рѣшеніе дѣла оказывается невозможнымъ безъ основаній, доставленіе которыхъ принадлежитъ медицинской экспертизѣ. И такъ, напр. г. Владиміровъ посвящаетъ въ своемъ сочиненіи (1), на которое мы указываемъ тѣмъ охотнѣе, что оно сосредоточиваетъ все, что относительно громаднаго значенія медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ высказано разными авторами,—много труда для показанія ея важности и необходимости. Тоже самое доказывалъ, двадцать—тридцати лѣтъ тому назадъ, Миттермаіеръ, въ различныхъ статьяхъ, разбросанныхъ по разнымъ нѣмецкимъ медиц. и юрид. журналамъ, именно: Gerichtssaal, Friedreichs Blätter für gerichtliche Medizin, и др. Въ громадномъ достоинствѣ медицинской экспертизы убѣдились не только юристы, но и всѣ слои общества,—одни, присутствуя при судебныхъ слѣдствіяхъ и преніяхъ въ качествѣ публики и принимая живое въ нихъ участіе; другіе, обязательно участвуя въ судебной дѣятельности въ качествѣ присяжныхъ судей. Но, въ тоже время, во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ судебная реформа введена въ дѣйствіе,

---

(1) О наченіи врачей экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Харьковъ 1870 г.

обнаружилось и то убѣжденіе, что медицинская экспертиза, въ настоящемъ своемъ состояніи, не въ силахъ вполнѣ удовлетворить всѣмъ справедливымъ требованіямъ правосудія. Въ этомъ отношеніи „Архивъ Судебн. Медицины“ (1) начерталъ яркую картину общаго неудовольствія: „Дѣйствія экспертовъ“ — сказано въ немъ — „разбираются, сравниваются и оцѣниваются. Каждое мнѣніе разсматривается и критикуется заинтересованной публикой, не только по отношенію къ нему самому, но и по отношенію къ лицу, его высказавшему, т. е. къ личному значенію и общественному положенію врача. Словомъ, передъ публикой начинаетъ раскрываться важность значенія Судебной Медицины въ дѣлѣ правосудія и общественнаго благосостоянія. Результатомъ этого, покамѣсть, выработалось только одно: неопредѣленное чуство неудовлетворителности. Публикѣ кажется, что не такъ и не съ тѣмъ должна являться наука, призываемая къ раскрытію истины, съ чѣмъ и какъ является она передъ судомъ, въ лицѣ нашихъ врачей экспертовъ... Она видитъ... сбивчивость, противорѣчіе и смущеніе со стороны судебныхъ врачей, которые иногда являются передъ судомъ точно застигнутые въ врасплохъ. Въ большинствѣ ихъ отвѣтовъ нѣтъ той солидности, которая характеризуетъ знаніе, нѣтъ сдержанности, налагаемой границами науки; нѣтъ сознательной увѣренности, которая легко убѣждаетъ другихъ. Фактъ этотъ подмѣченъ публикой, но до истолкованія его она еще не дошла.“

То, что здѣсь говорится о русскомъ обществѣ въ настоящую минуту, замѣчается и въ другихъ странахъ, гдѣ реформа уголовнаго судопроизводства введена въ дѣйстіе, такъ какъ по естественнымъ законамъ человѣческой природы однѣ и тѣже причины вызываютъ въ обчествѣ и одинаковыя послѣдствія. Юридическая и медицинская литература всѣхъ странъ Европы

---

(2) Архивъ Судебн. Медиц. 1867. г. кн. 4. стр. 2.

свидѣтельствуютъ довольно рѣзко о неблагоуспѣшномъ состояніи медицинской экспертизы и не благопріятномъ впечатлѣніи ея на общество. Кромѣ того, какъ въ русскихъ, такъ и въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, помѣщающихъ критическіе разборы болѣе важныхъ и гласныхъ случаевъ судебно-медицинской экспертизы, во многихъ статьяхъ, сочиненіяхъ и руководствахъ по предмету Судебной Медицины, проявляется ясно полное сознаніе судебныхъ медиковъ въ неудовлетворительности судебно-медицинской экспертизы вообще и стремленіе къ ея усовершенствованію: въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого сомнѣнія, и потому мы не будемъ останавливаться на этой сторонѣ предмета.

Важнѣе для насъ расмотрѣть вопросъ: какую пользу доставило медицинской экспертизѣ это сознаніе въ неудовлетворительности ея со стороны медиковъ и юристовъ? На этотъ вопросъ мы можемъ добросовѣстно отвѣтить, что со стороны медиковъ стремленія въ этомъ направленіи не были безуспѣшны. Стремленія эти относятся главнымъ образомъ: 1) къ раскрытію причинъ этой неудовлетворительности и къ отысканію средствъ для ея устраненія; 2) къ строгому ограниченію медицинской экспертизы свойственною ей почвою; къ исключенію изъ ея области всѣхъ посторонніхъ вопросовъ, не относящихся къ ней по свойствамъ своимъ, и къ пріобрѣтенію для нея самостоятельной почвы въ уголовномъ процессѣ; и 3) къ научному ея усовершенствованію.

Что касается 1-го пункта, то нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи стремленія медиковъ были довольно успѣшны, не только въ иностранныхъ державахъ, но и въ руской имперіи. Путь, по которому нужно дѣйствовать въ этомъ отношеніи, превосходно начертанъ „Архивомъ Судебной Медицины“ (1).

---

(1) Архивъ Судебн. Медиц. 1867 г. кн. IV. стр. 3 и 4.

„Задачей настоящаго времени, — говорится въ немъ, — должно быть подробное и обстоятельное изслѣдованіе существующихъ условій судебно-медицинской экспертизы и экспертовъ, съ тѣмъ, чтобы раскрыть средства, необходимыя для измѣненія неудовлетворительнаго положенія перваго и другаго.... Анализъ условій, въ какихъ находится врачъ экспертъ, а слѣдовательно и экспертиза, раскроетъ передъ обществомъ существенныя причины не совсѣмъ удовлетворительнаго положенія этой послѣдней, и укажетъ надлежащій путь его неудовольствію; передъ правительствомъ, взявшимъ на себя инициативу въ назначеніи и содержаніи судебныхъ врачей, укажетъ на средства, какими можетъ быть достигнуто измѣненіе къ лучшему, а передъ врачами будетъ свидѣтельствовать, о всесторонемъ и вѣрномъ пониманіи дѣла о томъ, что требовательность въ отношеніи къ нимъ, не можетъ быть названа безсознательной. Такова, по нашему мнѣнію, должна быть главная задача. Состояніе судебно-медицинской экспертизы опредѣляется рядомъ условій, въ какія поставленъ врачъ, начиная съ его образованія и оканчивая тою обстановкой и положеніемъ, въ которыя онъ становится уже какъ общественный дѣятель. То и другое не зависитъ отъ него; то и другое не только не благопріятствуетъ возможному успѣху въ этомъ направленіи, но, напротивъ, тормозитъ его. Словомъ, всѣ обстоятельства сгруппировались именно такъ, что неудовлетворительность нашей экспертизы является логическимъ ихъ послѣдствіемъ.“ Авторъ этой замѣчательной статьи оканчиваетъ весь свой довольно обстоятельный разборъ слѣдующими заключеніями: „Въ заключеніе, мы постараемся сформулировать, въ общихъ положеніяхъ, всѣ тѣ условія, какія, по нашему мнѣнію, необходимы для надлежащаго развитія нашей судебно-медицинской экспертизы. Они суть слѣдующія: 1) совершенное и обязательное отдѣленіе судебно-медицинской дѣятельности отъ дѣятельности врачебно-практической; 2) болѣе точное опре-

дѣленіе въ законѣ роли и значенія судебнаго врача; 3) радикальное измѣненіе ближайшихъ условій, при которыхъ производится судебно-медицинская экспертиза; 4) полное матеріальное обезпеченіе его, наравнѣ съ судьей; 5) такое же служебное положеніе, какъ и судьи; 6) установленіе гонорарія за экспертизу; 7) равномѣрное территоріяльное распредѣленіе судебныхъ врачей и возможное уменьшеніе ихъ участковъ; 8) возможныя пособія и поощренія врачей въ научномъ развитіи, но отнюдь не въ сферѣ служебной.“

Мы считали необходимымъ привести здѣсь вполнѣ эти заключенія, для того, чтобы указать, въ какомъ направленіи обнаруживались до сихъ поръ стремленія медиковъ для разпознанія и устраненія причинъ неудовлетворительности судебно-медицинской экспертизы. Какъ бы ни вѣрна была представленная выше картина причинъ и какъ бы важны ни были эти мѣры, — а мы вполнѣ убѣждены въ ихъ важности, — но она вовсе не исчерпываетъ всего объема причинъ и соотвѣтственныхъ имъ мѣръ; именно тѣхъ причинъ, которыхъ источникомъ юридическая сторона медицинской экспертизы, и на которыя мы намѣрены указать далѣе.

Относительно 2-го пункта, стремленія судебныхъ медиковъ оказались на дѣлѣ менѣе успѣшными. Отдѣлаться совершенно отъ всякихъ отношеній къ суду, какъ совѣтуетъ Касперъ (1), ограничиться исключительно своею собственною медицинскою почвою, въ томъ смыслѣ, чтобы съ полнымъ равнодушіемъ смотрѣть на усилія юристовъ относительно процессуальнаго устройства судебно-медицинской экспертизы, законнаго опредѣленія судебнаго ея достоинства и положенія врача эксперта на судѣ, уже потому невозможно, какъ Вальдъ (2) справедли-

---

(1) Kasper. Handbuch der gerichtlichen-Medizin, V. Aufl. 1871. bearb. v. Dr. Liman, стр. 10.

(2) Wald, Gerichtliche Medizin, Leipzig 1858. Vorrede S. VIII u. IX.

во замѣчаетъ, что Судебная Медицина потому и судебная, что она нераздѣльно связана съ судомъ, составляя, по опредѣленію самого Каспера, только примѣненіе медицинскихъ наукъ къ судебнымъ цѣлямъ, что, слѣдовательно, цѣли правосудія совмѣстно и цѣли медицинской экспертизы; что есть предметы, общіе и юриспруденціи и медицинѣ, напр. опредѣленіе нѣкоторыхъ родовъ преступленій, какъ дѣтоубійство, изнасилованіе, отравленіе, раздѣленіе поврежденій на легкія, тяжелыя и т. д. (1), и что, наконецъ, и положеніе врача эксперта на судѣ и процессуальное устройство судебно-медицинской экспертизы, не могутъ остаться безъ положительнаго вліянія на большую или меньшую удовлетворительность ея. По нашему мнѣнію, суд. медиц. экспертиза будетъ только тогда въ состояніи пріобрѣсть желаемую самостоятельность и всевозможную независимость отъ суда, когда она будетъ въ силахъ основательно и опредѣлительно доказать: а) что процессуальное устройство ея должно непремѣнно быть основано не исключительно на юридическихъ воззрѣніяхъ, предположеніяхъ и формальныхъ процессуальныхъ требованіяхъ, а, главнымъ образомъ, на основаніяхъ, истекающихъ непосредственно и естественнымъ образомъ изъ существа медицинской экспертизы; б) что медицинская экспертиза зависитъ существенно отъ судебнаго дѣла а не отъ судьи, которому подчиняется только по формальной своей сторонѣ; в) что, наконецъ, судебное ея достоинство, т. е. должна ли она считаться доказательствомъ, уликою, сужденіемъ и т. п. не зависитъ вовсе отъ опредѣленія его на юридическихъ основаніяхъ, но представляетъ непосредственное и естественное послѣдствіе ея существенныхъ свойствъ и ея силы въ разъясненіи соотвѣтственныхъ обстоятельствъ и вопросовъ по данному судебному дѣлу.

---

(1) Wald, Gerichtliche Medizin, Leipzig 1858. стр. VIII. Schürmeier: Lehrbuch der gerichtl. Medizin, Erlangen 1861, стр. 6.

Нельзя однакожъ утверждать, что выше упомянутыя стремленія медиковъ, (которымъ положили начало: въ Германіи преимущественно Генке и Касперъ; во Франціи Орфила, Девержи, Тардіе; въ Англіи Тайлоръ, Кристизонъ и др.; за коими послѣдовало большинство судебныхъ медиковъ новѣйшихъ временъ), были совершенно безполезны. Напротивъ, они повели именно къ тому, что Судебная Медицина исключила изъ своей области множество вопросовъ и предметовъ, внесенныхъ въ нее юристами прежнихъ временъ, неразрѣшимыхъ на основаніи медицинскихъ наукъ и обременяющихъ ее напрасными юридическими тонкостями, на которыя у нея нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта, какъ напр. вопросы о виновности, вмѣняемости, общей отравѣ, дѣтоубійствѣ, о легкихъ, тяжелыхъ, условно и безусловно смертельныхъ ранахъ и т. д. Кромѣ того, устраняя изъ области медицинской экспертизы все, что не относится непосредственно къ человѣческому организму, она тѣмъ самымъ сильно укрѣпила свою почву.

Что касается 3-го пункта, то въ этомъ отношеніи польза выше упомянутыхъ стремленій судебныхъ медиковъ оказалась самая большая. Движеніе въ этомъ направленіи, первый толчекъ которому дали Орфила, Генке и Тайлоръ, и чрезвычайному усиленію и развитію котораго способствовалъ въ послѣдствіи преимущественно Касперъ, на основаніи своего громаднаго опыта, Энгель, Машка, Пелликанъ и др.; неожиданное и благоуспѣшное развитіе патологической анатоміи, доставляющей точныя основанія для производства суд. медиц. вскрытій, равно и другихъ медицинскихъ наукъ на основаніи сей послѣдней; наконецъ, примѣненіе къ судебной медицинѣ, а равно и къ физіологіи, и къ другимъ медицинскимъ наукамъ вообще, такъ-называемаго физическаго метода изслѣдованія, которому всѣ естественныя науки обязаны своимъ изумительнымъ прогрессомъ въ послѣднее время, продолжается и въ настоящую минуту во всѣхъ странахъ Европы. Россія занимаетъ въ этомъ

движенія не послѣднее мѣсто,— о чемъ самымъ лучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ Архивъ суд. медицины, принадлежащій къ отличнымъ изданіямъ по медицинской литературѣ, а также многія статьи русскихъ медиковъ, помѣщаемыя отчасти въ русскихъ медицинскихъ и иностранныхъ, именно нѣмецкихъ, журналахъ, отчасти въ извѣстіяхъ различныхъ русскихъ университетовъ, отчасти же въ особыхъ брошюрахъ. Примѣненіе физическаго метода къ судебно-медицинскому наблюденію и изслѣдованію, состоящаго главнымъ образомъ въ томъ, чтобы случайное наблюденіе одного лица провѣрить многочисленными опытами многихъ лицъ, производимыми въ хорошо-испытанныхъ и вполнѣ-извѣстныхъ условіяхъ относительно ихъ вліянія на результаты этого опыта, и на оборотъ, результаты этихъ опытовъ, съ другой стороны, провѣрить многими наблюденіями на практикѣ, устранило множество ложныхъ предположеній по судебной медицинѣ, основанныхъ на голословныхъ утвержденіяхъ разныхъ авторитетовъ прежнихъ временъ, и способствовало пріобрѣтенію извѣстнаго количества научныхъ, судебно-медицинскихъ началъ, служащихъ непоколебимымъ основаніемъ для судебно-медицинской экспертизы, напр. значеніе костянаго зерна въ нижнемъ маклакѣ бедренной кости, ученіе о спиевахъ, о легочной пробѣ, о жидкостяхъ въ дыхательномъ горлѣ въ случаѣ утопленія, о полосѣ на шеѣ въ случаѣ повѣшенія, удушенія и т. д. Нѣтъ почти ни одного предмета, принадлежащаго къ области Судебной Медицины, который не подвергся бы благотворному вліянію этого научнаго движенія и не сдѣлался чрезъ то болѣе опредѣленнымъ, прочнымъ и отчетливымъ. Въ особенности, медицинская экспертиза на трупѣ усовершенствовалась до высокой степени и пріобрѣла болѣе точности и опредѣлительности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, намъ будетъ удобнѣе указать на многія, относящіяся къ этому предмету, обстоятельства, такъ какъ именно эти обстоятельства представляютъ главный предметъ нашего труда.

И со стороны юристовъ выше упомянутое неудовольствіе на неудовлетворительность медицинской экспертизы, вызвало различныя и усердныя стремленія къ устраненію дурныхъ послѣдствій для правосудія этого неблаготворнаго для него состоянія ея. Но эти стремленія не оказались на дѣлѣ успѣшными. Г. Владиміровъ, выразилъ свое мнѣніе о настоящемъ состояніи суд. медиц. экспертизы, и о задачѣ юриспруденціи въ отношеніи ея переустройства, весьма рѣшительно, въ слѣдующихъ словахъ: „Сдѣланныхъ выписокъ кажется достаточно, чтобы придти къ тому убѣжденію, что наша медицинская экспертиза, по своему содержанію, пока еще не процвѣтаетъ..... Но не нашему суду подлежитъ техническая ея сторона. Дѣло юриста—юридическое ея устройство. Обязанность юриспруденціи употребить всѣ зависящія отъ нея мѣры для такой процессуальной организаціи экспертизы, при которой научное изслѣдованіе истины на судѣ не встрѣчало бы препятствій, имѣющихъ свой корень или въ полномъ непониманіи юристами судебно-медицинскихъ вопросовъ и роли судебнаго врача, или же, наконецъ, въ ненадлежащихъ критеріяхъ для оцѣнки достоинства медицинскихъ заключеній.“ Но заключеніе, къ которому пришелъ Г. Владиміровъ въ качествѣ юриста-преобразователя суд. мед. экспертизы, предлагаемый имъ взглядъ на врача-эксперта и способъ улучшенія экспертизы, не рѣшаетъ, какъ намъ кажется, поставленнаго имъ вопроса. „Медицинская экспертиза,“ утверждаетъ Г. Владиміровъ, „даетъ мнѣнія, а не факты; судебный врачъ это— научный, присяжный судья, подвергающійся однакоже и перекрестному допросу и обсужденію присяжными судьями, устройство научнаго медицинскаго жюри, присутствующаго судебному слѣдствію, и доставляющаго совмѣстно, по надобности, нужныя свѣдѣнія суду,“ вотъ

(1) Владиміровъ: О значеніи врачей экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Харьковъ 1870 г., стр. 6.

главный, по нашему мнѣнію, неудовлетворительный результатъ тѣхъ усилій, которыя представилъ Г. Владиміровъ, для разрѣшенія нелегкой задачи, въ своемъ почтенномъ трудѣ, трудѣ весьма полезномъ и по тому, что въ немъ собраны всѣ важнѣйшія мнѣнія юристовъ по этому предмету.

Вообще, надо замѣтить, что стремленія юристовъ съ вышеупомянутою цѣлью, не отличаются вовсе ни новостью воззрѣній, ни необходимой въ подобныхъ случаяхъ точностью и опредѣлительностью словъ и понятій. Нѣтъ почти ни одной мысли, ни одного мнѣнія, которое не было бы высказано прежде жившими авторами по этому предмету, и которое не было бы опровергаемо другими на тѣхъ же самыхъ почти основаніяхъ, что и у нихъ, другими только словами и болѣе сообразно общему, по юридическимъ наукамъ, прогрессу. Всѣ стремленія юристовъ съ этою цѣлью обнаружились въ двухъ направленіяхъ: 1) въ теоретическомъ, т. е. имѣющемъ въ виду оцѣнить судебное достоинство медицинской экспертизы и положенія врача эксперта въ отношеніи къ суду, и 2) въ практическомъ, имѣющемъ въ виду процессуальное устройство медицинской экспертизы, т. е. по Владимірову, научнаго изслѣдованія истины на судѣ.

Всѣ вопросы, относящіеся къ теоретическому направленію, сводятся къ слѣдующемъ: а) даетъ ли медицинская экспертиза мнѣнія или факты? b) представляетъ ли она доказательство, равносильное свидѣтельскому показанію, или доказательство особаго рода — ученое доказательство, или только улику, или же она совсѣмъ не доказательство, а изысканіе доказательствъ, сужденіе, судейскій приговоръ, мотивированный, научный приговоръ (Владиміровъ) и т. д.? — с) есть ли судебной врачъ экспертъ, свидѣтель, помощникъ судьи, судья событія (judex facti), просто-судья или присяжный судья, или же единственно истолкователь извѣстныхъ явленій, относящихся къ его спеціальности? Изъ этого видно, какъ различны и какъ проти-

воположны другъ другу всѣ эти мнѣнія и предположенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы убѣждаемся въ томъ, что всѣ эти разнообразныя мнѣнія не представляютъ вовсе пріобрѣтеній новѣйшихъ временъ, а мнѣнія, образовавшіяся еще тогда, когда, къ области медицинскихъ наукъ, причислялись всѣ естественныя науки, и юристы, въ случаѣ надобности, принуждены были требовать отъ медиковъ возможныхъ объясненій по этимъ предметамъ. Можемъ ли мы теперь удивляться стремленіямъ Каспера — отдѣлаться отъ всей путаницы юридическихъ мнѣній и возраженій, возлагающихъ на медика разныя затруднительныя обязанности, и ограничиться свойственною ему почвою, т. е. медициною, утверждая, „что врачъ есть только врачъ и ничего болѣе,“ и объясняя отношеніе его къ суду общею обязанностью каждаго гражданина подчиняться всѣмъ требованіямъ государства и общества?

Что касается втораго направленія, то есть процессуальнаго устройства судебно - медицинской экспертизы, то и въ этомъ отношеніи существуютъ различныя мнѣнія, заявленныя именно англійскими юристами, которые преимущественно занялись рѣшеніемъ этого вопроса, представляющаго для нихъ несравненно болѣе интереса, чѣмъ выше приведенные теоретическіе вопросы, кои для нихъ маловажны и даже излишны (1). Всѣ эти различныя мнѣнія сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ: a) врачъ экспертъ представляетъ актъ осмотра въ судъ, который, въ случаѣ сомнѣнія, передаетъ его высшей медицинской ученой инстанціи на разсмотрѣніе и заключеніе; b) врачъ экспертъ приглашается въ судъ, гдѣ передаетъ отчетъ объ экспертизѣ изустно, или же читаетъ на судѣ актъ осмотра. Въ случаѣ сомнѣнія, судъ приглашаетъ большее чи-

(1) Такъ какъ, по существующимъ въ Англіи законамъ, судъ не признаетъ экспертовъ, а только свидѣтелей съ спеціальными по особымъ предметамъ познаніями.

сло экспертовъ. Всѣ они имѣютъ право предлагать вопросы свидѣтелямъ, и сами подвергаются перекрестному допросу, по предмету основаній своихъ заключеній; c) предлагается отбирать экспертизу отъ установленной закономъ коллегіи опытныхъ медиковъ, которая отвѣчаетъ письменно на предложенные имъ вопросы, и отвѣтъ ея долженъ служить основаніемъ для составленія приговора; d) предлагается присоединить къ суду особыхъ засѣдателей изъ медиковъ, которые бы, вмѣстѣ съ судьями, выслушивали и показанія свидѣтелей и другія доказательства всякаго рода, а также медицинскую экспертизу, и, затѣмъ, истолковывали суду медицинскіе вопросы по данному дѣлу; e) предлагается также устроить судъ присяжныхъ изъ медицинскихъ экспертовъ, рѣшающихъ на судѣ всѣ медицинскіе вопросы. Г. Владиміровъ (1) къ этимъ предположеніямъ присоединяетъ еще свое, состоящее въ томъ, чтобы устроить изъ приглашенныхъ въ судъ, отчасти судомъ, отчасти сторонами, медицинскихъ экспертовъ, родъ научнаго жюри, которое, послѣ совѣщанія между собою на судѣ, по примѣру присяжныхъ, рѣшало бы медицинскіе вопросы, давая опредѣленныя заключенія. Это мнѣніе г. Владимірова не отличается впрочемъ отъ подобнаго же мнѣнія англійскихъ юристовъ (2), которое однакожъ встрѣтило много возраженій. Мы не вмѣняемъ ему въ недостатокъ, что оно не ново: въ этомъ случаѣ болѣе важны основанія для положительнаго рѣшенія вопроса— которое изъ выше приведенныхъ мнѣній болѣе вѣрно, болѣе соотвѣтствуетъ существу дѣла, чѣмъ пріобрѣтеніе новыхъ мнѣній.

Вотъ и рядъ предложеній, какимъ образомъ устроить процессуальную сторону судебно - медицинской экспертизы такъ, чтобы правосудіе предохранить отъ вредныхъ для него и обще-

---

(1) Владиміровъ, I, с., стр. 117—119, 131 и проч.

(2) Миттермаіеръ: Gerichtsaal XIII Jahr. 3 hft. стр. 170 D. и E.

ства послѣдствій ошибокъ научной экспертизы. Намѣреніе весьма благородное! но ведетъ ли оно къ предполагаемой цѣли?... Если мы обратимъ тщательное вниманіе на всѣ выше приведенные предложенія въ томъ и другомъ направленіи и разсмотримъ ихъ подробно, то не трудно замѣтить, что всѣ они относятся къ формальной сторонѣ главнаго вопроса— о достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы — и что юристы не пришли до сихъ поръ къ удовлетворительному разрѣшенію вопроса по существу оттого только, что во всѣхъ ихъ изслѣдованіяхъ нѣтъ точнаго основнаго начала, могущаго обусловить вѣрное достиженіе цѣли. Владиміровъ жалуется на то, что борьба различныхъ мнѣній по этому вопросу „не породила богатой литературы.“ Намъ кажется, что это обстоятельство подтверждаетъ вполнѣ наше выше сказанное замѣчаніе и вполнѣ доказываетъ всеобщее сознаніе въ недостаткѣ прочнаго начала, на основаніи котораго можно былобы ожидать положительнаго успѣха въ этой борьбѣ, и что въ дѣйствительности не было никакой борьбы. Каждый изъ предлагающихъ свое мнѣніе по этому вопросу, чувствовалъ невольно, что почва, на которой онъ стоитъ, не слишкомъ тверда, и потому не дозваляетъ рычагу его воззрѣній и возраженій дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. Борьбы не было, не по недостатку противниковъ, а по недостатку ревностныхъ бойцевъ. По нашему мнѣнію, единственное основаніе для успѣшнаго и удовлетворительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ можетъ доставить только тщательное и подробное разсмотрѣніе сущности достоинства медицинской экспертизы вообще и научнаго его основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что судебная цѣль составляетъ сущность внѣшней, формальной, стороны медицинской экспертизы. Она обусловливаетъ и направленіе ея дѣйствія, и форму этого дѣйствія, и даже ея существованіе. Безъ судебныхъ цѣлей нѣтъ судебно-медицинской экспертизы; но все таки, удовлетворяя требованію судебныхъ цѣлей, она не лишается вовсе

существеннаго своего характера, собственной почвы своей, т. е. медицины и ея научныхъ началъ, коими единственно и пользуется экспертиза для достиженія судебныхъ цѣлей. Безъ судебныхъ цѣлей не было бы медицинской экспертизы; но безъ медицинскихъ началъ, составляющихъ естественное ея основаніе, достиженіе судомъ своихъ цѣлей, по многимъ уголовнымъ вопросамъ, было бы или совсѣмъ невозможно, или, по крайней мѣрѣ, неудовлетворительно, слѣдовательно неблаготворно и для правосудія, и для общества. Назначеніе корабля: возможность перевезти извѣстное количество веществъ, извѣстный грузъ, по водѣ; это назначеніе обусловливаетъ и форму корабля и его вооруженіе; но существеннымъ основаніямъ этой возможности есть свойство корабля — держаться на водѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ количествомъ груза. Это свойство дѣлаетъ корабль удобнымъ средствомъ, и всѣ условія этого свойства должны быть хорошо извѣстны для полнаго и благоуспѣшнаго достиженія главной цѣли корабля т. е. перевозки извѣстнаго груза. Свойство это составляетъ слѣдовательно сущность всего достоинства корабля для цѣлей перевозки. Судебно-медицинская экспертиза потому и медицинская, что она основывается на началахъ медицинскихъ наукъ, которыя слѣдовательно составляютъ существенное основаніе, сущность судебнаго ея достоинства. Разсмотрѣвъ подробно и тщательно всѣ свойства этого основанія, мы пріобрѣтемъ единственное существенное основаніе для обсужденія судебнаго достоинства медицинской экспертизы, а тѣмъ самымъ и для вѣрнаго и точнаго опредѣленія всѣхъ ея условій и мѣръ, способствующихъ самымъ лучшимъ образомъ полному достиженію судебныхъ цѣлей. Ни въ одномъ трудѣ по медицинской литературѣ не было поставлено главною задачею разслѣдованіе и изъясненіе основаній достоинства судебно - медицинской экспертизы; техническая ея сторона поглощала все вниманіе знаменитыхъ изслѣдователей. Впрочемъ инквизиціонное судопроизводство не споспѣшествовало изслѣдо-

ваніямъ этого рода. Медицинская экспертиза пользовалась опредѣленнымъ законами мѣстомъ въ системѣ уголовныхъ доказательствъ; а такъ какъ никто изъ юристовъ не оспаривалъ ни ея необходимости, ни ея достоинства, то никто изъ медиковъ не считалъ нужнымъ защищать ее. Но такъ какъ въ настоящее время, послѣ упомянутой реформы уголовнаго судопроизводства, она лишилась своей законной почвы и защиты, а юридическое ея устройство на новыхъ основаніяхъ судопроизводства, повидимому, не безъ сильнаго вліянія на ея примѣненіе на практикѣ, то, кажется, пришла удобная пора для разясненія существенныхъ ея основаній, въ видахъ юридическаго ея устройства. Это соображеніе послужило поводомъ къ настоящему нашему труду. Задача ясна и опредѣленна; рѣшеніе же вопроса, удовлетворительно ли и точно ли она исполнена, не наше дѣло. Мы вправѣ только потому надѣяться на снисходительное обсужденіе этого труда со стороны критики, что мы не имѣемъ предшественниковъ на этомъ пути.

I.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса о сущности судебнаго достоинства медицинской экспертизы, намъ слѣдуетъ напередъ согласиться въ томъ, что такое „судебно-медицинская экспертиза?“ Разсмотрѣніе мотивовъ, обусловливающихъ различныя приведенныя выше мнѣнія, о судебно-медицинской экспертизѣ, показываетъ, что къ ней отнесены различныя дѣйстія врача, требующіе разнообразныхъ основаній, и что это обстоятельство чрезвычайно затемняетъ и запутываетъ уразумѣніе основныхъ началъ судебно-медицинской экспертизы, и представляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ вышеприведеннаго различія мнѣній, служа поводомъ къ смѣшенію этихъ основаній. Мы только тогда будемъ въ состояніи разслѣдовать точно, отчетливо и строго основныя начала достоинства судебно-медицинско экспертизы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основанія для удовлетворительнаго разрѣшенія нашей задачи, когда строго опредѣлимъ значеніе судебно-медицинской экспертизы. Законодательства Англіи, Германіи, Австріи, не употребляютъ вовсе выраженія: э к с п е р т и з а, э к с п е р т ъ. Русскій уставъ уголовнаго судопроизводства говоритъ въ ст. 325: „С вѣ д у щ і е л ю д и приглашаются въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающихся на дѣлѣ обстоятельствъ, необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искуствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ-либо занятіи." Ст. 326: „Въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессоры, учители, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятіями по какой-либо службѣ или части пріобрѣвшія особенную опытность." Ст. 336: „Для осмотра и освидѣтельствованія мертвыхъ тѣлъ, разнаго рода поврежденій, слѣдовъ насилія и состоянія здоровья, потерпѣвшаго отъ преступленія, или самого обвиняемаго, судебный слѣдователь приглашаетъ судебнаго врача." Законъ употребляетъ поэтому только эти два слова: свѣдущее лице, для обозначенія эксперта вообще, и судебный врачъ, для обозначенія медика эксперта. Эти слова экспертъ, экспертиза введены въ употребленіе сперва во Франціи. Они происходятъ отъ латинскаго expers свѣдущій, Sachverständige; поэтому экспертиза обозначаетъ дѣйствія свѣдущаго лица, обязаннаго составить объясненіе какого-либо спеціальнаго предмета, по требованію государственныхъ и общественныхъ властей, а также частныхъ лицъ, и, притомъ, безразлично—требуется-ли для таковаго объясненія простое лишь примѣненіе спеціальныхъ началъ къ данному предмету, или же какое-либо предварительное изслѣдованіе съ этою цѣлью. Когда обнаружилась потребность особаго выраженія для обозначенія дѣйствій свѣдущаго лица, при исполненіи требованій закона и подлежащихъ властей, тогда выраженіе „экспертиза" было найдено готовымъ во французкой судебной литературѣ и усвоено всѣмъ другимъ образованнымъ языкамъ. Такимъ образомъ экспертиза можетъ быть химической, физической, технической и т. д. Лице, совершающее экспертизу, т. е. спеціальное изъясненіе и освидѣтельствованіе, называется экспертомъ; такое лицо будетъ медицинскимъ экс-

пертомъ а дѣйствіе его медицинскою экспертизою, если оно производится врачемъ, на основаніи медицинскихъ наукъ. Это будетъ научно-медицинская экспертиза; составляющая основаніе медицинской экспертизы всякаго рода. Общія условія ея— точность и основательность,— зависятъ отъ точности и основательности научныхъ началъ, которыя примѣняются къ данному случаю, а достовѣрность ея зависитъ отчасти отъ положительности научныхъ началъ, отчасти же отъ извѣстныхъ свойствъ и дарованій эксперта, въ чемъ она сходна со всякою другою научною экспертизою. Научно-медицинская экспертиза требуется обыкновенно различными лицами и государственными и общественными властями, съ весьма различною цѣлью. Между прочимъ, требуется она тоже и судомъ. Логически, медицинская экспертиза, требуемая судомъ, должна называться судебно-медицинскою экспертизою, для отличенія ея отъ всякой другой чисто-научной экспертизы. Спрашивается теперь: отличается ли эта экспертиза въ какомъ либо отношеніи отъ обще-научной-медицинской экспертизы, или нѣтъ? подходитъ ли подъ названіе судебно-медицинской экспертизы, всякая медицинская экспертиза, требуемая судомъ, или нѣтъ? — Для рѣшенія этихъ вопросовъ надлежитъ остановить вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) два рода суда: гражданскій и уголовный судъ, между-прочимъ, различаются между собою и основаніями своего судопроизводства, именно относительно законной силы доказательствъ. По гражданскому судопроизводству всякая сторона обязана доставить суду всѣ требуемыя закономъ доказательства, а въ случаѣ надобности и медицинскую экспертизу. Въ гражданскихъ законахъ не указано никакихъ условій достовѣрности этой экспертизы, или особыхъ качествъ, которыхъ можно было бы требовать отъ совершающаго оную эксперта. Судъ обсуждаетъ ее на общихъ основаніяхъ научной экспертизы. Если она не состоятельна, или, по какимъ нибудь причинамъ, не заслуживаетъ довѣрія,

тогда вмѣняется въ обязанность противной сторонѣ доставить суду доказательства этой несостоятельности и недостовѣрности. Но гражданскій судъ не дѣлаетъ этого самъ отъ себя. Медицинская экспертиза находится въ этомъ случаѣ совершенно на общихъ основаніяхъ научной экспертизы. Совсѣмъ другое въ уголовномъ судопроизводствѣ. а) ст. 327 указываетъ качества лицъ, производящихъ экспертизу; они „должны имѣть всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей,“ б) они подчиняются, при производствѣ своей экспертизы, извѣстнымъ закономъ предписаннымъ формальностямъ, обуславливающимъ судебную достовѣрность ея (ст. уст. уголов. суд. 328—333). 2) Кромѣ этихъ отличій, въ судебно-медицинской экспертизѣ существуетъ другія, еще болѣе рѣзкія. Изъ числа предметовъ, относящихся къ судебно-медицинской экспертизѣ по уголовнымъ дѣламъ, уставъ уголовнаго судопроизводства выдѣляетъ еще извѣстное количество предметовъ, указанныхъ въ выше приведенной статьѣ 335 уст. угол. суд. и опредѣляетъ особыми законоположеніями условія производства судебно-медицинской экспертизы по этимъ именно предметамъ. И такъ: а) врачъ, производящій экспертизу, называется судебнымъ врачемъ; б) обязанность судебнаго врача возлагается на извѣстныя должностныя медицинскія лица, и, только въ ихъ отсутствіи, на вольно практикующаго врача; порядокъ, въ которомъ должны быть приглашаемы эти лица, указанъ въ ст. 337 уст. угол. суд.: в) для производства судебно-медицинской экспертизы по предметамъ, исчисленнымъ въ ст. 335 уст. угол. суд, существуютъ, по ст. 342 этого устава угол. суд. и въ особомъ уставѣ судебной медицины (1), особыя наставленія относительно способа ея производства, и относительно формы свидѣтельства, провѣрки его присутствующимъ судьею и понятыми, составленія заключенія, переосвидѣтельство-

(1) Сводъ Зак. Т. XIII. (ст. 1736—1866).

ванія, и т. д. (ст. 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 349, 353, 454, 455, 456 уст. угол. суд.); г) врачъ, въ качествѣ судебнаго врача, подвергается особой отвѣтственности за несоблюденіе этихъ закономъ предписанныхъ правилъ (ст. 489 и 490 уст. угол. судопр.); д) во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ которыхъ производится медицинская экспертиза, предоставляется судьѣ свобода пригласить врача-эксперта или нѣтъ; но въ случаяхъ, исчисленныхъ въ ст. 335, судебный слѣдователь не можетъ не пригласить судебнаго врача, даже и тогда, когда бы напр. убійство было со всею точностью доказано другимъ путемъ, и всѣ обстоятельства дѣла были извѣстны. Причины тому очень важны и основательны. Главная цѣль этихъ законо-положеній, повидимому, усиленіе достовѣрности и судебнаго достоинства судебно-медицинской экспертизы; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ, они указываютъ и на то, что эта экспертиза составляетъ особый видъ судебно-медицинской экспертизы по уголовнымъ дѣламъ, отличающійся отъ суд.-мед. экспертизы вообще довольно рѣзкими чертами, относительно всевозможныхъ условій судебной достовѣрности, которыхъ мы не замѣчаемъ въ законо-положеніяхъ относительно предметовъ, не заключающихся въ статьѣ 335 уст. угол. суд. Притомъ, врачу-эксперту придается здѣсь особое названіе с у д е б н а г о в р а ч а. По этому поводу мы должны сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Есть юристы, которые сомнѣваются въ томъ, должно ли это названіе: судебный врачъ, примѣнятся исключительно къ врачу, производящему экспертизу въ условіяхъ, опредѣленныхъ ст. 335 уст. угол. судопр., или же къ каждому врачу, производящему судебно-медицинскую экспертизу какого бы то ни было рода? Основываясь главнымъ образомъ на томъ, что по особымъ законоположеніямъ, обязанности судебнаго врача связаны съ обязанностями извѣстныхъ медицинскихъ должностныхъ лицъ, частные же врачи приглашаются только въ особенныхъ случахъ, и что въ примѣчаніи къ статьѣ 338 уст. угол. суд. находится положительное объя-

сненіе, по которому названіе „судебный врачъ“ не составляетъ какой-то новой должности, а служитъ только указаніемъ порядка, въ которомъ тотъ или другой врачъ долженъ быть приглашаемъ судебнымъ слѣдователемъ къ исполненію этой обязанности, нѣкоторые полагаютъ, что судебнымъ врачемъ можно назвать каждаго врача, который приглашается судомъ къ составленію экспертизы по какому-либо предмету. На это можно возразить, что еслибы названіе „судебный врачъ,“ относилось ко всякому врачу, производящему по требованію суда медицинскую экспертизу по какому бы то ни было дѣлу, то статья 336 уст. угол. суд. была бы совсѣмъ излишняя, такъ какъ освидѣтельствованіе исчисленныхъ въ ней предметовъ, само по себѣ и въ силу ст. 325 и 326, принадлежитъ къ общимъ обязанностямъ врача; по крайней мѣрѣ прибавленіе выраженія: с у д е б н а г о врача, было бы излишно, такъ какъ это разумѣется само собою; если бы эти обязанности судебнаго врача не были обязанностями особаго рода и принадлежали къ общимъ и обычнымъ обязанностямъ каждаго врача, то они не возлагались бы, особою статьею, на извѣстныя медицинскія должностныя лица, такъ какъ эти обязанности относятся къ нимъ въ силу общихъ обязанностей врача; — цѣль примѣчанія къ статьѣ 338 устраняетъ только сомнѣнія въ этомъ отношеніи, указывая, что обязанность судебнаго врача не представляетъ новой должности, „установленной при с у д е б н о м ъ п р е о б р а з о в а н і и“ въ послѣднее время, а обязанность, которая возлагалась и прежде на тѣхъ же самыхъ лицъ (1); — судебный врачъ подвергается, за несоблюденіе всѣхъ закономъ указанныхъ правилъ относительно экспертизы, другому роду наказанія, а не тому, что другіе врачи-эксперты, производящіе экспертизу по другимъ предметамъ; — наконецъ, въ иностранныхъ державахъ,

(1) М а к а л и н с к і й: Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей 1871 г. Часть II. стр. 215.

какъ напр. въ Германіи и Австріи, обязанности судебнаго врача составляютъ особую должность и не связаны вовсе съ обязанностями другихъ медицинскихъ должностныхъ лицъ, о которыхъ говорится въ ст. 337 уст. угол. судопр. Впрочемъ, и „Архивъ Суд. Медиц." смотритъ на обязанность судебнаго врача, какъ на должность особаго рода, связанную только случайно и съ ущербомъ и для судебнаго, и для общественнаго, и государственнаго блага съ должностями вышеупомянутыхъ должностныхъ медицинскихъ лицъ. Изъ всего этого ясно видно, что ст. 335 уст. угол. судопр. опредѣляетъ особый и очень важный видъ судебно-медицинской экспертизы, основанный на особыхъ и исключительныхъ условіяхъ судебной достовѣрности.

3) Кромѣ этихъ различій въ судебно-медицинской экспертизѣ, относящихся къ формальной ея сторонѣ, есть еще и другія, обусловливаемыя особенностями существенныхъ ея основаній. Къ нимъ принадлежатъ: а) особенность, зависящая отъ того, составляетъ ли медицинская экспертиза только разъясненіе, истолкованіе какого нибудь обстоятельства, на основаніи медицинскихъ наукъ, или же связана съ произведеніемъ предварительно врачемъ изслѣдованія, доставляющаго необходимыя основанія для разъясненія этого обстоятельства? Здѣсь различіе весьма очень важное, существенное. Въ первомъ случаѣ является врачъ-экспертъ просто истолкователемъ данныхъ обстоятельствъ, примѣняя къ ихъ объясненію начала медицинскихъ наукъ, подобно другимъ экспертамъ, истолковывающимъ извѣстныя явленія на основаніи своихъ познаній въ искусствѣ, ремеслѣ и т. д.; во второмъ случаѣ, напротивъ, медицинская экспертиза представляетъ логическій силлогизмъ, большую посылку котораго составляютъ судебно-медицинскія научныя начала, а малую—результаты собственнаго изслѣдованія судебнаго врача, производимыя тоже на основаніи научныхъ началъ. Слѣдовательно, здѣсь имѣется и научный анализъ, и примѣненіе научныхъ началъ къ данному предмету, и научный выводъ, а

эти дѣйствія врача обусловливаютъ совсѣмъ другія основанія экспертизы, чѣмъ въ первомъ случаѣ. По этому, основывать опредѣленіе судебнаго достоинства медицинской экспертизы на двухъ, столь существенно различныхъ началахъ ея производства, никакъ нельзя. Не смотря на то, г. Владиміровъ (1) отрицаетъ воззрѣніе на медицинскую эксперту, какъ на видъ личнаго осмотра, на томъ основаніи, „что понятіе эксперта мыслимо и безъ производства личнаго осмотра:" b) Особенность, зависящая отъ того, что и самое производство судебно-медицинскаго изслѣдованія различается по своимъ существеннымъ основаніямъ вслѣдствіе того, производится ли это изслѣдованіе на мертвомъ тѣлѣ или на живомъ. Методъ изслѣдованія въ томъ или другомъ случаѣ совершенно и существенно иной,— что мы объяснимъ ниже. Въ первомъ случаѣ, логически, чисто аналитическій, въ другомъ,—главнымъ образомъ и существенно— синтетическій. А такъ какъ эти два метода изслѣдованія обусловливаютъ совершенно различныя основанія для своей судебной достовѣрности, то и основанія судебнаго достоинства медицинской экспертизы будутъ непзбѣжно въ томъ или другомъ случаѣ совсѣмъ иныя. c) По и судебно-медицинское изслѣдованіе на живыхъ тоже представляетъ значительное различіе, если предметомъ изслѣдованія является умопомѣшательство, которое требуетъ особыхъ условій изслѣдованія, существенно отличающихся отъ условій изслѣдованія во всѣхъ другихъ случаяхъ экспертизы на живыхъ. Эта особенность зависитъ и отъ предмета изслѣдованія, обусловливающаго особый кругъ явленій т. п. психическихъ, которыя объяснить на основаніи законовъ органической жизни—всѣ стремленія до сихъ поръ не оказываются успѣшными, — и отъ метода изслѣдованія, принадлежащаго, правда, логически—къ синтетическому, но отличающагося существенно отъ метода медицинскаго изслѣдованія на

(1) Владиміровъ, l. c., стр. 19.

живыхъ, особыми началами,—и отъ научныхъ началъ, обусловливающихъ заключенія по этому предмету, и не подходящихъ вовсе, по существеннымъ свойствамъ своимъ, къ тѣмъ научнымъ началамъ, на основаніи которыхъ объясняются обыкновенно всѣ явленія органической жизни. Эти начала составляютъ основаніе особой и самостоятельной отрасли медицинскихъ наукъ, т. н. психіатріи, для которой органическая жизнь есть непремѣнное вещественное условіе, но отнюдь не существенное основаніе. По этому судебно-психіатрическая экспертиза составляетъ особый, рѣзко-отличающійся видъ судебно-медицинскаго изслѣдованія, представляющій особую степень судебной достовѣрности, на что указываетъ и уставъ угол. судопр. ст. 333—356.

Бросивъ бѣглый взглядъ на всѣ эти различія, мы получаемъ слѣдующій рядъ особыхъ видовъ судебно-медицинской экспертизы: 1) научно-медицинская экспертиза вообще, заключающая въ себѣ всѣ виды ея; 2) гражданско-судебная медиц. экспертиза; 3) уголовно-судебн. медиц. экспертиза 4) уголовно-судебная медицинская экспертиза на мертвыхъ, производимая судебнымъ врачемъ; 5) уголовно-судебн. медиц. экспертиза на живыхъ, 6) наконецъ, угол. судебн. медиц. экспертиза на страждущихъ умопомѣшательствомъ. Всѣ эти виды экспертизы различаются между собою или формальными, или же существенными своими основаніями, и обусловливаютъ различныя степени судебной достовѣрности. Спрашивается теперь, возможно ли, въ виду всѣхъ этихъ различій въ основаніяхъ судебной достовѣрности выше-показанныхъ родовъ медицинской экспертизы, примѣнить ко всѣмъ имъ названіе: судебно-медицинская экспертиза, и на этомъ основаніи разсматривать вопросъ о судебномъ достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы вообще, безъ разбора, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ юридическіе авторы по этому предмету, не исключая и самого Миттермаіера? Возможно ли, на томъ основаніи напр., что судебно-медицинское изслѣдованіе на мертвыхъ

даётъ положительные факты, а не мнѣнія, опредѣлять, что она есть свидѣтельское показаніе, когда она во многихъ случаяхъ, напр. при изслѣдованіяхъ болѣзненнаго состоянія организма, при разъясненіи извѣстныхъ обстоятелствъ дѣла, безъ предварительнаго изслѣдованія, даетъ только предположенія а не факты? и на оборотъ, возможно ли на томъ только основаніи отрицать, что медицинская экспертиза не есть свидѣтельское показаніе, что есть случаи, въ которыхъ она въ состояніи доставить суду только предположенія, мнѣнія, а не факты? Возможно ли утверждать, какъ это дѣлаетъ напр. г. Владимировъ, что медикъ-экспертъ есть научный приспѣшникъ судьи, потому только что есть случаи, въ которыхъ онъ обсуждаетъ обстоятельства дѣла, на основаніи собственнаго самостоятельнаго изслѣдованія, когда есть другіе случаи, въ которыхъ онъ даетъ лишь просто объясненіе извѣстнаго обстоятельства, на основаніи научныхъ началъ? Къ которому же изъ всѣхъ различныхъ родовъ медицинской экспертизы можно отнести названіе: судебно-медицинская экспертиза, если это названіе заключаетъ въ себѣ совмѣстно и значеніе особаго рода доказательныхъ средствъ въ уголовномъ судопроизводствѣ? По нашему мнѣнію, относить это названіе съ упомянутымъ юридическимъ и процессуальнымъ значеніемъ по уголовнымъ дѣламъ ко всякому дѣйствію врача-эксперта, никакъ нельзя; это ясно и изъ выше-изложеннаго разбора. Противорѣчащія одно другому мнѣнія юристовъ по этому вопросу, представленныя въ сочиненію г. Владимірова, служатъ тому новымъ доказательствомъ. Одинъ утверждаетъ, что медицинская экспертиза составляетъ видъ личнаго осмотра, потому что есть случаи, въ которыхъ врачемъ производится осмотръ въ присутствіи судебнаго слѣдователя; другой отрицаетъ это мнѣніе на томъ основаніи, что изслѣдованіе врача совершенно самостоятельно, что осмотръ только средство, и есть экспертизы, въ которыхъ нѣтъ никакого осмотра, никакого медицинскаго изслѣдованія. Но, упуская изъ виду это обстоятельство, г. Влади-

міровъ въ тоже время утверждаетъ съ своей стороны, что медицинская экспертиза представляетъ такое же самое дѣйствіе, какъ дѣйствіе судебнаго слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи, на томъ основаніи, что и медикъ-экспертъ производитъ самостоятельное изслѣдованіе и дѣлаетъ самостоятельные вопросы, именно при изслѣдованіи сумасшествія, — какъ будто забывая, что есть случаи, когда врачъ экспертъ не дѣлаетъ никакихъ вопросовъ, и не производитъ никакого изслѣдованія. Одни утверждаютъ, что медицинская экспертиза есть свидѣтельское показаніе на томъ основаніи, что она представляетъ лишь то, что замѣчаетъ при своемъ изслѣдованіи; но упускаютъ изъ виду, что изслѣдованіе, какъ справедливо замѣчаетъ Миттермаіеръ (1), есть только средство, а заключеніе есть главная цѣль медицинской экспертизы; другіе отрицаютъ мнѣніе, что медицинская экспертиза есть свидѣтельское показаніе, но, съ своей стороны, на томъ же самомъ что и ихъ противники, основаніи утверждаютъ, что изслѣдованіе есть обсужденіе факта, а потому медикъ экспертъ есть судья факта (judex facti)) и т. д., и т. д.

Вся эта путаница мнѣній происходитъ отъ того, что юристы не обращаютъ надлежащаго вниманія на два обстоятельства: 1) Логическое сужденіе составляетъ существенное основаніе всего процесса мышленія, всей умственной дѣятельности, но въ примѣненіи своемъ къ дѣйствительности, въ отношеніи къ какимъ-либо предметамъ, оно имѣетъ только формальное значеніе, но не составляетъ вовсе существа и юридическаго характера судебнаго заключенія, которое зависитъ вполнѣ отъ опредѣленныхъ вещественныхъ основаній большой и малой посылки силлогизма. Большую посылку при обсужденіи уголовнаго дѣла, представляетъ уголовный законъ, малую — судебное изслѣдованіе, а заклю-

(1) Миттермаіеръ: Lehre vom Beweise. 1834, стр. 183.

ченіе — юридическія послѣдствія, возникающія изъ отношеній одного лица къ другому или къ обществу, на основаніи частныхъ, общественныхъ или государственныхъ законовъ, то есть виновность или невинность подсудимаго. Въ этомъ юридическомъ характерѣ заключенія и въ этой особенности и отличительности вещественныхъ основаній посылокъ силлогизма заключается существо судейскаго сужденія, и отличаетъ его отъ сужденій всякаго другаго рода, на что указываетъ и употребленіе въ общежитіи выраженій: судъ, судья. Какъ нельзя смѣшивать физики, положимъ, съ химіею, физіологіею, философіею или какой-нибудь отраслью наукъ вообще, хотя всѣ эти науки употребляютъ одно и тоже психическое средство мышленія, т. е. силлогизмъ,— такъ нельзя смѣшивать и дѣятельности судьи съ дѣятельностью врача, на томъ только основаніи, что тотъ и другой обсуждаютъ извѣстные факты, посредствомъ одной и той же категоріи мышленія, если и направленіе ихъ сужденія и вещественное основаніе обѣихъ посылокъ силлогизма совсѣмъ иные, отличные совершенно другъ отъ друга. Умѣстно ли было бы назвать напр. физіолога потому только судьею, что онъ обсуждаетъ, на логическихъ основаніяхъ, извѣстные факты, замѣчаемые въ лягушкахъ, кроликахъ, котахъ, собакахъ, и т. п. — этихъ невинныхъ жертвахъ научной ревности физіологовъ, и, затѣмъ сравнивать эти несчастныя животныя съ несчастными жертвами правосудія среднихъ вѣковъ, мученій и ордалій, или божьихъ судовъ всякаго рода, а физіологовъ со строгими и жестокими судьями тогдашнихъ временъ? А, между тѣмъ, такое примѣненіе основанія, котораго держатся юристы при сравненіи судейскаго дѣйствія съ медицинской экспертизой, къ выше упомянутому предмету, было бы совершенно вѣрно и послѣдовательно. 2)— Юристы, при обсужденіи этого вопроса, не принимаютъ въ соображеніе выше приведеннаго различія въ условіяхъ и основаніяхъ судебно-медицинской экспертизы. Уже Миттерма-

іеръ (1) замѣчалъ, что „при провѣркѣ доказательства посредствомъ экспертовъ, надо, относительно фактовъ, различать: А) говорится ли о фактахъ, приведенныхъ въ актѣ осмотра, и существованіе которыхъ засвидѣтельствовано совмѣстно и судомъ, или же В) — о другихъ фактахъ, которыхъ существованіе приводится экспертами на основаніи собственнаго ихъ наблюденія. Первымъ нужно признать юридическую достовѣрность; но здѣсь нужно замѣтить, что въ актѣ осмотра приводятся нерѣдко факты, на основаніи лишь показанія экспертовъ, примѣняющихъ къ ихъ распознанію соотвѣтственные способы, напр. о глубинѣ ранъ, или о видѣ ихъ краевъ. Достовѣрность этихъ фактовъ не обсуждается въ такомъ случаѣ на общихъ основаніяхъ о судейскомъ осмотрѣ; эти факты составляютъ только наблюденіе экспертовъ, и достовѣрность ихъ слѣдуетъ обсуждать: a) по личнымъ качествамъ экспертовъ..... b) по способу наблюденія. Если можно предположить, что эксперты производили свои наблюденія не въ удобное время для точныхъ наблюденій этого рода, или неупотребляли надлежащихъ средствъ, или употребляли ихъ не точно и не цѣлесообразно, или же не съ надлежащею полнотою, то умепшается соотвѣтственно тому и степень достовѣрности наблюденія; c) по формѣ показанія или свидѣтельства.“ Въ этихъ замѣчаніяхъ знаменитаго юриста и профессора мы не находимъ полнаго сознанія всѣхъ выше упомянутыхъ различій, и это не удивительно, такъ какъ у медиковъ онъ не встрѣчалъ научной разработки этого вопроса; но въ его замѣчаніяхъ видно точное направленіе мысли и по предчувствію вѣрное воззрѣніе на дѣло. Удивительно, что эти замѣчанія ускользнули отъ вниманія юристовъ, разработывавшихъ въ послѣдствіи этотъ предметъ!

И такъ, придавать судебно-медицинской экспертизѣ такое судебное значеніе чтобы она представляла особый, строго

(1) Миттермаіеръ, l. c. стр. 215 и слѣд.

опредѣленный, видъ уголовныхъ доказательствъ, никакъ нельзя. Съ медицинской точки зрѣнія, она лишь представляетъ дѣйствіе врача-эксперта съ цѣлью удовлетворить требованіямъ суда, но, съ юридической точки зрѣнія, она, относительно условій судебной достовѣрности и научныхъ своихъ основаній, обусловливающихъ совмѣстно и основанія судебнаго ея достоинства, не представляетъ вовсе одного, точно опредѣленнаго подобразнаго вида дѣйствія, какъ мы это постараемся доказать ниже и на что указываетъ впрочемъ и Миттермаіеръ (1), хотя ему и не были еще извѣстны всѣ эти различія. „По многочисленности — говоритъ онъ, — и различности случаевъ, когда въ уголовномъ процессѣ приглашаются эксперты, видно, что споръ, волнующій юристовъ въ послѣднее время, относительно этого вопроса, должно ли смотрѣть на экспертовъ какъ на свидѣтелей, или какъ на помощниковъ судьи, не способствуетъ вовсе разъясненію сущности доказательства посредствомъ экспертовъ, такъ какъ вообще не будетъ никогда возможно всѣ случаи, въ которыхъ въ уголовномъ процессѣ приглашаются эксперты, причислить или къ дѣйствію свидѣтеля, или же къ дѣйствію помощника судьи. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ экспертамъ приходится разсуждать о какихъ либо общихъ вопросахъ, или о томъ, что вообще возможно, нельзя ихъ назвать свидѣтелями, такъ какъ они не дѣлаютъ никакого наблюденія. Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они объявляютъ свое мнѣніе о фактахъ, для узнанія которыхъ необходимы техническія свѣдѣнія, одна только часть ихъ мнѣнія относится къ свидѣтельскому показанію.“ Слѣдовательно, съ юридической точки зрѣнія, нельзя никакимъ образомъ разсматривать медицинскую экспертизу, какъ одинъ особый, опредѣленный видъ уголовныхъ доказательствъ, и на этомъ основаніи обсуждать судебное ея достоинство ко-

(1) Миттермаіеръ, l. c стр. 184.

торое, какъ мы укажетъ ниже, различается существенно по различнымъ отдѣльнымъ ея видамъ. Съ юридической точки зрѣнія, казалось бы, что названіе должно быть примѣняемо исключительно къ дѣйствію врача эксперта, упоминаемому въ ст. 335 уст. угол. судопр.; т. е. къ изслѣдованію, которое производитъ судебный врачъ. Принимая однакожъ во вниманіе то, что мы сказали выше, относительно этого предмета, т. е. что научныя основанія судебно-медицинскаго изслѣдованія различны въ существѣ, смотря по предметамъ, приведеннымъ и опредѣленнымъ въ выше упомянутой статьѣ 335 уст. угол. судопр., отчего зависятъ и различныя основанія судебнаго ея достоинства, то и съ юридической точки зрѣнія названіе „судебно-медицинской экспертизы,“ къ обозначенію упомянутаго вида экспертизы, т. е. къ изслѣдованіямъ врача по 335 ст. не должно быть примѣняемо.

Изъ этого разбора слѣдуетъ, что выраженія: судебно-медицинская экспертиза, нельзя употреблять иначе, какъ съ медицинской точки зрѣнія исключительно, т. е. для обозначенія дѣйствія врача-эксперта съ судебною цѣлью по уголовнымъ дѣламъ, не давая ему однакожъ безразлично юридическаго значенія въ уголовномъ процессѣ. Юридическій характеръ пріобрѣтаетъ судебно-медицинская экспертиза лишь на основаніи свойствъ различныхъ своихъ видовъ, съ различными научными началами, и различными законными условіями.

Но судебно-медицинская экспертиза представляетъ существенныя различія и съ медицинской точки зрѣнія. Судъ прибѣгаетъ къ судебно-медицинской экспертизѣ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда надлежитъ опредѣлить существованіе извѣстныхъ фактовъ, для точнаго наблюденія и разслѣдованія которыхъ необходимы свѣдѣнія по естественнымъ и медицинскимъ наукамъ: 2) когда посредствомъ свѣдѣній этого рода необходимо опредѣлить свойство извѣстныхъ фактовъ со всею точностью; 3) когда на основаніи этого рода свѣдѣній.

необходимо обсудить возможность или вѣроятность извѣстныхъ показаній или сознаній; и 4) когда, на основаніи того-же рода свѣдѣній, надлежитъ опредѣлить внутреннюю связь извѣстныхъ фактовъ съ ихъ послѣдствіями, добытыхъ съ достовѣрностью другимъ путемъ (1).

Обращая тщательное вниманіе на эти предметы судебно-медицинской экспертизы, мы видимъ, что къ нимъ причисляются съ одной стороны предметы (3 и 4), для истолкованія которыхъ, кромѣ удовлетворительнаго знанія научныхъ медицинскихъ началъ и проницательности, не требуется отъ врача никакихъ особыхъ дѣйствій или пріемовъ, съ другой же стороны, предметы, для надлежащаго разъясненія которыхъ требуется неизбѣжно предварительное судебно-медицинское изслѣдованіе (1 и 2), слѣдовательно, примѣненіе особыхъ техническихъ пріемовъ и знаній, и извѣстной ловкости для произведенія его; что въ первомъ случаѣ, для силлогизма медицинской экспертизы, большую посылку доставляютъ медицинскія науки, меньшую же судебное слѣдствіе; а въ другомъ случаѣ, меньшую доставляетъ собственное судебно-медицинское дѣйствіе врача-эксперта. Это обстоятельство составляетъ существенную разницу между обоими родами медицинской экспертизы. Въ первомъ случаѣ, выводъ представляетъ собственно отвѣтъ на судебный вопросъ, заключающійся въ малой посылкѣ; во второмъ, выводъ, составляющій медицинское заключеніе, добывается на основаніи малой посылки, пріобрѣтенной собственнымъ наблюденіемъ и разслѣдованіемъ врача, указаніемъ для котораго служитъ судебный вопросъ; слѣдовательно, существеннымъ и отличительнымъ свойствомъ силлогизма медицинской экспертизы другаго рода, является судебно-медицинское изслѣдованіе, производимое на особыхъ научныхъ началахъ, и предполагающее особыя законныя

(1) Шпрмаіеръ: Lehrbuch der gerichtl. Mediz. 1861. Erlangen, стр. 18. Миттермаіеръ 1. с. стр. 181..

и научныя условія. Юридическое значеніе этихъ двухъ родовъ медицинской экспертизы должно быть поэтому совершенно различное по существеннымъ своимъ основаніямъ и условіямъ. Въ первомъ случаѣ, единственнымъ основаніемъ экспертизы служатъ научно-медицинскія начала вообще; во второмъ, кромѣ того, самостоятельное, свойственное врачу-эксперту дѣйствіе, производимое на основаніи особыхъ научныхъ медицинскихъ началъ и особыхъ условій, придающихъ медицинской экспертизѣ особый родъ юридической достовѣрности. По этимъ именно причинамъ, мы должны различать эти два рода судебно-медицинской экспертизы, такъ какъ и научныя ихъ основанія, и законныя ихъ условія, и юридическое значеніе, совершенно разныя. А такъ какъ и научныя основанія, и научныя и законныя условія, и юридическое значеніе судебно-медицинской экспертизы перваго рода, тѣже самыя, что и всѣхъ другихъ родовъ научной экспертизы вообще, медицинская же экспертиза втораго рода, съ ея особымъ и свойственнымъ врачу изслѣдованіемъ, отличается существенно отъ первой во всѣхъ вышевысказанныхъ отношеніяхъ; то по этому, никакъ нельзя употреблять одно и тоже названіе для обозначенія двухъ существенно-различныхъ родовъ медицинскаго дѣйствія. Пріобрѣвъ, такимъ образомъ, строгое, однородное основаніе для опредѣленія сущности предмета, мы будемъ, для обозначенія судебно-медицинской экспертизы п е р в а г о рода, употреблять названіе: „н а у ч н о - м е д и ц и н с к а я экспертиза,“ а для в т о р а г о рода названіе: с у д е б н о - м е д и ц и н с к а я экспертиза,“ и въ этомъ-то именно смыслѣ мы поставили это выраженіе въ заглавіи настоящаго нашего разсужденія, задачей котораго разобрать существенныя свойства, и основанія юридическаго достоинства с у д е б н о - м е д и ц и н с к о й экспертизы.

II.

Въ инквизиціонномъ судопроизводствѣ, существующемъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, а даже отчасти и въ Русской Имперіи, судебное достоинство судебно-медицинской экспертизы, основывается на законномъ опредѣленіи ея значенія въ системѣ уголовныхъ доказательствъ. Но такъ какъ вездѣ, гдѣ послѣдовало введеніе институціи присяжныхъ, эта система потеряла свою прежнюю законную силу, то представляется необходимость въ пріобрѣтеніи, для судебно-медицинской экспертизы, новой почвы, новыхъ основаній ея судебнаго достоинства, тѣмъ болѣе, что судебно-медицинская экспертиза по мнѣнію извѣстныхъ юристовъ, и при новомъ судо-производствѣ, не лишилась существеннаго своего значенія. Пріобрѣтеніе этихъ новыхъ основаній можетъ послѣдовать единственно по тщательномъ, подробномъ разсмотрѣніи существенныхъ свойствъ судебно-медицинской экспертизы, обусловливающихъ и способность ея къ удовлетворенію судебнымъ цѣлямъ и степень этого удовлетворенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ инквизиціонномъ судопроизводствѣ, опредѣленіе судебно-медицинской экспертизы въ системѣ уголовныхъ доказательствъ, основывалось главнымъ образомъ тоже на существенныхъ ея свойствахъ, но точное ихъ разслѣдованіе и опредѣленіе было дѣломъ законодателя и юриспруденціи вообще, а не лицъ, занимающихся практическимъ примѣненіемъ установленныхъ началъ къ данному уголовному дѣлу, для которыхъ (лицъ) этотъ предметъ не представлялъ непосредственно никакого интереса. Послѣ введенія въ уголовное судопроизводство институціи присяжныхъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе, между прочимъ, и фактической стороны судебнаго

дѣла, и послѣ одновременнаго устраненія системы законныхъ доказательствъ, вслѣдствіе чего присяжные пріобрѣли право основывать свой приговоръ на внутреннемъ убѣжденіи, отвѣчая за справедливость его только передъ судомъ собственной совѣсти, все сводится къ вопросу: какими средствами можетъ воспользоваться судопроизводство, чтобы возбудить и укрѣпить внутреннее убѣжденіе присяжныхъ? Конечно, чѣмъ въ большемъ количествѣ случаевъ, эти средства будутъ содѣйствовать точному изслѣдованію судебнаго дѣла, а въ слѣдствіе того, чѣмъ они полезнѣе и удобнѣе для открытія истины, тѣмъ большее будетъ ихъ значеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ, тѣмъ большая будетъ ихъ доказательная сила, въ чемъ и главное дѣло. Одно и то же доказательное средство въ одномъ случаѣ и для извѣстной судебной цѣли, можетъ пользоваться болѣе положительнымъ и рѣшительнымъ вліяніемъ, нежели другія; между тѣмъ, въ другихъ случаяхъ и для достиженія другихъ судебныхъ цѣлей, оно можетъ имѣть совершенно второстепенное значеніе, и даже быть непримѣнимымъ. По этому, всѣ споры юристовъ, касающіеся различія между судебнымъ достоинствомъ свидѣтельскихъ показаній и заключенія экспертовъ, между фактомъ и мнѣніемъ, и т. д., будтобы выражающими различные степени судебной достовѣрности, представляютъ до сихъ поръ только юридическія тонкости, праздныя, безосновательныя пренія, имѣющія видъ формальной важности лишь потому, что существенныя основанія судебнаго достоинства медицинской экспертизы и свидѣтельскихъ показаній, до сихъ поръ еще съ надлежащею точностію не разслѣдованы и не опредѣлены. Есть юристы, которые доказываютъ необходимость системы уголовныхъ доказательствъ и для суда присяжныхъ (1), и ссылаются, въ этомъ

(1) Carmigniani, della leggi. Vol. IV. p. 32 и слѣд.

Владимировъ l. c. стр. 11. Цахаріэ. Handbuch des deutschen Strafpro. B. II § 427. Фостенъ Эли (Hélie) Traité de l'instr. crim. 2. éd. t. IV. p. 526. Bonnier, Traitè des preuves t. I p. 128.

отношеніи, на англійское law of evidence и американскій code of evidence, не обращая совсѣмъ вниманія на то обстоятельство, что, въ дѣйствительности, эти два свода представляютъ только собраніе наставленій, пріобрѣтенныхъ долговременнымъ опытомъ по судебной практикѣ, какъ оцѣнить въ данномъ случаѣ изысканныя судебнымъ слѣдствіемъ доказательства, а не теорію законныхъ доказательствъ въ смыслѣ слѣдственной системы судопроизводства.

Цѣль всей судебной дѣятельности вообще состоитъ въ изслѣдованіи истины въ каждомъ преслѣдуемомъ дѣлѣ. Къ чему же должна послужить эта истина? Къ разрѣшенію вопросовъ, относящихся: 1) къ возстановленію событія преступленія; 2) къ открытію и уличенію виновника, и 3) къ опредѣленію законнаго характера виновности и ея степени (2). Но вопросъ о виновности предполагаетъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, именно: Было ли событіе преступленія дѣйствіемъ подсудимаго? и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину? Слѣдовательно, дабы опредѣлить судебное достоинство судебно-медицинской экспертизы, необходимо обнаружить: А) къ рѣшенію котораго изъ упомянутыхъ вопросовъ относится, по сущности своей, судебно-медицинская экспертиза? В) Какое значеніе ея въ ряду судебныхъ доказательствъ? и С) Въ какомъ отношеніи она находится къ другимъ доказательствамъ, именно, къ свидѣтельскимъ пока-

---

(2) Миттермаіеръ: Lehre von Beweise стр 2. „Der wichtigste Theil des Erkenntnisses, durch welches ueber die Schuld des wegen Verbrechen Angeklagten geurtheilt werden soll, ist derjenige, durch welchen entschieden wird, ob das Verbrechen verübt worden ist, ob der Angeschuldigte dasselbe verübt habe, und mit welchen, die Strafbarkeit bestimmendem Nebenumständen, die That begangen worden ist.

Стр. 61.... im Inquisitionsprocesse führt der Inkwirent in so ferne Beweis, als er im Interesse der Wahrheit allen Thatsachen nachspürt, und Beweise derselben zu liefern sucht, so weit sie sich auf den Thatbestand, den Thäter und die Strafbarkeit des leztern beziehen.

занімъ? Только рѣшеніе этихъ вопросовъ доставитъ намъ точное основаніе и для разрѣшенія слѣдующихъ задачъ: Какое должно быть процессуальное устройство медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ вообще и какія причины настоящей неудовлетворительности судебно-медицинской экспертизы?

Разрѣшеніе этихъ вопросовъ вполнѣ зависитъ отъ разслѣдованія существенныхъ свойствъ суд.-медиц. экспертизы, равно какъ и тѣхъ законныхъ условій, которыя опредѣлены для обезпеченія за ней возможной степени судебной достовѣрности.

Главную цѣль судебно-медицинской экспертизы составляетъ несомнѣнно з а к л ю ч е н і е, которое даетъ суду возможность рѣшить сомнѣніе по данному уголовному дѣлу. Но это заключеніе представляется логическимъ выводомъ, силлогизмомъ, большую посылку котораго составляютъ общія судебно-медицинскія начала, т. е. теоретическая Судебная Медицина, меньшую же результаты суд.-медицинскаго изслѣдованія, представляющіе, какъ вышеизложено, необходимое вещественное основаніе всей медицинской экспертизы, и кромѣ того, имѣющіе для суда, другую, посредственную, но не менѣе значительную важность, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Слѣдовательно: существенныя свойства судебно-медицинской экспертизы зависятъ: а) отъ свойствъ большой посылки, т. е. отъ свойственныхъ Судебной Медицинѣ научныхъ началъ вообще; б) отъ свойствъ малой посылки т. е. отъ свойственныхъ судебно-медицинскому изслѣдованію качествъ; и в) отъ логическихъ свойствъ вывода, составляющаго заключеніе. Мы начнемъ нашъ разборъ съ разсмотрѣнія свойствъ судебно-медицинскаго изслѣдованія, потому что такимъ образомъ мы пріобрѣтемъ основанія для точнаго уразумѣнія значенія обстоятельствъ, важныхъ для изясненія свойствъ судебно-медицинскихъ началъ.

Судебно-медицинское изслѣдованіе врача-эксперта предполагаетъ: 1) предметъ изслѣдованія; 2) методъ изслѣдованія; и 3) актъ, заключающій результаты этого изслѣдованія, то есть: свидѣтельство или протоколъ.

Разсмотрѣніе и опредѣленіе этихъ основныхъ частей судебно-медицинскаго изслѣдованія, относительно ихъ существенныхъ началъ и ихъ достоинства для цѣлей экспертизы, доставитъ намъ необходимое основаніе для положительнаго и удовлетворительнаго рѣшенія прочихъ вопросовъ, составляющихъ цѣль нашего разсужденія.

III.

1) ПРЕДМЕТЪ всего судебно-медицинскаго изслѣдованія составляютъ: а) человѣческій организмъ, въ его физическомъ, физіологическомъ и патологическомъ состояніяхъ, въ его органическихъ отправленіяхъ и въ его дѣятельности; б) различныя произведенія и отдѣленія его, какъ-то: слизь, кровь, сѣмянная жидкость, моча, рвотныя массы, извержения всякаго рода, волосы, ногти и т. д.; в) различные посторонніе предметы и обстоятельства судебнаго дѣла, на столько, на сколько они въ данномъ случаѣ имѣютъ извѣстное отношеніе къ человѣческому организму. Первыя двѣ категоріи предметовъ, за исключеніемъ умопомѣшательства, считаются даже юристами неоспоримою принадлежностью области судебно-медицинской экспертизы, такъ-какъ въ разслѣдованіи ихъ никто врача замѣнить не въ состояніи; но третья категорія предметовъ, вмѣстѣ съ разслѣдованіемъ умопомѣшательства, представляетъ compli-

тельный и спорный вопросъ. Объ умономѣшательствѣ мы будемъ говорить ниже особо; вопросъ же о посторонних предметахъ и о различныхъ обстоятельствахъ судебнаго дѣла, мы должны разобрать здѣсь болѣе обстоятельно, такъ какъ, по нашему мнѣнію, въ немъ и заключается главное основаніе всего разнообразія мнѣній юристовъ, относительно юридическаго значенія медицинской экспертизы и судебнаго ея устройства, а также главная причина вмѣшательства самихъ врачей-экспертовъ въ рѣшеніе вопросовъ, не принадлежащихъ, по ихъ сущности, къ медицинской экспертизѣ.

Причина этой путаницы, этого смѣшенія медицинскихъ и юридическихъ задачъ при изслѣдованіи судебнаго дѣла, состоитъ въ томъ, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же обстоятельство, часто служитъ предметомъ какъ медицинскаго, такъ и юридическаго изслѣдованій. Предѣлы этихъ двухъ различныхъ родовъ изслѣдованія до такой степени подвижны, что нарушеніе ихъ съ той и съ другой стороны совершается очень легко, почти незамѣтно и безсознательно. Такъ-какъ судьѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ медицинской экспертизы обойтись не льзя, и онъ принужденъ искать въ ней необходимыхъ изъясненій по своему дѣлу, между-тѣмъ врачъ-экспертъ только по формальной сторонѣ дѣла нуждается въ помощи судьи, то неудивительно, если это нарушеніе предѣловъ медицинской экспертизы и судебнаго слѣдствія совершается чаще врачемъ, и даетъ поводъ къ неправильнымъ съ его стороны заключеніямъ. Такому уклоненію способствуетъ еще и то обстоятельство, что судьи иногда требуютъ отъ врачей отвѣта на вопросы такого рода, на которыя врачъ-экспертъ, по существу экспертизы, отвѣта дать не въ состояніи и давать не д о л ж е н ъ. Это служитъ доказательствомъ, что судьи иногда не ясно понимаютъ какъ свою собственную задачу по преслѣдуемому дѣлу, такъ и значеніе суд.-медицинской экспертизы въ изъясненіи и рѣшеніи его.

Посторонніе предметы являются лишь тогда предметомъ

судебно-медицинскаго изслѣдованія, когда можно предполагать, что они находились въ какомъ-либо соприкосновеніи съ человѣческомъ организмомъ, и когда представляется необходимость разслѣдовать это соприкосновеніе. Случилось напр. убійство, и предполагается, что оно произведено извѣстною палкою. Эта палка разсматривается врачемъ-экспертомъ для разъясненія: а) имѣетъ ли она всѣ качества, нужныя для того, чтобы произвести замѣченныя на убитомъ поврежденія, послѣдствіемъ которыхъ считается въ этомъ случаѣ смерть? б) нѣтъ ли на палкѣ какихъ нибудь слѣдовъ, т. е. пятенъ крови, волосъ и т. д., доказывающихъ, что она была въ соприкосновеніи съ человѣческимъ организмомъ, или съ органическими его произведеніями и частями; — в) нѣтъ-ли на организмѣ убитаго такихъ слѣдовъ, которые бы указывали на то, что убійство совершено дѣйствительно этою палкою, — напр. формы подтека, или раны и т. п., соотвѣтствующихъ особой формѣ палки, или осколковъ палки, и т. д. Иногда и для самаго врача очень важно узнать, отъ какого орудія произошла смерть, для точнаго опредѣленія напр., было ли въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство?

Слѣдовательно, при разслѣдованіи постороняго предмета врачемъ-экспертомъ, все сводится къ тому, чтобы, на основаніи спеціальныхъ его знаній и свѣдѣній, а также собственнаго и самостоятельнаго изслѣдованія, врачъ-экспертъ узналъ, есть ли въ данномъ случаѣ какіе нибудь признаки на предметѣ и на организмѣ, по которымъ онъ могъ бы опредѣлить взаимныя ихъ отношенія?

Для судьи, напротивъ, эта палка имѣетъ совсѣмъ иное значеніе. Она служитъ ему средствомъ уличенія виновнаго. Если врачъ-экспертъ, посредствомъ своего судебно-медицинскаго изслѣдованія, докажетъ, что на этой палкѣ находятся слѣды прикосновенія ея къ человѣческому организму, и если укажетъ на возможность совершенія изслѣдуемаго убійства этою

палкою, то судья, освобожденный отъ необходимости разыскивать эти обстоятельства другимъ путемъ, находитъ твердую точку опоры для дальнѣйшаго производства, и ведетъ его уже съ цѣлью пріобрѣсти доказательства виновности подсудимаго; для достиженія этой цѣли, онъ пользуется другими качествами этой палки, а не тѣми, которыя послужили врачу для достиженія его цѣлей. Исходная точка для обоихъ—одна и та-же, но направленіе ихъ дѣйствія совсѣмъ различное. Положимъ, что врачу-эксперту, при произведеніи экспертизы, изъ результатовъ судебнаго слѣдствія, или же изъ другихъ источниковъ, извѣстно, что эта палка употреблена для совершенія убійства, что она составляетъ собственность извѣстнаго лица, которое обвиняется, вслѣдствіе того, въ совершеніи убійства, или же, положимъ, что извѣстное лице подозрѣвается въ совершеніи убійства; когда врачъ найдетъ и кровяныя пятна на его палкѣ, а на организмѣ убитаго - осколокъ дерева, который могъ быть отъ этой палки, тогда, увлекаясь этими данными, и руководясь собственнымъ своимъ изслѣдованіемъ поврежденій, причинившихъ смерть убитаго, онъ обыкновенно рѣшаетъ не только чисто медицинскій, но и вообще вопросъ о виновности, заключая положительно, что убійство было дѣйствительно совершено подозрѣваемымъ лицемъ, и посредствомъ представленной ему палки. Что это не предположеніе, но что такіе факты дѣйствительно и нерѣдко случаются, подтверждаютъ многочисленные примѣры судебной практики. Въ доказательство мы приведемъ слѣдующій случай, который разсказываетъ Старкн(1). При одной попыткѣ убійства, подвергнувшійся нападенію ударилъ нападающаго въ лицо большимъ ключемъ, который держалъ въ рукахъ. Пятно, образовавшееся отъ этого удара, приняло совершенно форму бородки этого ключа, и на этомъ основаніи врачъ-экспертъ заключилъ, что преступленіе дѣйствитель-

(1) Валдъ, Gerichtliche Medizin, I Thl. стр. 26.

но совершено подозрѣваемымъ лицемъ. Ни въ нашемъ, ни въ этомъ случаѣ врачъ не былъ въ правѣ давать свои рѣшительныя заключенія. Въ первомъ случаѣ врачъ былъ въ правѣ сказать, что поврежденія на тѣлѣ убитаго могли быть нанесены представленною палкою, судя по ея физическимъ качествамъ, по пятнамъ крови, доказывающимъ, что она была въ соприкосновеніи съ человѣческимъ организмомъ,— по волосамъ, которые очень похожи на волосы убитаго, и по тому, что на организмѣ убитаго найденъ древесный осколокъ, который по своей формѣ подходитъ къ свѣжему углубленію, находящемуся на изслѣдуемой палкѣ. Во второмъ же случаѣ, врачъ былъ въ правѣ сказать, на основаніи своего собственнаго медицинскаго наблюденія, что, замѣчаемое на лицѣ подсудимаго пятно, происходитъ отъ удара твердымъ предметомъ и имѣетъ форму, очень подходящую къ формѣ бородки ключа, который ему былъ представленъ. Всѣ прочія заключенія врача въ обоихъ случаяхъ были неумѣстны; онъ не имѣлъ совершенно никакого права выражать ихъ, такъ какъ они не составляютъ прямаго вывода изъ собственнаго изслѣдованія врача, по его спеціальности, а основаны на обстоятельствахъ, разслѣдованіе и обсужденіе которыхъ принадлежитъ судьѣ, а не эксперту. Но предѣлы, раздѣляющіе медицинское изслѣдованіе отъ судебнаго, столь незамѣтны, что это неправильное вторженіе врача-эксперта въ область дѣйствій суда ускользаетъ отъ общаго вниманія и дѣлается въ послѣдствіи поводомъ къ различнымъ ошибкамъ и ложнымъ предположеніямъ. Этому нарушенію врачемъ предѣловъ медицинской экспертизы сильно способствуетъ и то обстоятельство, что судьи вовсе не обращаютъ вниманія на неумѣстность заключеній врача, не замѣчаютъ ее, и даже довольны, что такимъ образомъ облегчается ихъ собственная задача. Если врачъ-экспертъ сдѣлаетъ положительное заключеніе, что убійство совершено представленною ему палкою, то судья уже не считаетъ себя обязаннымъ направлять слѣдствіе

къ списканію доказательствъ инымъ путемъ: дѣйствительно ли этою палкою совершено изслѣдуемое убійство, или нѣтъ?— когда-же свидѣтели покажутъ, что эта палка составляетъ собственность обвиняемаго въ убійствѣ лица, то заключеніе врача-эксперта, что оно совершено этимъ лицемъ, кажется совершенно послѣдовательнымъ, правильнымъ, неоспоримымъ, а вовсе не обращается вниманія на то, что какъ бы справедливо и точно ни было это заключеніе, оно не дѣло врача,— а судьи, что оно представляетъ только злоупотребленіе со стороны врача-эксперта, такъ какъ основывается отчасти на показаніяхъ не медицинскихъ, несомнѣнности которыхъ врачъ-экспертъ обсудить не въ состояніи.— Уже Миттермаіеръ (1) замѣчаетъ, что судьи очень часто предлагаютъ врачамъ-экспертамъ вопросы, на которые они даютъ отвѣтъ, не на основаніи началъ, принадлежащихъ къ ихъ спеціальности, и рѣшаютъ обстоятельства, очень важныя для рѣшенія вопроса о виновности.

Обстоятельства судебнаго дѣла, какъ н. п. мѣстность, ея свойства, обстановка, положеніе тѣла во время совершенія убійства, слѣды стопъ, рукъ, положеніе орудія, платья, слѣды борьбы, посторонніе предметы и ихъ положеніе и т. д., представляются еще болѣе частымъ источникомъ вышеупомянутой путаницы и смѣшенія основаній судебно-медицинской экспертизы и судейскаго слѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и происходящихъ отъ этого ошибочныхъ мнѣній и предположеній, относительно значенія судебно-медиц. экспертизы. Въ то же время, они составляютъ главный поводъ спора о томъ, кому принадлежитъ законно первоначальное разслѣдованіе обстоятельствъ судебнаго дѣла, врачу или судьѣ, эвентуально полицейскимъ чинамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельства, сопровождающія совершеніе преступнаго дѣйствія, имѣютъ для судебнаго врача большое значеніе, такъ какъ онъ очень часто единственно съ

(1) Gerichtssaal 1861. стр. 179.

ихъ помощію въ состояніи рѣшить, произошло ли въ данномъ случаѣ убійство или самоубійство, а даже иногда и вопросъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ естественною или насильственною смертью? Впрочемъ, и для разъясненія и рѣшенія многихъ другихъ судебныхъ вопросовъ, эти обстоятельства для эксперта очень важны. Нѣтъ тоже никакого сомнѣнія, что одинъ только врачь въ состояніи узнать на дѣлѣ и опредѣлить важность этихъ обстоятельствъ въ отношеніи къ человѣческому организму и къ ихъ значенію для разъясненія событія преступленія, такъ какъ иногда маленькій отломокъ ногтя, листъ растенія (1), нѣсколько волосъ въ рукахъ убитаго, незначительное количество порошка, жидкости, кушанья, напитка и т. д., можетъ составлять сильное средство для разысканія истины, и что, слѣдовательно, первоначальное изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ, должно принадлежить врачу. Но польза, съ другой стороны, упускать изъ виду, что приглашеніе врача встрѣчаетъ иногда много препятствій и требуетъ необходимо извѣстныхъ формальностей, для исполненія которыхъ требуется время; что, въ теченіе этого времени, многія обстоятельства исчезаютъ, или подвергаются уничтоженію по разнымъ причинамъ, не зависящимъ иногда вовсе отъ человѣческой воли; что также и для судьи эти обстоятельства имѣютъ громадную и даже рѣшительную важность, слѣдовательно и онъ обязанъ разсмотрѣть ихъ поспѣшнѣе, прежде чѣмъ можетъ послѣдовать прибытіе врача, дабы избѣгнуть ихъ уничтоженія, замѣны, или подлога. По всѣмъ этимъ причинамъ, удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса представляется слишковъ труднымъ, — что обусловливаетъ до извѣстной степени и неудовлетворительность медицинской экспертизы, и даетъ весьма часто поводъ къ спо-

---

(1) Извѣстное дѣло убійства дѣвушки во Франціи въ 1847 г. извѣстнымъ монахомъ frère Léotade.

Elwell. Malpractique and médical evidence. New-York 1871. стр. 290.

рамъ о принадлежности изслѣдованія, къ нарушенію предѣловъ медицинской экспертизы и судебнаго слѣдствія и къ ошибочнымъ сужденіямъ о достоинствѣ и юридическомъ значеніи судебно-медицинской экспертизы. Предѣлы области дѣятельности врача-эксперта и судьи, при изслѣдованіи обстоятелствъ дѣла, еще болѣе тонки и менѣе замѣтны, чѣмъ при изслѣдованію постороннихъ предметовъ, и по этому врачъ-экспертъ долженъ вмѣнить себѣ въ строгую обязанность соблюдать тщательно эти предѣлы, дабы избѣгнуть всего вреднаго для судебнаго дѣла ихъ нарушенія. Въ этомъ отношеніи дѣлаетъ Вальдъ слѣдующіе замѣчаніе (1): „Въ настоящее время нѣкоторые авторы по нашему предмету заявляютъ столь ревностное стремленіе строго отдѣлить область судебно-медицинскаго отъ области судейскаго изслѣдованій, что они нарушеніе этихъ предѣловъ со стороны врача считаютъ самымъ большимъ промахомъ. Это предостереженіе, ne sutor ultra... имѣетъ свое основаніе, такъ какъ и судебная медицина, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, имѣетъ извѣстные предѣлы, которые всякій судебный врачъ долженъ на практикѣ строго соблюдать. Но эти предѣлы науки не всегда одни и тѣже: они различаются по мѣрѣ того, съ какой точки зрѣнія разсматривается эта наука. Содержаніе судебной медицины различно до извѣстной степени отъ содержанія общей медицинской науки; оно примѣняется къ извѣстной опредѣленной цѣли... Поэтому, и понятіе о судебномъ врачѣ несовѣмъ сходно съ понятіемъ о врачѣ вообще. Съ этой точки зрѣнія, кажется намъ, что недостаточно опредѣленныя границы раздѣляютъ нѣкоторыя области нашей отрасли медицинскихъ наукъ отъ области другихъ наукъ. Сомнительную область этого рода представляютъ намъ именно обстоятельства, среди которыхъ находится, напр., трупъ убитаго въ то время, когда онъ найденъ. Судебный врачъ по-

(1) Wald. l. c. I. стр. 54.

нималбы очень неправильно свою задачу, еслибы основывалъ свое заключеніе исключительно на уликахъ этого рода; но было бы также не менѣе неправильно съ его стороны, если бы онъ пренебрегалъ вполнѣ указаніями этого рода... И не смотря на то, что только онъ самъ въ состояніи узнать иногда громадную важность многихъ, бросающихся въ глаза, обстоятельствъ судебнаго дѣла, есть еще много обстоятельствъ, которыя на первый взглядъ очень малозначительны, едва лишь замѣтны, но которыя пріобрѣтаютъ однакожъ въ послѣдствіи громадную важность, для точнаго рѣшенія строго медицинскихъ вопросовъ. Положеніе трупа, разстояніе отъ него орудія, сторона трупа, по которой оно лежитъ, направленіе его положенія, присутствіе кровяныхъ пятенъ на полу, на мебели и т. д., — вотъ обстоятельства, могущія разъяснить существо судебнаго дѣла, способствовать точности медицинскихъ заключеній. Словомъ, только врачъ способенъ замѣтить много изъ этихъ обстоятельствъ, или воспользоваться ими надлежащимъ образомъ для пользы судебнаго дѣла, если они были замѣчены другими.“ Для наглядnаго показанія — какъ незначительна грань, раздѣляющая области судебную и судебно-медицинскую между собою, мы приведемъ нѣсколько случаевъ. Вотъ, что между-прочимъ разсказывается въ біографіи знаменитаго хирурга Эстли Купера (1). Въ 1806 г. его пригласили въ Дептфордъ, къ нѣкоему Брайту, смертельно раненному выстрѣломъ изъ пистолета. Пріѣхавъ къ нему, онъ нашелъ его уже мертвымъ. Изслѣдованіе мѣстности въ соображеніи съ направленіемъ раны и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что положеніе убитаго не было измѣнено до пріѣзда Купера, привело его къ заключенію, что убійца былъ лѣвша. Единственнымъ лѣвшею, находившимся въ окрестностяхъ, былъ другъ убитаго, нѣкто Пачъ, вовсе неподозрѣваемый въ этомъ убійствѣ. Однакоже

(1) Wald. l. c. Istp. 56.

впослѣдствіи онъ былъ уличенъ въ преступленіи и сознался въ томъ передъ казнію. Нѣтъ сомнѣнія, Куперъ былъ правъ, но онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не какъ врачъ-экспертъ, а какъ проницательный человѣкъ. Въ качествѣ врача-эксперта, онъ имѣлъ полное право указать на направленіе раны въ тѣлѣ убитаго, доказывающее направленіе пули послѣ выстрѣла; но разсуждать о томъ, что убійца былъ вѣроятно лѣвшею, не слѣдовало ему какъ эксперту, такъ какъ это разсужденіе не составляло прямаго и непосредственнаго вывода изъ его медицинскаго наблюденія, а основывалось на другихъ предположеніяхъ, именно на томъ убѣжденіи, что тѣло убитаго сохранило первоначальное свое положеніе до смерти и послѣ смерти убитаго, и на мѣстной обстановкѣ его; слѣдовательно на обстоятельствахъ, оцѣнка которыхъ принадлежала судьѣ, для котораго медицинское наблюденіе, относящееся къ направленію канала раны, служило бы только однимъ изъ основаній. Въ англійской медицинской литературѣ разсказывается еще слѣдующій, очень любопытный, случай (1): „Жену нѣкоего Мистера Спайсеръ, нашли мертвою внизу лѣстницы его жилья, головою внизъ и лежащею на спинѣ. Онъ показывалъ, что его жена о б ѣ д а л а вмѣстѣ съ нимъ, и удалилась изъ комнаты тотчасъ послѣ обѣда; вскорѣ послѣ того, онъ услышалъ стукъ, будтобы отъ паденія тѣла на лѣстницѣ. Всѣ сосѣди слышали этотъ стукъ тоже во время обѣда. Жена убилась на мѣстѣ. Но вскрытіе показало, что желудокъ былъ пустъ, и въ немъ не находилось никакой пищи; голова была раздроблена, спинной мозгъ въ одномъ мѣстѣ разрушенъ, правая височная артерія повреждена; на стѣнѣ, по лѣвой сторонѣ лѣстницы и вверху опой, находилось обширное кровяное пятно, представлявшее особую форму и всѣ признаки происхожденія отъ артеріальной крови; въ углу на верху лѣстницы, найдено камень,

(1) Medical. Gaz. XXXVII, 612. Wald. I, c. 63

съ острымъ краемъ, замаранный кровью, на лѣстницѣ-же не замѣчено никакого остраго предмета, который могъ бы причинить поврежденіе артеріи; тѣло женщины найдено внизу лѣстницы, головою внизъ и на взничъ. Судебный врачъ, по формѣ пятна на стѣнѣ, указывающей на артеріальную кровь, и по его направленію, равно и по той причинѣ, что на лѣстницѣ не было замѣчено никакихъ посторонныхъ предметовъ или неровностей, могущихъ объяснить поврежденіе височной артеріи, сдѣлалъ заключеніе, что поврежденіе височной артеріи послѣдовало на верху лѣстницы; и такъ какъ у убитой повреждена была правая височная артерія, и направленіе пятна на стѣнѣ указывало, что кровь брызгала изъ артеріи сверху внизъ, то онъ заключилъ, что голова убитой была насильно свернута въ сторону, поврежденіе артеріи нанесено камнемъ, и что потомъ женщина сброшена съ лѣстницы, навзничъ и головою внизъ.“ Сознаніе виновника потвердило это предположеніе. И въ этомъ случаѣ врачъ-экспертъ, какъ бы ни точнымъ оказалось въ послѣдствіи его заключеніе, не совсѣмъ былъ правъ. На основаніи своего собственнаго медицинскаго изслѣдованія, онъ былъ вправѣ сказать: что смерть была послѣдствіемъ замѣченныхъ на тѣлѣ убитой поврежденій, что камень, найденный на верху лѣстницы, запачканъ былъ кровью, что пятно на стѣнѣ, возлѣ лѣстницы, тоже было кровяное пятно, происходящее отъ артеріальной крови, и что оно образовалось такимъ способомъ, что кровь брызгала изъ артеріи въ косвенномъ направленія и сверху внизъ, что смерть женщины не послѣдовала тотчасъ послѣ принятія пищи, и что показаніе мужа въ этомъ отношеніи не вѣрно. Вотъ, что врачъ-экспертъ, на основаніи собственнаго своего, т. е. медицинскаго изслѣдованія, вправѣ былъ сказать положительнымъ образомъ; къ этому онъ тоже вправѣ былъ прибавить: что поврежденіе височной артеріи *могло* послѣдовать отъ удара найденнымъ вверху лѣстницы камнемъ; что кровяное пятно на стѣнѣ вверху лѣстницы *могло* образоваться вслѣдствіе повреж-

денія височной артеріи у женщины, но лишь въ такомъ случаѣ, если эта женщина стояла на верху лѣстницы и была обращена спиною къ ней, и если, во время поврежденія артеріи, голова ея была свернута въ лѣвую сторону и сильно книзу; что найденныя на тѣлѣ женщины прочія повреждения могли образоваться вслѣдствіе брошенія женщины съ лѣстницы навзничь и головою внизъ: все это онъ вправѣ былъ сказать,— такъ какъ обсужденіе этихъ обстоятельствъ принадлежитъ къ его спеціальности и его обязанностямъ. Но разсужденіе о томъ: совершилось ли это событіе дѣйствительно такимъ, а не инымъ образомъ, не его дѣло,—такъ какъ оно основывается на данныхъ, пріобрѣтеніе которыхъ было дѣломъ судьи, а не его. Дѣло судьи разслѣдовать со всею точностію: находился ли упомянутый камень во все время послѣ происшествія на верху лѣстницы, и не былъ ли онъ перенесенъ туда кѣмъ нибудь со ступеней лѣстницы? не происходитъ ли пятно на стѣнѣ отъ поврежденія какого нибудь другаго лица, и не было ли оно замѣчено прежде, до времени происшествія? замѣченъ ли былъ дѣйствительно во время обѣда сосѣдами упомянутый стукъ отъ паденія тѣла, или нѣтъ? — такъ-какъ, единственно на основаніи раскрытія этихъ данныхъ, выше приведенныя объясненія врача - эксперта, относительно вѣроятности происшествія, пріобрѣтаютъ значеніе положительности, и признаніе за ними этого значенія составляетъ принадлежность суда, а не врача. Врачъ былъ вправѣ обсудить отношенія вышеупомянутыхъ обстоятельствъ къ организму убитой женщины, основываясь на началахъ медицинскихъ наукъ; но предупреждать рѣшеніе суда своими заключеніями, основанными на предположеніяхъ, кои могли быть подтверждены единственно результатами судебнаго слѣдствія, врачу-эксперту никакъ не слѣдуетъ; а если онъ иногда это и дѣлаетъ, то дѣлаетъ это не въ характерѣ врача-эксперта, а въ характерѣ частнаго проницательнаго человѣка, представляющаго свое мнѣніе на обсужденіе судьи, который руководствуется въ этомъ отноше-

нін собственнымъ своимъ изслѣдованіемъ, или же, въ характерѣ врача, но указывающаго на нихъ только какъ на обстоятельства, могущія послужить къ положительному разъясненію судебнаго дѣла, разслѣдованіе и оцѣнка котораго однакоже—дѣло суда. Elwell (1) разсказываетъ между прочимъ еще слѣдующій случай: „Въ судебномъ дѣлѣ: People v. Bodine оказалось, что, послѣ погашенія пожара жилища, въ которомъ жила покойница, мертвое тѣло ея найдено среди мусора, находившагося въ углу кухни, гдѣ стояла ея кровать, въ которой она обыкновенно спала, и большая часть которой сгорѣла вмѣстѣ съ постелью и съ примыкающею къ ней стѣною,—что этотъ мусоръ, среди котораго найденъ трупъ, состоялъ изъ кирпичей, цемента и штукатурки со стѣны, изъ частицъ истребленныхъ головокъ луку, картофеля и т. п., находившихся подъ кроватью во время пожара, постели и другихъ сгорѣвшихъ веществъ; нѣсколько врачей произвели изслѣдованіе трупа и сдѣлали заключеніе, что обжогъ тѣла послѣдовалъ послѣ смерти, основывался, между прочимъ, на томъ обстолтельствѣ, что нѣкоторыя части тѣла, будучи защищены посторонними предметами, не потерпѣли отъ дѣйствія жара, а это было возможно только въ такомъ случаѣ, если тѣло оставалось безъ движенія въ теченіе сожженія его, значитъ: если оно было мертвымъ въ то время. Послѣ приговора, защитникъ подсудимаго апеллировалъ. Сенатъ, отвѣчая, высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: Врачи разсуждали въ этомъ случаѣ на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ обсуждало бы этотъ предметъ всякое другое лице, показывая, что тѣло живаго человѣка не оставалось бы совершенно спокойнымъ, во время сожженія его, — что судорожныя движенія тѣла, вслѣдствіе жара, были бы достаточны для устраненія, съ поверхности его, всего,

(1) Elwell. Malpractice and medical evidence. New-York. 3 edit. 1871. стр. 273, 282 и пр.

что его покрывало; но этого не было, ибо нѣкоторыя части его, защищеныя покрывавшими ихъ различными веществами, отнюдь не потерпѣли отъ обжога. По этому и заключили, что смерть предшествовала обжогу, а не была его послѣдствіемъ.— Но, собственно говоря, для того, чтобы сдѣлать такое заключеніе, не нужны вовсе спеціяльныя по медицинскимъ наукамъ свѣдѣнія. Всякое другое, не свѣдущее, но разсудительное, лице сдѣлало бы то же самое заключеніе.... Этотъ вопросъ не относится вовсе къ тѣмъ, которые нуждались въ освидѣтельствованіи спеціалистами.... Защитникъ имѣетъ право представить суду свои возраженія въ этомъ отношеніи, и присяжные должны обсудить, на сколько объясненія этого вопроса становятся убѣдительными для нихъ; но, однакоже, это не такой вопросъ, который наука или опытность врача съумѣли бы рѣшить удовлетворительнѣе, чѣмъ здравый разумъ несвѣдущаго присяжнаго.“ Elwell приводитъ впрочемъ много подобныхъ случаевъ и мнѣній, доказывающихъ, что предметомъ суд.-мед. изслѣдованія не обстоятельства судебнаго дѣла сами по себѣ, а отношеніе ихъ къ данному организму, и объясненіе этой именно стороны дѣла составляетъ исключительную задачу врача-експерта, на основаніи специальныхъ свѣдѣній. Представленные выше примѣры опредѣлительно указываютъ границы медицинскаго и судебнаго изслѣдованій. Врачъ-экспертъ объясняетъ различныя обстоятельства дѣла, на основаніи своего медицинскаго наблюденія и своихъ спеціальныхъ знаній, судья принимаетъ эти объясненія, какъ твердую точку опоры, обусловливающую дальнѣйшій ходъ судебнаго слѣдствія, безъ которой и слѣдствіе было бы безполезно, и приговоръ не возможенъ. Изъ этихъ же примѣровъ видно, какимъ образомъ врачъ-експертъ увлекается, въ данномъ случаѣ, къ нарушенію границъ судебной области. Онъ невольно измѣняетъ вѣроятность въ положительность, и вмѣсто того, чтобы сказать, напр., во вто-

ромъ случаѣ, что кровяное пятно могло произойти отъ повреждения височной артеріи женщины, которая тогда должна была находиться въ такомъ-то и такомъ положеніи, онъ, считая уже достовѣрнымъ то, что пятно произошло отъ поврежденія височной артеріи,— обстоятельство, которое могло быть доказано лишь судебнымъ слѣдствіемъ,— говоритъ положительно, что женщина убита такимъ-то именно образомъ, обсуждаетъ, слѣдовательно, фактъ,—что уже составляетъ исключительно дѣло суда. Съ своей стороны, судья будучи убѣжденъ, что, безъ объясненій врача-эксперта, онъ не былъ бы въ состояніи достигнуть своей судебной цѣли, не обращаетъ вниманія на то, что положительное заключеніе врача-эксперта, въ сущности, содержитъ только вѣроятность и, подвергаясь могущественному вліянію мнимой очевидности, считаетъ доказаннымъ то, для полнаго доказательства чего, онъ самъ долженъ былъ доставить собственнымъ своимъ слѣдствіемъ необходимое основаніе.

Изъ всего этого видно положительно, какимъ образомъ посторонніе предметы и различныя обстоятельства судебнаго дѣла, способствуютъ и уклоненію врача-эксперта отъ предѣловъ суд.-медиц. экспертизы, и смѣшенію ея области съ областью предварительнаго судебнаго слѣдствія, и тѣмъ самымъ подаютъ поводъ къ разнообразнымъ мнѣніямъ и сужденіямъ юристовъ, относительно достоинства суд.-мед. экспертизы предъ судомъ, о которыхъ мы будемъ еще говорить при обсужденіи свойствъ суд.-мед. заключенія и достоинства суд.-мед. экспертизы.

Въ юридической литературѣ по уголовнымъ дѣламъ разсматривается еще вопросъ, можно ли рѣшать судебное дѣло, если нѣтъ на лицо предмета, на которомъ совершено преступное дѣйствіе, а есть только свидѣтельскія показанія, которыя подвергаются, въ этихъ случаяхъ, медицинскому обсужденію (1).

---

(1) Владиміровъ 1. с. стр. 71, 72, 73.

Этотъ вопросъ имѣетъ большую важность для правосудія, такъ-какъ, при отрицательномъ отвѣтѣ на него, преступникъ оставался бы ненаказаннымъ, лишьбы ему удалось уничтожить предметъ преступнаго своего дѣйствія, подвергнувъ сожженію трупъ убитаго, похищенію животными новорожденныхъ дѣтей, коихъ напримѣръ, бросаютъ свиньямъ и т. п. Но этотъ же вопросъ для судебно-медицинской экспертизы не имѣетъ никакой важности. При отсутствіи предмета преступленія, показанія свидѣтелей подлежатъ обсужденію врача-эксперта на основаніи общихъ началъ научно-медицинской экспертизы, а не судебно-медицинскому изслѣдованію, которое, за неимѣніемъ предмета на лицо, произведено быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи, мы вполнѣ соглашаемся съ англійскими и американскими юристами, которые выражаютъ положительное мнѣніе, что „заключеніе врача-эксперта должно основываться только на его собственномъ наблюденіи, а не на свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ другихъ лицъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бы эти свѣдѣнія были ему сообщены пользующимъ врачемъ“ (1). „Единственно слѣдующій вопросъ можно предложить врачу-эксперту, который выслушалъ все судебное слѣдствіе: Положимъ, что всѣ эти факты достовѣрны: какое заключеніе можно вывести изъ нихъ?“ (3). Очевидно, этотъ вопросъ представляетъ чисто научную экспертизу, въ нашемъ смыслѣ этого слова. „Эксперту не льзя давать заключеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда факты не удостовѣрены вполнѣ; защитникъ, требующій какого-либо объясненія съ его стороны, долженъ представить ему условный случай или извѣстное состояніе фактовъ въ видѣ предположенія и тогда требовать отъ эксперта заключенія относительно этихъ фактовъ.“ (3)

---

(1) Elwell. l. c. стр. 588. 4.

(2) Elwell. l. c. стр. 589. 10.

(3) Elwell. l. c. стр. 277.

Обративъ тщательное вниманіе на вышеизложенныя свойства предмета суд.-медиц. изслѣдованія, не трудно убѣдиться въ томъ, что именно предметъ представляетъ существенное и характеристическое его основаніе. Эта характеристическая отличительность состоитъ именно въ томъ, что въ подлежащихъ случаяхъ предметъ судеб.-медицин. изслѣдованія составляетъ совмѣстно непоколебимое основаніе всего судебнаго производства, такъ что всѣ вещественныя обстоятельства послѣдняго, для полученія достовѣрности, должны быть повѣрены сопоставленіемъ съ предметомъ экспертизы. Въ выше приведенныхъ напр. случаяхъ, уличеніе виновника былобы очень сомнительно, еслибы не было доказано, на основаніи суд.-мед. изслѣдованія, какимъ орудіемъ совершено убійство. Въ случаѣ убійства жены мужемъ, состояніе желудка высказало ложность показаній мужа, а камень, пятно на стѣнѣ, поврежденіе височной артеріи, повели къ опредѣленію способа совершенія убійства, и доставили суду непоколебимое основаніе для улики убійцы. Эта существенная важность предмета суд.-медиц. изслѣдованія для всего судебнаго дѣла и его благоуспѣшнаго рѣшенія обусловливаетъ и особое, отличительное, положеніе врача-эксперта, дѣлая необходимымъ и самостоятельность его при производствѣ изслѣдованія и полную независимость отъ судьи, и возлагая на него обязанность познакомиться, по возможности, подробно съ обстоятельствами судебнаго дѣла, если онъ считаетъ это нужнымъ для успѣха своего собственнаго изслѣдованія и для судебнаго производства. На такое значеніе предмета суд. мед. изслѣдованія указываетъ очевидно и ст. 332 и 335 Уст. угол. судопр. и ст. 1738 и 1741. Уст. Суд. Медиц., какъ и вообще весь Уставъ Суд. Медиц., гдѣ упомянуты случаи, въ которыхъ „осмотръ тѣла нуженъ“ и когда судебный слѣдователь обязанъ пригласить судебнаго врача, и предписанъ порядокъ и способъ производства суд.-медиц. изслѣдованія. Въ этомъ значеніи предмета, въ необходимости самостоятельнаго и независима-

го положенія врача-эксперта отъ судьи, при производствѣ изслѣдованія, сомнѣваться не льзя и по слѣдующимъ еще причинамъ: 1) Есть случаи, въ которыхъ производится судебно-мед. изслѣдованіе на трупѣ именно для того, чтобы узнать: есть ли основаніе для какого-нибудь судебнаго дѣйствія или нѣтъ? есть ли событіе преступленія? Какія же въ этомъ случаѣ судья въ состояніи дать указанія врачу, какіе вопросы ему предложить, если онъ даже не знаетъ, была ли тутъ смерть естественная или насильственная? Не судья въ такомъ случаѣ предлагаетъ врачу вопросы и наставленія, а, напротивъ, самъ требуетъ отъ врача и указаній и наставленій, въ какомъ направленіи должно быть произведено судебное изслѣдованіе, для того, чтобы оно могло получить желаемый успѣхъ. 2) Какимъ образомъ можетъ судья предлагать врачу-эксперту соотвѣтственные и точные вопросы и давать умѣстныя наставленія, если не въ состояніи оцѣнить ни значенія, напр. на тѣлѣ убитаго замѣчаемыхъ явленій, ни важности различныхъ, иногда, для неопытнаго или несвѣдущаго глаза, едва замѣтныхъ обстоятельствъ дѣла, для рѣшенія и медицинскихъ и судебныхъ вопросовъ? Еслибы судья это самъ былъ въ состояніи оцѣнить, не предписывалось бы закономъ приглашеніе судебнаго врача; ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ предоставляетъ приглашеніе эксперта благоусмотрѣнію судьи (1). Уставъ Суд. Мед, (ст. 1744) прямо указываетъ врача-эксперта, опредѣляя, что „судебный врачъ есть первое лице“ при изслѣдованіяхъ этого рода. 3) Въ случаяхъ, въ которыхъ судья предлагаетъ врачу-эксперту вопросы, это вовсе не стѣсняетъ его въ самостоятельномъ произведеніи экспертизы, такъ-какъ онъ, по Уст. Угол. Суд. (ст. 333), обязанъ „не упускать изъ виду и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе коихъ можетъ привести къ открытію

(1) Владиміровъ l. c. стр. 124.

истины,"—которые, слѣдовательно, законъ оставляетъ самостоятельному обсужденію и усмотрѣнію врача эксперта; впрочемъ, и Уставъ Судебной Медицины вмѣняетъ ему въ обязанность совершать изслѣдованіе всего трупа, а по крайней мѣрѣ трехъ полостей его, для того, дабы не пропустить никакого обстоятельства, которое могло бы содѣйствовать разъясненію истины. И такъ, н. пр., въ вышеприведенномъ случаѣ, обстоятельство, что при вскрытіи не найдено въ желудкѣ никакой пищи, послужило убѣдительнымъ образомъ къ уличенію неточности въ показаніяхъ Спайсера и къ возбужденію подозрѣнія въ его виновности. Если бы врачъ экспертъ не вскрылъ желудка и довольствовался лишь наружнымъ осмотромъ поврежденій для доставленія отвѣта судьѣ, что смерть послѣдовала отъ поврежденія головы, столь-важное обстоятельство, уличающее виновника, осталось бы не замѣченнымъ, и изысканіе истины замедлилось бы. Этотъ случай можетъ служить яснымъ примѣромъ того, какимъ образомъ судебно-медицинское изслѣдованіе содѣйствуетъ къ провѣркѣ свидѣтельскихъ показаній или сознаній подсудимаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясненіемъ причины, по которой законъ требуетъ отъ врача по-возможности полнаго изслѣдованія мертваго тѣла, причины—почему оно должно быть непремѣнно самостоятельное и независимое, такъ какъ только врачъ-экспертъ обсудить въ состояніи, какія обстоятельства заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи. Предложеніе судьею вопросовъ, по данному уголовному дѣлу, врачу, при производствѣ имъ суд.- мед. изслѣдованія, имѣетъ только то значеніе, чтобы ему указать, какія обстоятельства для судьи болѣе важны, но не то, чтобы стѣснять самаго врача въ произведеніи экспертизы по собственному его мнѣнію и разсужденію.

Эта дѣйствительная самостоятельность и независимость суд.-мед. изслѣдованія составляетъ въ тоже время, одно изъ важнѣйшихъ основаній судебнаго достоинства суд.-мед. экспертизы и ея сущности. Поэтому-то Уставъ Судебной Медицины,

въ ст. 1741, опредѣляетъ, что „судебный врачъ имѣетъ право требовать собранныя полицейскимъ изслѣдованіемъ предварительныя свѣдѣнія;“ а въ ст: 1738 тѣ случай, въ коихъ „осмотръ тѣла необходимъ,“ и связывая его съ судомъ, съ его дѣятельностью, отнюдь не дѣлаетъ его зависящимъ отъ судьи, которому врачъ-экспертъ подчиняется, въ извѣстныхъ случаяхъ, только съ формальной стороны своего изслѣдованія, для успѣшія судебной достовѣрности сдѣланныхъ при экспертизѣ заключеній.

Изъ этого разбора слѣдуетъ убѣдительнымъ образомъ:

a) что главнымъ предметомъ судебно медицинскаго изслѣдованія и единственнымъ основаніемъ заключеній врача, по его спеціальности, есть человѣческій организмъ;

b) что если врачу-эксперту приходится обсуждать какіе-либо посторонніе предметы или обстоятельства судебнаго дѣла, то онъ обсуждаетъ лишь ихъ отношеніе къ человѣческому организму, разслѣдованіе котораго составляетъ для него единственное основаніе, единственную точку исхода для обсужденія этого отношенія;

c) что такъ-какъ изслѣдованіе человѣческаго организма можетъ быть произведено только врачемъ, а судья, по неимѣнію соотственныхъ свѣдѣній, не въ состояніи дать врачу-эксперту наставленія относительно производства экспертизы и цѣлей ея, то врачъ-экспертъ, относительно своего дѣйствія, не можетъ быть въ зависимости отъ судьи, ибо судебная цѣль его дѣйствія требуетъ непремѣнно его самостоятельности въ этомъ отношеніи;

d) что такъ-какъ врачъ-экспертъ, при своемъ изслѣдованіи, принужденъ руководиться обстоятельствами судебнаго дѣла, которыхъ значеніе, въ отношеніи человѣческаго организма, онъ только одинъ оцѣнитъ въ состояніи, то онъ зависитъ, относительно своего дѣйствія, отъ судебнаго дѣла, но отнюдь не отъ судьи;

e) что такъ-какъ судья не въ состояніи оцѣнить всей

важности обстоятельствъ дѣла, для медицинской экспертизы, ни явленій на трупѣ для судебнаго дѣла, то врачъ-экспертъ не долженъ стѣсняться вовсе вопросами судьи, а долженъ производить и направлять свое изслѣдованіе по собственному усмотрѣнію; и

f) что, наконецъ, присутствіе судьи, при извѣстныхъ родахъ судеб.-медиц. изслѣдованія, обусловливается единственно формальною стороною дѣла, и необходимо иногда самому врачу, для усиленія судебной достовѣрности его экспертизы.

2. МЕТОДЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ. Составляя одно изъ главнѣйшихъ основаній судебнаго достоинства суд.-мед. экспертизы, методъ заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ именно онъ, въ соединеніи съ протоколомъ, представляетъ всю объективность ея. Общее основаніе метода, употребляемаго при суд.-медиц. изслѣдованіи, есть общее основаніе т. н. физическаго метода, а оно состоитъ именно въ томъ, чтобы при производствѣ изслѣдованія съ извѣстною цѣлью, употреблялись единственно способы, достоинство которыхъ для достиженія этой цѣли, равно какъ и условія этого достоинства, вполнѣ извѣстны и подтверждены многочисленными опытами и наблюденіями различныхъ наблюдателей. Кромѣ того, при установленіи и опредѣленіи этихъ условій, — представляющихъ послѣдствіе совокупнаго дѣйствія многочисленныхъ и различныхъ причинъ, а не одной лишь изъ нихъ,—посредствомъ общаго вывода изъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій различныхъ наблюдателей, обращается вниманіе на всѣ выше-упомянутыя причины, которыя въ состояніи произвесть ихъ, и на совокупное дѣйствіе управляющихъ этими причинами законовъ (1).

---

(1) Милл. Логика Ч. II стр. 512. (нѣмецкій переводъ).

Объективное значеніе физическаго метода вообще состоитъ именно въ томъ, что и достоинство способовъ, употребляемыхъ для достиженія извѣстной цѣли, и установленіе и опредѣленіе существенныхъ условій этого достоинства, представляютъ общій выводъ изъ многочисленныхъ и различныхъ опытовъ и наблюденій многихъ наблюдателей, которые могутъ быть повторены и провѣрены другими во всякое время. Этимъ свойствомъ метода исключается совершенно всякая случайность изъ акта наблюденія, зависящая отъ большей или меньшей опытности въ произведеніи изслѣдованія, отъ большихъ или меньшихъ умственныхъ способностей и дарованій изслѣдователя, и самое наблюденіе пріобрѣтаетъ такимъ образомъ совершенно общее и объективное значеніе.

Требованіемъ объективности объясняется тоже, почему при суд.-медиц. изслѣдованіяхъ не льзя употреблять метода, который не провѣренъ еще многими опытами другихъ изслѣдователей; если новый метотъ употребляется иногда, при изслѣдованіяхъ по какимъ-нибудь особымъ причинамъ, то требуется непременно, для контроля, и совмѣстное примѣненіе другихъ методовъ вполнѣ извѣстныхъ по своему достоинству въ данномъ случаѣ, и многими провѣренныхъ. Авторитетъ одного лица, кто бы ни было это лицо, самъ по себѣ не имѣетъ значенія въ суд.-мед. изслѣдованіяхъ, равно какъ и во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ вообще (1). Намъ предстоитъ теперь показать, что въ суд.-мед. изслѣдованіяхъ, примѣняются дѣйствительно м е т о д ы, отличающіеся выше изложенными непоколебимыми логическими началами. Для достиженія этой цѣли и для изъясненія сущности достоинства метода для суд.-мед. изслѣдованія, мы должны раздѣлить предметы этого изслѣдованія на отдѣльныя группы и разсмотрѣть особо и подробно каждую изъ нихъ,

---

(1) Касперъ, Вальдъ, Tardié и т. д.

относительно употребляемаго при ея разслѣдованіи метода. Мы начнемъ нашъ разборъ съ разсмотрѣнія метода, употребляемаго при суд.-мед. изслѣдованіи мертваго тѣла, такъ какъ этотъ родъ суд.-мед. экспертизы представляется и въ судебномъ отношеніи самымъ важнымъ, и пользуется преимущественно всѣми свойствами физическаго метода. Это разсмотрѣніе послужитъ намъ и основаніемъ для обсужденія методовъ изслѣдованія другихъ предметовъ суд.-мед. экспертизы, сравнительнымъ образомъ.

А. Судебно-медицинское изслѣдованіе на мертвыхъ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ подробному разсмотрѣнію свойствъ изслѣдованія этого рода, надлежитъ обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое до сихъ поръ ускользало отъ вниманія всѣхъ, занимающихся этимъ предметомъ, именно юристовъ, опредѣляющихъ значеніе суд.-мед. экспертизы предъ судомъ. Мы разумѣемъ здѣсь различіе *личнаго* дѣйствія врача-эксперта по данному судебному дѣлу, отъ *метода*, который примѣняется врачемъ къ производству своего изслѣдованія. Основаніемъ возможности провѣрки, слѣдовательно и объективности перваго, служитъ суд.-медицинскій протоколъ; основаніемъ объективности и достоинства втораго, т. е. метода, служитъ *наука* Судебной Медицины. Только строгое соблюденіе этого различія и можетъ доставить намъ главное основаніе для точнаго рѣшенія вопроса о значеніи медицинской экспертизы предъ судомъ.

Личное дѣйствіе врача эксперта, при производствѣ медицинскаго изслѣдованія на трупѣ имѣетъ, по существу своему, всѣ логическія свойства *наблюденія*; и такъ какъ, по словамъ г. Милля (1), сущность акта наблюденія составляетъ апа-

(1) Милль. Логика. Ч. I, стр. 443.

лизъ," то совмѣстно и аналитическаго дѣйствія, наравнѣ со всѣми наблюденіями по естественнымъ предметамъ. Какъ при химическомъ, напримѣръ, изслѣдованіи, разбираются физическія свойства извѣстнаго вещества, его плотность, цвѣтъ, вѣсъ, форма, содержаніе относительно химическихъ реагентовъ и т. д., такъ и при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи, разсматриваются всѣ явленія по физическимъ ихъ свойствамъ. Физіологическая Анатомія и Гистологія поучаютъ насъ тому, какія физическія свойства и какое органическое строеніе, обнаруживающееся особыми физическими признаками, свойственны извѣстной ткани, извѣстному органу или цѣлому организму. Всякое уклоненіе отъ физическихъ свойствъ, правильнаго состоянія и строенія, представляется при вскрытіи глазамъ, и вообще внѣшнимъ чувствамъ наблюдателя, и дѣлается предметомъ его разслѣдованія. Положимъ: что на поверхности кожи замѣчается уклоненіе отъ физическаго ея свойства непрерывности и цвѣта; тогда экспертъ обращаетъ вниманіе и на мѣстность, въ которой находится это уклоненіе, и на его форму, длину, ширину, глубину, т. е. продолженіе его въ подкожныя ткани, направленіе его на поверхности, направленіе его въ глубинѣ, на ширину, длину, общую форму этого канала, на его окончаніе и содержаніе, на свойства краевъ раны, ихъ гладкость, цвѣтъ, толщину, и т. д., словомъ, на всѣ возможныя уклоненія отъ физическихъ и органическихъ свойствъ ткани въ этой мѣстности, которыя подвергаются воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ, и даже могутъ быть замѣчены и провѣрены тѣми лицами, которыя не пользуются спеціальными медицинскими свѣдѣніями, а только извѣстною степенью общаго образованія и правильнымъ состояніемъ внѣшнихъ чувствъ и ума. Это доступность провѣрки для каждаго особенно важна, составляя одно изъ основаній судебной достовѣрности суд.-медиц. изслѣдованія, и потому въ виду важности этого обстоятельства, Уставъ Уг. Судопр. предписываетъ, въ стат. 343, особую, къ этому отно-

сящуюся мѣру, дозволяя судебному слѣдователю, понятымъ, а также и другимъ приглашеннымъ къ осмотру лицамъ, „заявлять свое мнѣніе о тѣхъ дѣйствіяхъ и объясненіяхъ врача, которыя имъ окажутся сомнительными," и вносить ихъ въ протоколъ. Во время производства своего суд.-мед. изслѣдованія, врачъ-экспертъ является до извѣстной степени совершенно пассивнымъ, воспринимающимъ единственно впечатленія внѣшнихъ чувствъ. Но было бы весьма ошибочно предполагать, что при этомъ занятіи субъективный элементъ врача-эксперта не дѣйствуетъ и не имѣетъ никакого значенія. Во 1), для того, чтобы врачъ могъ распознать уклоненія отъ правильнаго состоянія, онъ долженъ прежде всего знать, какое это правильное состояніе, то есть необходима научная подготовка врача; во 2) Милль (1) справедливо замѣчаетъ: „Всякому извѣстно, что въ способѣ производить анализъ, предшествующій наблюденію, одинъ умъ чрезвычайно разнится отъ другаго. Наблюдателемъ слѣдуетъ назвать не того, кто только видитъ находящуюся предъ его глазами вещь, а того, кто видитъ изъ какихъ она частей состоитъ. Исполнить это хорошо—есть рѣдкое дарованіе. Одинъ человѣкъ отъ невниманія, или отъ того, что ненадлежащимъ образомъ направляетъ свое вниманіе, не замѣчаетъ половины того, что видитъ; другой отличаетъ ботѣе того, что видитъ, смѣшивая видѣнное съ воображимымъ или выводимымъ; другой отличаетъ родъ всѣхъ обстоятельствъ, но, будучи неопытенъ въ оцѣнкѣ ихъ степени, оставляетъ количество каждаго обстоятельства неопредѣленнымъ и неизвѣстнымъ; иной, хотя и видитъ цѣлое, но не ловко дѣлитъ его на части, соединяетъ въ одну массу вещи, которыя должны быть отдѣлены, и разъединяетъ другія, которыя удобнѣе было бы разсматривать какъ одну вещь, такъ что результатъ тотъ же, а иногда хуже того, какъ если бы ихъ и не пытался анализировать." Это соста-

(1) Милль. l. c. Часть I, стр. 483.

вляетъ именно главное основаніе случайности и субъективности въ изслѣдованіи врача-эксперта, слѣдовательно и возможности ошибки и неточности всего медицинскаго наблюденія. Но первый изъ этихъ двухъ элементовъ устраняется тѣмъ, что допускаются къ производству этого рода изслѣдованій только лица, въ научной подготовкѣ которыхъ нельзя сомнѣваться. Для устраненія же втораго логическаго элемента случайности и субъективности наблюденія, для того, чтобы устранить разницу въ способѣ производить анализъ, зависящую отъ индивидуальныхъ умственныхъ свойствъ наблюдателя, служитъ именно методъ изслѣдованія, который, при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи на трупѣ, состоитъ изъ ряда наставленій, относящихся и къ порядку, въ которомъ должно производить вскрытіе тѣла и различныхъ его органовъ и ткани, такъ чтобы, при вскрытіи одного изъ нихъ, не уничтожить признаковъ въ другомъ; — и къ тому, какъ дѣлать разрѣзы отдѣльныхъ частей такимъ образомъ, чтобы, безъ излишняго поврежденія ихъ, могущаго помѣшать узнанію измѣненій, раскрыть все, что нужно подвергнуть изслѣдованію и узнать, изъ какихъ частей извѣстная вещь состоитъ; — разсмотрѣть все необходимое самымъ лучшимъ и точнѣйшимъ образомъ; — разслѣдовать одно измѣненіе и его свойства, не уничтоживъ совмѣстно слѣдовъ другаго до его подробнаго разсмотрѣнія и т. д.; — и къ тому, на какія свойства каждаго органа и каждой ткани нужно обращать вниманіе, для того, чтобы узнать правильное или неправильное ихъ состояніе, опредѣлить родъ и характеръ наблюдаемыхъ измѣненій;—и къ тому, какъ найденные признаки и явленія, отличить отъ другихъ, имъ подобныхъ, какъ провѣрить ихъ отдѣльно, одинъ посредствомъ другаго, какъ разобрать ихъ порознь, и какъ собирать ихъ въ опредѣленныя группы, дабы впослѣдствіи они могли послужить и къ взаимной провѣркѣ и къ основанію требуемаго заключенія;— и къ тому, какъ раздѣлить видимое отъ воображаемаго или выво-

дпмаго;—словомъ, ко всему тому, что обусловливаетъ достпженіе судебной цѣли пріобрѣтеніемъ всѣхъ возможныхъ объективныхъ основаній для точнаго рѣшенія необходпмыхъ по данному дѣлу заключеній.

Эти наставленія вовсе не теоретическія предположенія, не теоретическіе выводы изъ общихъ физіологическихъ и патологическихъ началъ; напротивъ того, они представляютъ общіе выводы изъ многочисленныхъ и различныхъ наблюденій и опытовъ многихъ изслѣдователей, провѣренныхъ многими фактами по судебнымъ случаямъ, относительно ихъ достоинства для рѣшенія, болѣе или менѣе положительно, многихъ судебно-медицинскихъ вопросовъ по судебному дѣлу. Даже и тогда, когда найденные признаки, въ отдѣльности, не пользуются судебнымъ достоинствомъ, методъ учитъ тому, въ какомъ соединеніи другъ съ другомъ они пріобрѣтаютъ доказательную силу. Нѣсколько примѣровъ покажутъ намъ, какимъ образомъ дѣйствуетъ методъ, и какія, въ дѣйствительности, его свойства.

И такъ, н. п., если дѣло въ томъ, чтобы узнать, былъ ли въ данномъ случаѣ прижизненный отекъ мозга,—сыро или тѣстообразное, или же совершенное разрушеніе мозговаго вещества, само по себѣ, не доказываетъ ничего, такъ какъ оно образуется и вслѣдствіе посмертнаго разрушенія мозговаго вещества; притомъ, указаніе единственно на одно свойство мозговаго вещества не представляетъ никакой достовѣрности относительно того, что наблюденіе изслѣдующаго врача, въ этомъ отношеніи, было вѣрно и точно. Но если онъ присоединитъ къ описанію мозговаго вещества и описаніе другихъ свойствъ головнаго мозга, именно большее или меньшее сглаженіе извилинъ его, большее или меньшее съуженіе бороздъ между ними, цвѣтъ мозговаго вещества на поверхности разрѣза, присутствіе или отсутствіе и количество кровяныхъ капель, изливающихся ихъ разрѣза, видъ желудочковъ мозга и много другихъ признаковъ, служащихъ провѣркою другъ другу, — тогда мы уже въ состоя-

нiи обсудить вѣрность наблюденія, послѣднее теряетъ характеръ субъективности, и пріобрѣтается основаніе для рѣшенія и выше поставленнаго вопроса и многихъ другихъ вопросовъ, важныхъ для судебнаго дѣла, положительное рѣшеніе которыхъ однакожъ обусловливается точнымъ рѣшеніемъ перваго. Количество и качество крови въ большой пазухѣ твердой оболочки мозга, равно и ея свертка, имѣетъ положительное значеніе, какъ для обсужденія прижизненнаго прилива крови въ головѣ вообще, такъ и для обсужденія свойствъ крови и нарушенія общаго кровообращенія, вслѣдствіе различныхъ, именно воспалительныхъ, процессовъ въ органахъ полостей груди и брюха. Методъ учитъ насъ тому, на какія свойства этой крови и ея свертка нужно обращать вниманіе, какъ испытывать ихъ, и какія другія явленія надо имѣть въ виду, съ которыми изъ нихъ они находятся въ условной связи и служатъ имъ объективною провѣркою. Уменьшеніе или отсутствіе всякаго уменьшенія объема легкихъ послѣ разрѣза и вскрытія грудной клѣтки; большее или меньшее отдаленіе переднихъ краевъ легкихъ отъ средины клѣтки и отъ сердца, ощущеніе упругости или плотности при ощупываніи и давленіи внѣшней ихъ поверхности, присутствіе или отсутствіе свойственнаго легкимъ треска при ихъ разрѣзѣ, цвѣтъ какъ внѣшней поверхности такъ и поверхности разрѣза, и его оттѣнки, количество и качество изливающейся жидкости изъ легочной ткани, при провожденіи ножемъ по поверхности разрѣза; въ особенности, присутствіе или отсутствіе въ ней воздушныхъ пузырковъ и ихъ величина, отъ чего эта жидкость принимаетъ иногда видъ мелкой пѣны; степень и характеръ ломкости ткани, при давленіи ея пальцемъ; погруженіе въ воду вырѣзанныхъ кусковъ и брошенныхъ на нее, или же плаваніе ихъ по ея поверхности, и многія другія, болѣе тонкія, свойства ткани, вотъ признаки, обусловливающіе и провѣряющіе другъ друга, и служащіе одновременно для опредѣленія состоянія вещества легкихъ по указаніямъ метода. Разрѣзъ кожи въ мѣстѣ пахо-

дящагося на ней пятна и совмѣстно прилежащихъ къ нему правильныхъ частей ея, дозволяетъ разобрать всѣ качества кожи въ этомъ мѣстѣ, посредствомъ наглядиаго сравненія ея съ прилежащими правильными частями, разслѣдовать ея перемѣны и различить всѣ физическія ея свойства даже и неопытному глазу присутствующаго врача.

Эти примѣры объясняютъ наглядно всѣ свойства метода суд.-медиц. изслѣдованія и показываютъ, какимъ образомъ онъ устраняетъ субъективность и случайность въ актѣ наблюденія, замѣняя случайность личныхъ умственныхъ свойствъ врача-эксперта и произвольность въ его разслѣдованіи, строгими и твердыми правилами и наставленіями метода (1). Надлежащую ловкость въ примѣненіи правилъ и наставленій метода къ данному дѣлу пріобрѣтаетъ врачъ-экспертъ въ школѣ посредствомъ практическихъ упражненій по этому предмету, и по этой-то причинѣ практическое направленіе ученія въ Судебной Медицинѣ имѣетъ столь громадную важность, и школа должна употреблять всѣ возможныя средства для достиженія этой цѣли. Разумѣется, было бы весьма ошибочно думать, что методъ и школа въ состояніи совершенно устранить все вліяніе субъективности на производство суд.-медиц. изслѣдованія, т. е. личныхъ умственныхъ способностей и знаній эксперта, большей или меньшей опытности и ловкости его, и другихъ обстоятельствъ; но это вліяніе ограничивается довольно-тѣсными границами, опредѣленіе которыхъ мы приведемъ ниже, при разсмотрѣніи достоинства протокола и условій суд.-мед. изслѣдованія. Притомъ, не льзя упускать изъ виду, что въ послѣднее столѣтіе достоинство метода изслѣдованія, для судебно-медицинской экспертизы, удостоилось большаго вниманія со стороны законодателей въ просвѣщенныхъ государствахъ, такъ-что

---

(1) Миль. Логика. стр. 443.

вездѣ существуютъ законами указанныя наставленія для производства суд.-медиц. изслѣдованія на трупѣ, которыя должны быть экспертами строго соблюдаемы (1).

В. Судебно-медицинское изслѣдованіе на живыхъ.

Совсѣмъ другими основаніями отличается изслѣдованіе на живыхъ. Здѣсь врачъ-экспертъ не имѣетъ непосредственно предъ глазами органа или ткани, составляющихъ точку исхода всего болѣзненнаго состоянія, и для распознанія существующихъ въ нихъ перемѣнъ, онъ не можетъ дѣлать необходимыхъ разрѣзовъ для того, чтобы узнать физическія этихъ органовъ свойства, по которымъ онъ обыкновенно обсуждаетъ эти измѣненія при изслѣдованіи своемъ на трупѣ. Даже и при разслѣдованіи наружныхъ частей тѣла, напр. кожи, мышцъ, конечностей и т. д., наглядное разсмотрѣніе болѣзненнымъ измѣненіямъ подвергающихся частей тѣла можетъ быть произведено только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, посредствомъ примѣненія особыхъ для этого методовъ. До распознанія органа или ткани, пораженныхъ въ данномъ случаѣ болѣзненными измѣненіями, врачъ-экспертъ доходитъ только косвенно, посредствомъ цѣлаго ряда умозаключеній, точкою исхода которыхъ цѣлый рядъ явленій, подвергающихся воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ его, или же явленія, замѣчаемыя единственно самимъ больнымъ, сообщающимъ ихъ врачу, слѣдовательно явленій, объективныхъ и субъективныхъ, представляющихъ, въ несравненно большей части, болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія первоначальной болѣзненной перемѣны извѣстнаго органа или ткани. Разница, слѣдовательно, очень большая и существенная. При изслѣдованіи на трупѣ, мы имѣемъ мѣсто болѣзненной перемѣны не-

(1) Свод. Зак. Часть III. Уст. Суд. Медиц. ст. 1736—1866.

посредственно предъ глазами,—при изслѣдованіи же на живомъ только болѣе или менѣе отдаленныя послѣдствія этой перемѣны; послѣднія звенья ряда перемѣнъ въ состояніи организма и его отправленій, подлежащихъ, по свойствамъ своимъ, воспріятію нашими чувствами. Эти послѣднія звенья представляются общими признаками неправильнаго состоянія организма, окончательнымъ послѣдствіемъ различныхъ измѣненій состоянія, устройства и отправленій разныхъ внутреннихъ органовъ и тканей, такъ-что распознаніе естественной связи этихъ признаковъ съ первоначальною ихъ причиною, т. е. съ органомъ, патологическое измѣненіе котораго составляетъ исходную точку ихъ возникновенія, представляетъ иногда непреодолимыя затрудненія, и опредѣленіе ея обусловливается иногда только ходомъ и исходомъ болѣзненнаго процесса. Одно и тоже явленіе имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, смотря по его связи въ другими явленіями, по порядку, въ какомъ оно проявляется, по его постоянности, усиленію или же временному промежуточному проявленію и т. д. Поэтому неудивительно, если этотъ родъ изслѣдованія не представляетъ той положительности и опредѣлительности, каковы необходимы для судебныхъ цѣлей. Дѣйствіе врача, при изслѣдованіи на трупѣ, аналитическое, при изслѣдованіи на живомъ, главнымъ образомъ, синтетическое, состоящее въ соединеніи болѣзненныхъ явленій въ извѣстныя группы, относящіяся къ извѣстнымъ органамъ или ихъ системамъ, и въ опредѣленіи отношенія этихъ группъ другъ къ другу, дозволяющемъ разузнать ту систему или органъ, болѣзненное измѣненіе которыхъ составляетъ первоначальную точку исхода всего болѣзненнаго состоянія организма. Для обсужденія этого состоянія, врачъ довольствуется рядомъ внѣшнихъ явленій, связь и послѣдовательность которыхъ и отношенія ихъ другъ къ другу, по его опыту и по началамъ его науки, считаются характеристическими для первоначальной причины, т. е. извѣстнаго состоянія организма, или-же извѣстнаго органа

и ткани; хотя количество и качество этихъ явленій не представляетъ никогда рѣзко опредѣленной картины. Но для судебныхъ цѣлей, это личное убѣжденіе врача-эксперта оказывается недостаточнымъ. Судъ требуетъ объективности и положительности, которымъ это личное убѣжденіе врача-эксперта, по различнымъ причинамъ вполнѣ удовлетворить не въ состояніи. И такъ во-1): подвергающіяся глазамъ изслѣдователя отдѣльныя болѣзненныя явленія, сами по себѣ, не указываютъ почти никогда на первоначальную причину ихъ образованія, такъ какъ они представляютъ послѣднія звенья всего ряда послѣдовательныхъ измѣненій, относящихся къ одной и той же первоначальной причинѣ, т. е. къ измѣненію въ устройствѣ и отправленіяхъ извѣстнаго органа или органической системы; но звенья, обнаруживающіяся какъ слѣдствіе многоразличныхъ первоначальныхъ причинъ и занимающія различныя мѣста въ ряду этихъ послѣдовательныхъ явленій, смотря по различію первоначальныхъ причинъ. Такимъ образомъ безъ совмѣстнаго разслѣдованія ихъ связи съ другими подобными явленіями, и мѣста, которое занимаютъ въ ихъ ряду, никакъ не льзя съ извѣстною точностью опредѣлить, къ какой изъ этихъ первоначальныхъ причинъ они должны быть отнесены. Такъ, напр., рвота представляетъ явленіе неправильное; но первоначальныя ея причины бываютъ весьма различны. Разсматривая ее самое по себѣ, не льзя опредѣлить, указываетъ ли она на присутствіе неудобоваримой пищи, отравляющаго вещества въ желудкѣ, или на неправильное состояніе отправленія желудка, или на органическія его перемѣны, какъ напр. воспаленіе острое и хроническое, изъязвленіе, различныя новообразованія; или на нервное его разстройство; или на неправилное состояніе различныхъ органовъ въ его окрестности, какъ то: печени, селезенки, зажелудочной желѣзы, кишекъ, почекъ, матки и т. д., или на неправильное состояніе нервной системы вообще, и ея центральныхъ органовъ и пр. Только строгое разслѣдованіе фи-

зическихъ и органическихъ свойствъ рвотныхъ извержений, времени и способа ея проявленія, ея отношеній къ различнымъ физіологическимъ отправленіямъ цѣлаго организма и разныхъ его органовъ, равно и къ другимъ патологическимъ явленіямъ и обстоятельствамъ, можетъ доставить основаніе къ опредѣленію ея связи съ прочими болѣзненными явленіями и привести къ разпознанію первоначальной ея причины. Слѣдовательно, если этихъ признаковъ нѣтъ, или если они не довольно ясны и отчетливы, а, напротивъ, запутаны, дознаніе первопачальной ея причины становится совершенно невозможнымъ (1), или по крайней мѣрѣ очень труднымъ, и не представляетъ желаемой положительности.

2) Всѣ признаки болѣзненнаго состоянія организма, можно, съ нашей точки зрѣнія, разпредѣлить, относительно способа ихъ разпознаванія, на четыре группы: а) объективные, т. е. такіе, которые мы можемъ замѣтить нашими глазами, или-же посредствомъ особыхъ физическихъ снарядовъ и способовъ изслѣдованія, какъ напр. посредствомъ ларингоскопа, микроскопа, офтальмоскопа, спектроскопа, постукиванія, химическаго анализа и т. д., и которые могутъ быть замѣчены большимъ числомъ лицъ вмѣстѣ, хотя бы они не обладали спеціальными по этому предмету познаніями; б) объективно-субъективные, т. е. такіе, открытіе которыхъ зависитъ отъ извѣстныхъ свойствъ и соотвѣтственнаго усовершенствованія внѣшнихъ чуствъ, а именно чувства осязанія изслѣдующаго лица, но которые, однако, могутъ быть провѣрены такимъ-же самымъ образомъ только спеціалистамы, какъ напр.: шумы въ легкихъ, въ сердцѣ, въ сосудахъ; ощущеніе различныхъ степеней плотности, эластичности органовъ, опухоли, наростовъ, и т. д. при ощупываніи разныхъ частей тѣла и т. п. с) субъективные, т. е. такіе, которые

(1) Варшавская Медицинская Газета, Nr. 4. (Gazeta lekarska) статья Профессора Лучкевича.

замѣчаются единственно самимъ больнымъ, и врачъ узнаетъ о нихъ по его описанію и заявленію, какъ напр. ощущенія боли, неподвижности, головокруженія, безсилія, различныя внутреннія ощущенія и т. д.; наконецъ d) такіе, которые врачъ узнаетъ только по разсказамъ окружающихъ лицъ или же самого больнаго, но которые относятся ко времени, предшествовавшему изслѣдованію врача (анамнеза). Разсматривая тщательно свойства этихъ группъ болѣзненныхъ признаковъ, не трудно замѣтить, что первая лишь группа пользуется такими свойствами, которыя обусловливаютъ судебную достовѣрность. Распознаніе явленій второй группы зависитъ уже больше отъ личныхъ свойствъ изслѣдователя, его опытности, проницательности, высшей степени чувствительности, въ особенности, чувства ощупанія и т. д., а такъ какъ эти свойства болѣе рѣдки, то изслѣдованіе этихъ явленій не представляетъ той степени точности, которою отличаются явленія принадлежащія къ первой группѣ. Что касается признаковъ, принадлежащихъ къ третьей и четвертой группамъ, то мы должны замѣтить, что они рѣдко заслуживаютъ полнаго довѣрія врача, по различнымъ причинамъ, особенно-же въ судебно-медицинскихъ случаяхъ; обманъ, подлогъ и притворство со стороны изслѣдуемаго составляютъ обыкновенное и сильное орудіе обвиняемыхъ для обезпеченія себѣ болѣе выгоднаго положенія предъ судомъ. Къ сожалѣнію мы должны сознаться, что до сихъ поръ, при разпознаваніи первоначальной причины болѣзненнаго состоянія организма, явленія третьей и четвертой группъ имѣютъ еще громадное значеніе, и хотя прогрессъ клиническихъ наукъ направленъ преимущественно къ тому, чтобы болѣе и болѣе ограничить ихъ область, и увеличить области первыхъ двухъ группъ, однако до послѣдняго времени, всѣ усилія медицины въ этомъ направленіи не оказались многоуспѣшными: Субъективный элементъ медицинскаго изслѣдованія пользуется еще большимъ

и неотъемлемымъ значеніемъ при составленіи клиническаго діагноза.

3) До селѣ мы говорили объ аналитическомъ дѣйствіи врача, т. е. объ изслѣдованіи признаковъ болѣзненнаго состоянія организма, и встрѣтили въ этомъ отношеніи непреодолимыя препятствія, проистекающія изъ существа дѣла, замедляющія достиженіе вышеупомянутой цѣли со всею требуемою судомъ достовѣрностью. Тѣмъ не менѣе эта задача болѣе легкая, нежели слѣдующая, т. е. синтетическое дѣйствіе врача, направленное непосредственно къ разпознанію первоначальной причины болѣзненнаго состоянія организма, въ чемъ и заключается главное дѣло этого рода суд.-медиц. экспертизы. Собраніе этихъ признаковъ въ отдѣльныя группы, на основаніи ихъ естественныхъ отношеній къ одной и той же органической системѣ, даже къ одному и тому же органу, опредѣленіе отношенія этихъ группъ другъ къ другу и опредѣленіе, на основаніи этихъ отношеній, первоначальнаго разстройства извѣстнаго органа или извѣстной системы, какъ центральнаго источника всего болѣзненнаго разстройства организма, составляетъ очень сложное дѣйствіе врача эксперта, обусловливаемое, съ одной стороны личными свойствами его, —(субъективный элементъ)— съ другой же научными началами практической медицины, — (объективный элементъ), — причемъ мы должны замѣтить, что первый могущественнѣе втораго, который дастъ только общія наставленія, между-тѣмъ-какъ примѣненіе ихъ къ данному случаю зависитъ почти вполнѣ отъ перваго элемента.

Вотъ рядъ причинъ, по которымъ суд.-медиц. діагнозъ до сихъ поръ преимущественно субъективенъ; а между тѣмъ судъ требуетъ объективности, какъ необходимаго условія достовѣрности, тѣмъ болѣе, что картина явленій болѣзненнаго состоянія измѣняется съ каждымъ днемъ и провѣрка ихъ, поэтому, становится очень затруднительною и даже иногда не-

возможною, обстоятельство, которое, именно въ суд.-медиц. случаяхъ, имѣетъ большую важность. Практическая медицина сознается вполнѣ въ этомъ недостаткѣ, и поэтому она направляетъ всѣ свои стремленія къ тому, чтобы пріобрѣсть извѣстныя способы для ограниченія или совершеннаго по-возможности устраненія субъективности изъ акта наблюденія. Къ этому служатъ именно: 1) методъ изслѣдованія; 2) методъ синтетическаго дѣйствія: составленіе діагноза. Что касается *метода*, то онъ относится: а) къ тому, въ какомъ *порядкѣ* должно быть произведено изслѣдованіе организма, чтобы замѣтить всѣ уклоненія отъ правильности въ его состояніи и отправленіяхъ и всѣ особенности его, могущія повліять на результатъ изслѣдованія; b) къ тому, на какія уклоненія отъ правильности и на какія обстоятельства и особенности организма и его органовъ нужно главнымъ образомъ обращать вниманіе для того, чтобы всегда имѣть полную картину болѣзненнаго состоянія; с) какимъ образомъ разслѣдовать и провѣрить всякое изъ этихъ уклоненій, всякое обстоятельство и всякую особенность организма. Понятно, что не всѣ эти три направленія аналитическаго дѣйствія пользуются однимъ и тѣмъ же аналитическимъ достоинствомъ и объективнымъ значеніемъ. Въ этомъ отношеніи, тѣ методы будутъ пользоваться большимъ значеніемъ, которые плотнѣе примыкаютъ къ физическому методу и отличаются въ большей степени его свойствами. Слѣдовательно, сюда принадлежатъ прежде всего методы изслѣдованія, относящіеся къ первой группѣ вышеприведенныхъ болѣзненныхъ признаковъ, которые поэтому и *объективны*, что къ ихъ разслѣдованію и провѣркѣ можно примѣнить со всею точностью физическій методъ. Химическое изслѣдованіе, микроскопическія и спектроскопическія наблюденія, на сколько они примѣнимы, пользуются всѣми преимуществами метода изслѣдованія *на трупѣ*, такъ-какъ они способствуютъ существенно разпознанію и опредѣленію внутренняго состава изслѣ-

дуемыхъ веществъ. Менѣе полезными оказываются тѣ методы, которые направлены къ наблюденію внѣшними чувствами, именно глазомъ и слухомъ, тѣхъ частей организма, которыя имъ недоступны, безъ употребленія особыхъ способовъ и снарядовъ: при ихъ пособіи, мы достигаемъ познанія болѣе внѣшняго вида и состоянія этихъ частей. Даже и офтальмоскопъ, посредствомъ котораго мы проникаемъ во внутрь глаза, не доставляетъ всегда неопровержимыхъ основаній для точнаго разпознанія внутренняго его состоянія и не рѣшаетъ вездѣ сомнѣній въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, если, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ физическихъ методовъ, всѣ прочіе не могутъ доставить намъ положительныхъ и неопровержимыхъ основаній для точнаго опредѣленія извѣстныхъ признаковъ, что же сказать о методахъ субъективно-объективнаго и другихъ родовъ изслѣдованія? Ихъ достоинство ограничивается лишь тѣмъ, что они служатъ доказательствомъ полноты и совершенства изслѣдованія, и имѣютъ дѣйствительно, относительно достовѣрности его, неопровержимое значеніе, но тѣмъ не менѣе, относительно точности и положительности результата, весьма второстепенное. Методъ, употребляемый въ этихъ случаяхъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы субъективныя ощущенія провѣрять по-возможности внѣшними, объективными признаками, а показанія больнаго и окружающихъ его лицъ, провѣрять одно другимъ, на основаніи дѣйствительной картины болѣзни, научныхъ началъ и логической послѣдовательности. Если, напр., больной говоритъ, что онъ чувствуетъ сильную боль въ извѣстной части организма, а давленіе на эту часть или успленныя движенія ея не вызовутъ соотвѣтственныхъ признаковъ успленной боли, то мы тогда убѣждаемся, — что или показаніе ложно, или причина боли не въ этомъ мѣстѣ; что боль только рефлективная, или же совсѣмъ боли нѣтъ и больной притворяется. Впрочемъ, признаки одной группы провѣряются признаками другой, именно объективные субъективными,

и, наоборотъ, послѣдніе — первыми, къ чему клиническій методъ даетъ извѣстныя наставленія. Что же касается синтетическаго дѣйствія врача, то есть; собранія, посредствомъ анализа пріобрѣтенныхъ признаковъ, въ отдѣльныя группы, относящіяся къ извѣстнымъ органамъ и органическимъ системамъ, и наконецъ къ отношенію этихъ группъ другъ къ другу и къ первоначальному органическому изъ измѣненію, то для этого нѣтъ положительныхъ методовъ, пользующихся объективнымъ значеніемъ. Наука доставляетъ намъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія относительно связи болѣзненныхъ признаковъ съ производящими ихъ причинами и условій этой связи,—кромѣ того, основанную на опытныхъ наблюденіяхъ знаменитыхъ наблюдателей, картину болѣзненныхъ явленій, относящихся къ извѣстному болѣзненному процессу; и уже, на основаніи своего анализа, упомянутыхъ научныхъ началъ, своей собственной опытности, своей проницательности и другихъ умственныхъ способностей, врачъ составляетъ синтезу или діагнозъ. Понятно, что если анализъ не доставляетъ совершенно положительныхъ данныхъ, синтетическое - же дѣйствіе пользуется только научными наставленіями, но однюдь не положительнымъ объективнымъ методомъ, такъ-что субъективный элементъ изслѣдователя оказывается далеко преобладающимъ, — діагнозъ не можетъ никогда удостоиться той степени судебной положительности и объективности, какою отличается изслѣдованіе на трупѣ, кромѣ другихъ условій судебной достовѣрности послѣдняго. Діагнозъ на живыхъ можетъ было только вѣроятнымъ; поэтому и рѣшеніе многихъ судебныхъ вопросовъ на этомъ основаніи не доставляетъ почти никогда положительности, и различіе мнѣній экспертовъ въ этомъ отношеніи неизбѣжно. Ходъ и исходъ болѣзни, иногда и послѣдствія ея, представляющіяся въ видѣ постоянныхъ и подвергающихся точному разслѣдованію измѣненій извѣстныхъ частей тѣла, способствуютъ точному опредѣленію болѣзненнаго процесса и его первона-

чальной причины; но такіе случаи довольно рѣдки и судъ не всегда можетъ этимъ средствомъ воспользоваться, такъ какъ для суда важно именно то, дѣйствительно ли существуетъ болѣзнь въ данномъ времени, и какой юридическій характеръ она имѣетъ; ибо отъ этого зависятъ мѣры, предпринимаемыя судомъ для того, чтобы преступленіе не осталось безнаказаннымъ. Можно, впрочемъ, вообще сказать, что изслѣдованіе на живыхъ представляетъ менѣе важности въ судебномъ отношеніи, такъ какъ и относящіяся сюда преступленія менѣе важны, и судебные вопросы, рѣшеніе которыхъ требуется отъ врача, менѣе сложны и менѣе рѣшительны для судебнаго дѣла вообще, чѣмъ при суд.-медиц. изслѣдованіи на мертвыхъ.

С. Судебно-медицинское изслѣдованіе умопомѣшательства.

Этотъ родъ суд.-медиц. изслѣдованія, по сущности своего предмета и по главнымъ началамъ своего метода, принадлежитъ къ предметамъ суд.-медиц. изслѣдованія на живыхъ, а именно къ изслѣдованію физіологическаго или патологическаго состоянія человѣка; но вслѣдствіе громаднаго судебнаго значенія его законъ отдѣляетъ его отъ прочихъ предметовъ этого рода (Уст. Угол. Суд. ст. 353—356) и подчиняетъ производство изслѣдованія его особымъ условіямъ судебной достовѣрности. Громадное значеніе этого предмета увеличиваютъ еще слѣдующія обстоятельства: а) необходимость доказать дѣйствительность предполагаемаго сумасшествія подобно другимъ судебнымъ фактамъ, — на чемъ настаиваютъ преимущественно англійскіе судьи; (1) b) Опредѣленіе существованія умопомѣшательства, которое по мнѣнію многихъ, въ особенности англійскихъ и аме-

(1) Миттермаіеръ: Friedreichs Blätter für ger. Medizin. стр. 12. Elwell. l. c. стр. 422.

рикапскихъ юристовъ, и судьей, не должно составлять исключительной принадлежности судебно - медицинской экспертизы: въ томъ отношеніи мнѣніе опытнаго судьи, или свидѣтельство напримѣръ, проницательнаго лица, могущаго сравнить настоящее умственное состояніе подсудимаго съ его прежнимъ состояніемъ, дѣйствіемъ и характеромъ, достовѣрнѣе свидѣтельства врача, который видитъ больнаго въ первый разъ (1); c) нѣтъ до сихъ поръ точнаго опредѣленія сумашествія, нѣтъ несомнѣнныхъ границъ, раздѣляющихъ всегда рѣзко здоровое состояніе ума отъ болѣзненнаго, нормальное отъ патологическаго; поэтому и притворство совершается легко, и для законодательства относительно разслѣдованія этого вопроса, нѣтъ строго опредѣленныхъ основаній; d) нѣкоторые юристи основываютъ именно на методѣ суд.-медиц. изслѣдованія умопомѣшательства свое мнѣніе о положеніи врачей-экспертовъ

---

(2) Elwell. l. c. стр. 424 и слѣд. Онъ приводитъ много мнѣній англійскихъ и американскихъ юристовъ и судей по этому предмету. Такъ, н. пр., говоритъ серъ Вениямпнъ Броди: „позвольтѣ мнѣ сказать, что большая ошибка предполагать, что этотъ вопросъ (относительно сумашествія) можетъ быть рѣшенъ единственно медицинскимъ экспертомъ. Всякій, пользующійся здравымъ смысломъ и знающій поэтому хорошо человѣческую природу, разсматривающій этотъ предметъ съ надлежащимъ вниманіемъ, имѣетъ право составить себѣ мнѣніе объ немъ: и это болѣе дѣло тѣхъ, назначеніе которыхъ примѣнять законъ, нѣмъ врача.“ Гасламъ и Шельфордъ замѣчаютъ: „что вопросъ не рѣшается о томъ, есть ли мнѣніе врача, относительно сумашествія извѣстнаго лица, наблюдать котораго онъ не имѣлъ возможности, менѣе важно мнѣнія другихъ лицъ, имѣющихъ возможность наблюдать за нимъ.“ Жюсисъ Деніо, дѣлая возраженія въ извѣстномъ судебномъ дѣлѣ, сказалъ слѣдующее: „Въ сомнительныхъ случаяхъ, свидѣтельство должно быть представлено тѣмъ лицомъ, которое знало сумашедшаго въ состояніи полнаго здоровья, которое замѣчало измѣненія въ умственномъ его состояніи, происходившія въ немъ съ тѣхъ поръ, и обстоятельства, доказывающія состояніе его памяти и разсудка во многоразличныхъ случаяхъ общественной и домашней жизни, подробности которыхъ забыты свидѣтелемъ, но впечатленіе которыхъ осталось однако же въ его душѣ.

предъ судомъ, и требуютъ для нихъ всѣхъ правъ, какія даны присяжнымъ засѣдателямъ (1); и е) наконецъ, врачу-эксперту вмѣняется въ обязанность, — рѣшать вопросъ о томъ, совершено ли подсудимымъ преступное дѣйствіе, или нѣтъ? (2)

Приступая къ разсмотрѣнію метода изслѣдованія умопомѣшательства, мы должны напередъ опредѣлить направленіе и цѣль этого дѣйствія, такъ какъ примѣненіе метода и обсужденіе его точности предполагаетъ неизбѣжно полное знаніе достигаемой цѣли. Въ этомъ отношеніи представляются слѣдующіе вопросы: 1) Съ какою цѣлью предпринимаетъ обыкновенно судъ разслѣдованіе умопомѣшательства? 2) Какими средствами пользуется судъ для рѣшенія этого вопроса?

Что касается 1-го вопроса, то извѣстно, что умопомѣшательство составляетъ о д н о изъ основаній рѣшенія судомъ вопроса о вмѣняемости подсудимаго (3). Мы говоримъ: о д н о,

---

(1) Владиміровъ l. c. стр. 102 и слѣд.

(2) Владиміровъ l. c. стр. 121 и примѣчаніе. „Эксперты, говоритъ Владиміровъ, при дачѣ заключеній, должны сказать, совершилъ ли подсудимый преступленіе или нѣтъ, а это предрѣшеніе вопроса, могущее повліять на присяжныхъ засѣдателей. Выхода изъ этого затруднительнаго положенія нѣтъ никакого. Можно только пожелать, чтобы предсѣдатели въ такихъ случаяхъ въ заключительныхъ рѣчахъ, обращали вниманіе присяжныхъ на то, что мнѣніе экспертовъ о томъ, совершилъ ли подсудимый преступленіе, или нѣтъ, есть мнѣніе не могущее имѣть для нихъ, присяжныхъ, значенія доказательства. Но, все таки, мнѣніе нѣсколькихъ экспертовъ, присутствующихъ при производствѣ судебнаго слѣдствія, можетъ имѣть извѣстное вліяніе на присяжныхъ. Чѣмъ почтеннѣе личность эксперта, тѣмъ опаснѣе она будетъ въ этомъ отношеніи.“ Удивительно, что столь проницательному автору, какъ Владиміровъ не бросилась въ глаза вся несостоятельность, непослѣдовательность и противорѣчіе въ этомъ мнѣніи! Требовать отъ врача, чтобы онъ составлялъ и передавалъ суду мнѣніе, на которое судъ не долженъ обращать никакого вниманія, которое однако же имѣетъ для него значеніе, можно ли выдумать большую путаницу?

(3) Elwell. l. c. стр. 364. „Мы всѣ соглашаемся, — говоритъ онъ, — въ предположеніи закона, что подсудимый не долженъ отвѣчать за дѣйствіе,

такъ какъ есть еще и другія обстоятельства, составляющія подобные же тому основанія вмѣняемости, напр., врожденный недостатокъ умственныхъ способностей, извѣстные періоды возраста, временно-возбужденныя страсти, различнаго рода стѣсненія свободной воли, небходимая личная оборона, случайность и т. д. Изъ этого видно, что умопомѣшательство составлять особый судебный вопросъ, который долженъ быть предварительно рѣшенъ судомъ, дабы пріобрѣсть основаніе для рѣшенія вопроса о вмѣняемости, принимать который за одно съ вопросомъ объ умопомѣшательствѣ не возможно, такъ-какъ есть случай, въ которыхъ умопомѣшательство не существуетъ, но, не смотря на то, преступное дѣйствіе подсудимаго не можетъ быть однакожъ вмѣнено ему въ вину, и на оборотъ, есть случаи, въ которыхъ замѣчается временное разстройство умственнаго и душевнаго состояній, напр. у пьяницъ, въ страстномъ возмущеніи и т. д., а вмѣняемость не устраняется однакожъ этимъ состояніемъ. Слѣдовательно, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда суду надобно рѣшить вопросъ о вмѣняемости, на основаніи разслѣдованія умственнаго и душевнаго состоянія преступника, непосредственное судебное слѣдствіе не направляется къ рѣшенію вопроса о вмѣняемости, а къ рѣшенію вопроса о присутствіи или отсутствіи умственнаго и душевнаго разстройства. Вмѣняемость есть понятіе юридическое, а вовсе не медицинское. Оно основывается прежде всего на психологи-

---

совершенное въ теченіе періода умопомѣшательства и обусловленное имъ; что если умственныя способности разстроены, и преступникъ не въ состояніи управлять своимъ дѣйствіемъ по наставленіямъ рааума, но по побужденіемъ и увлеченіямъ болѣзненнаго бѣшенства, неистовства и яростной страсти, или по различности разстроеннаго ума или воображенія, или же по обману болѣзненно разстроенныхъ чувствъ, то онъ не можетъ подвергнуться наказанію за свое дѣйствіе, считаемое закономъ преступнымъ; что если у него нѣтъ способности различать дурное отъ того, что справедливо, то это лице не можетъ считаться самостоятельною, за свое дѣйствіе отвѣчающею личностью,

ческихъ, философскихъ и религіозныхъ началахъ и воззрѣніяхъ на сущность человѣческой природы и его предназначенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и медицинскія науки имѣютъ большое вліяніе на строгое опредѣленіе границъ этого понятія, но не непосредственное, выражающееся не устраненіемъ юридическихъ его основаній, а болѣе и болѣе увеличивающимся расширеніемъ области уклоненій умственныхъ и душевныхъ дѣятелей отъ правильнаго ихъ состоянія, разъясненіемъ вліянія этихъ уклоненій на дѣйствіе человѣка и пріобрѣтеніемъ началъ, которыя указываютъ на основаніе этихъ уклоненій въ вещественныхъ измѣненіяхъ нервной системы, какъ центральной такъ и периферической, или же въ разстройствѣ извѣстныхъ органическихъ системъ, напр. половой системы. Но сколь ни большое было бы вліяніе медицины на точное опредѣленіе вмѣняемости, устранить другія ея основанія и она не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что, пока, она еще не сумѣла раскрыть тайны образованія представленій, мысли, намѣреній, страстей, воли и другихъ психическихъ явленій, и основать ихъ на матеріальныхъ отправленіяхъ мозговаго вещества, такъ-какъ есть умственные и нравственные пороки безъ всякихъ замѣтныхъ матеріальныхъ поврежденій мозговаго вещества; съ другой же стороны, замѣчается много уклоненій, поврежденій и даже потерь мозговаго вещества, безъ соотвѣтственныхъ умственныхъ и душевныхъ уклоненій и пороковъ. Поэтому, въ случаѣ изслѣдованія умопомѣшательства по данному судебному дѣлу, врачъ-экспертъ не можетъ вовсе имѣть въ виду рѣшенія непосредственно вопроса о вмѣняемости, а только вопроса, есть ли въ данномъ случаѣ умопомѣшательство или нѣтъ; рѣшеніе же о вмѣняемости на этомъ основаніи есть исключительно дѣло суда, вопреки всѣмъ предположеніямъ и утвержденіямъ многихъ судебныхъ медиковъ, даже юристовъ (1).

---

(1) Владимировъ 1. с. стр. 88.

Относительно второго вопроса: какими средствами обладаетъ правосудіе для вполнѣ достовѣрнаго обнаруженія умопомѣшательства? положительное рѣшеніе этого вопроса встрѣчаетъ иногда почти непреодолимыя затрудненія по слѣдующимъ причинамъ: a) Судъ, преимущественно въ Англіи и Америкѣ (1), смотритъ на умопомѣшательство какъ на фактъ, который долженъ быть строго доказанъ, на равнѣ со всѣми судебными фактами. Между тѣмъ, оно есть фактъ прежде всего медицинскій, и можетъ быть доказано лишь на основаніи медицинскихъ началъ, слѣдовательно не на тѣхъ основаніяхъ, какъ другіе судебные факты. b) До сихъ поръ никто не опредѣлилъ еще со всею точностью сумасшествія, а предѣлы, раздѣляющіе правильное умственное и душевное состояніе отъ умственнаго и душевнаго разстройства, иногда до того незначительны и незамѣтны, что положительное различеніе этихъ двухъ состояній дѣлается возможнымъ только при очень тщательномъ изслѣдованіи всего организма и при продолжительномъ наблюденіи надъ поведеніемъ страждущаго лица (2). c) Въ особен-

---

(1) Mittermaier: Friedreichs Blätter für ger. Mediz. 1863 стр 12 Elwell: l. c. стр. 40. „Whether a man is in sane or not, is a *matter of fact*, what degree of insanity will relieve him from responsability, is a matter of law, *the jury finding the fact of the degree too.* Under the instruction of the court, murder can be commited only by a san man. *Everybody* is presumed to *be sane,* who is charged with a crime, but when evidence is adduced, that a prisoner is insane, and conflicting testimony makes a question for the jury, they are to decide it, *like every other* matter of fact...

(2) Elwell. l. c. стр. 347. 348. Кнаггсъ, извѣстный англійскій авторъ, разсказываетъ слѣдующій случай: „Въ послѣднее столѣтіе жилъ въ Лондонѣ хорошо извѣстный старикъ,угрюмый, непріятной наружности, подвергающійся частымъ припадкамъ наслѣдственной меланхоліи. Въ своихъ привычкахъ онъ оказывался до такой степени непостояннымъ, что иногда онъ велъ очень воздержную жизнь, иногда же проглатывалъ обильныя количества кушаній съ прожорливостью и торопливостью хищнаго звѣря. Иногда онъ долгое время употреблялъ въ напитокъ только воду, иногда же пилъ вино въ чрезмѣр-

ности, тѣ случаи представляютъ, при составленіи заключенія, непреодолимыя почти затрудненія, въ которыхъ первые при-

---

помъ количествѣ. Доходы его не были слишкомъ велики, однако же онъ содержалъ постоянно на дому извѣстное количество стариковъ и старухъ, ссоры и брань которыхъ принуждали его иногда уходить изъ дома. Вообще, онъ говорилъ очень мало, и сидя съ товарищами за столомъ, пилъ 10—12 стакановъ чая, не сказавъ ни слова. Если не разговаривалъ съ другими, то обыкновенно бормоталъ про себя. На ходу онъ производилъ странныя тѣлодвиженія и жесты и, входя къ кому нибудь въ комнату, то возвращался отъ туда, то входилъ вновь, пока не успѣвалъ войти особымъ, прежде обдуманнымъ, способомъ, употребивъ для этого извѣстное число шаговъ. На улицѣ въ близи его дома, находился рядъ столбовъ, и онъ проходя, не миновалъ ихъ никогда, не тронувъ каждаго изъ нихъ, а если иногда пропускалъ какой либо, то возвращался сейчасъ и исправлялъ свою ошибку. Онъ собиралъ вездѣ апельсинныя корки, но съ какою тайною цѣлю,—никогда не хотѣлъ сказать. Выпивъ кофе со сливками въ пятницу, онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти. Онъ предавался заклинанію духовъ и утверждалъ, что слышалъ свою мать, звавшую его по имени.“ „Былъ ли этотъ человѣкъ сумашедшимъ?“ спрашиваетъ Elwell. „Далеко отъ того. По мнѣнію всѣхъ, Дръ Джонсонъ (Johnson) былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ мыслителей и въ это время, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ философовъ и писателей всего міра и всѣхъ временъ.“ Положимъ, что какое нибудь другое лице, съ подобнымъ этому умственнымъ и душевнымъ настроеніемъ, совершилобы какое-либо преступное дѣйствіе: всѣ несвѣдующіе люди, обсуждающіе состояніе его единственно на основаніи этихъ странностей и причудливостей, воспользовались бы ими для доказательства его умопомѣшательства. Второй случай: „Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приходскій чиновникъ въ окрестности Middleton, долженъ былъ, по повелѣнію правительства, привести нѣкоего сумасшедшаго въ частную больницу для сумасшедшихъ. Такъ какъ это лице принадлежало къ почетнѣйшимъ жителямъ той мѣстности, то заказанъ гигъ подъ предлогомъ повезти его на прогулку. Въ теченіе дня сумасшедшій возъимѣлъ подозрѣніе о томъ, куда его везутъ, но не сказалъ ни слова, не сопротивлялся и притворился совершенно. Прибыли въ *Lancaster* очень поздно вечеромъ, такъ что не льзя было отправиться въ больницу, а нужно было переночевать въ городѣ. Сумасшедшій проснулся весьма рано утромъ, всталъ и обшаривъ карманы чиновника, нашелъ въ нихъ приказъ начальства заключить его въ больницу сумасшедшихъ. Съ хитростью, свойственною иногда сумасшедшимъ, онъ отправился самъ въ больницу, объяснился съ однимъ изъ смотрителей и сказалъ ему, что онъ привезъ одного сумасшедшаго въ Ланке-

знаки умопомѣшательства, замѣчаемые посторонними лицами, проявляются въ видѣ различныхъ странностей характера, при-

---

стеръ и придетъ съ нимъ въ теченіе дня въ больницу, добавляя: „это очень странное лицо, которое причинило уже много вреда, и я бы не удивлялся тому, если бы этотъ человѣкъ сказалъ, что это я сумасшедшій и что онъ меня сюда приводитъ; но вы должны держать его крѣпко и не обращать вовсѣ вниманія на его слова.“ Послѣ этого онъ возвратился въ гостинницу и нашелъ чиновника еще спящимъ. Онъ розбудилъ его и усѣлись завтракать. „Какой вы лѣнивецъ, вы спите такъ долго, а я прогуливался уже не мало,“ сказалъ ему. „Въ самомъ дѣлѣ!“ отвѣтилъ чиновникъ: „и мнѣ нужно прогуляться послѣ завтрака: пожалуете ли и вы прогуляться немножко со мной?“ Сумасшедшій согласился идти. Чиновникъ отправился къ больницѣ, но не обратилъ вниманія на то, есть ли у него приказъ въ карманѣ или нѣтъ. Когда приблизились къ больницѣ, сумасшедшій воскликнулъ: „Какое великолѣпное строеніе!“ „Да,“ отвѣтилъ чиновникъ:—„я хотѣлбы видѣть его внутри.“ Хорошо,“—сказалъ сумасшедшій,—„я спрошу и думаю, что они насъ впустятъ.“ Онъ подошелъ къ дверямъ и позвонилъ. Тотчасъ появился въ двери знакомый уже смотритель съ двумя или тремя помощниками. Чиновникъ началъ искать приказа въ карманѣ, но сумашедшій передалъ его смотрителю и сказалъ: „Вотъ лице, о которомъ я вамъ уже говорилъ. Наблюдайте строго за нимъ; нужно ему сбрить голову и надѣть на него бѣлый камзолъ.“ Надзиратели схватили сей часъ несчастнаго чиновника, который началъ кричать, что онъ чиновникъ, а тотъ другой сумасшедшій; но такъ какъ этимъ онъ подтверждалъ только предварительный разсказъ сумасшедшаго, то никто не обратилъ вниманія на его возраженія. Прислуга увела его, а онъ впалъ въ столь-сильное бѣшенство, что дѣйствительно надѣли на него бѣлый камзолъ и сбрили ему голову *secundum artem*. Сумасшедшій возвратился домой безъ всякихъ препятствій и тогда только узнали всѣ, что случилось. Бѣдный чиновникъ, по приказу начальства, былъ тотчасъ освобожденъ и возвратился домой съ платкомъ на головѣ вмѣсто той защиты, которою природа надѣлила его. Elwell добавляетъ къ этому: „Образецъ здоровья или болѣзни не существуетъ, а смѣсь ихъ, какъ въ физическомъ, такъ и умственномъ и душевномъ отношеніяхъ, совершается такъ постепенно, что предѣлы между ними только мнимыя. Кто же при склонѣ дня въ состояніи сказать, когда оканчивается день и начинается ночь? или—когда ребенокъ вступаетъ въ область отвѣтственности? Гдѣ предѣлы бодрости и отчаянности, благоразумія и трусливости, умѣренности и скупости, щедролюбія и расточительности? Благородное дѣйствіе не отличается отъ дурнаго столь рѣзкими чертами, какъ н. пр. шестиугольникъ отъ треугольника. Кто же

чудливостей и прихотей, обнаруживающихся и у здоровыхъ людей, или же когда умственное и душевное разстройство начинаетъ обнаруживаться внезапными, неожиданными взрывами, ведущими къ преступному дѣйствію, за которымъ потомъ слѣдуетъ періодъ, отличающійся на видъ совершенно правильнымъ состояніемъ ума. Этого рода явленія замѣчаютъ при тѣхъ видахъ умопомѣшательства, которые извѣстны подъ названіемъ raptus melancholicus, moral insanity, частное сумасшествіе, сомнамбулизмъ, тяжелый сонъ, paralisis progresiva и т. д. d) Умопомѣшательство проявляется разговоромъ, тѣлодвиженіями и дѣйствіемъ; всѣ прочіе признаки относятся или къ органическимъ причинамъ или къ послѣдствіямъ его. Но опредѣлить, составляютъ ли въ данномъ случаѣ эти признаки умопомѣшательства дѣйствительно послѣдствіе умственнаго и душевнаго разстройства, или же свободной воли, т. е. обмана и притворства, очень трудно, и продолжительное и тщательное лишь наблюденіе въ состояніи рѣшить вопросъ.

Средства которыми судъ обладаетъ для обсужденія и разпознанія умопомѣшательства, суть слѣдующія: a) разборъ самого акта преступнаго дѣйствія, способа его совершенія и обстоятельствъ, сопровождавшихъ его; — b) разсмотрѣніе общаго логическаго характера преступнаго дѣйствія; — c) разсмотрѣніе причины дѣйствія, какъ той, которую преступникъ приводитъ въ свое оправданіе, такъ и той, которая можетъ быть найдена посредствомъ судебнаго слѣдствія; — d) поведеніе преступника до и послѣ совершенія преступнаго дѣйствія; — e) разслѣдо-

---

въ состояніи начертать съ точностью границы, отдѣляющіе здоровье отъ болѣзни? изчислить ступени упадка и уничтоженія разума?... Въ особенности, причудливости генія подходятъ такъ близко подъ умопомѣшательство, что не льзя, безъ продолжительнаго наблюденія и тщательнаго взвѣшиванія цѣлаго ряда разныхъ дѣйствій, опредѣлить умственное и душевное состояніе, — правильно ли оно и здорово или нѣтъ.“

ваніе прежней жизни преступника относительно его нрава, его домашняго поведенія, времени половой его зрѣлости, вліянія наслѣдственности, его личныхъ нравственныхъ и разныхъ другихъ понятій, образа и обстоятельствъ его жизни и пр.; — f) разслѣдованіе, не послѣдовала ли какая-либо перемѣна въ нравственномъ его поведеніи, напр. не сдѣлался ли старательный, предусмотрительный, бережливый человѣкъ вдругъ небережливымъ, распутнымъ, расточительнымъ; любезный и благосклонный отецъ — мрачнымъ, угрюмымъ и свирѣпымъ, безъ всякой видимой причины; ведущій тихую, порядочную жизнь— вдругъ ведущимъ жизнь порочную, распутную, преступную, безъ всякаго повода и т. д.; — g) наконецъ, разслѣдованіе, нѣтъ-ли какого нибудь болѣзненнаго состоянія организма, могущаго уяснить органическія причины умопомѣшательства и обусловить умственное и душевное разстройство (1). Не трудно замѣтить, что одни изъ помѣнованныхъ средствъ пріобрѣтаются путемъ судебнаго слѣдствія, другія же единственно путемъ медицинскаго изслѣдованія, въ особенности приведенныя подъ e и g. Но умопомѣшательство представляетъ болѣзненный процессъ, отличающійся и свойственными ему явленіями, и своственнымъ ходомъ, и свойственными послѣдствіями. *Основаніе* его — умственное и душевное разстройство; *причины:* врожденныя, т. е. предрасположеніе къ разстройству этого рода, какъ, напр., извѣстные пороки организаціи головнаго мозга, наслѣдственность, особое, во время рожденія пріобрѣтенное, предрасположеніе къ умственнымъ болѣзнямъ, и т. п., и случайныя, каковы: нравственныя, какъ, напр., насильственныя впечатлѣнія, взрывъ нѣкоторыхъ страстей, похотей и т. д., или же медленное, постоянное и продолжительное дѣй-

---

(1) Шпильманнъ: Diagnostik der Geisteskrankheiten. Wien 1855. стр. 514. 515.

Elwell l. c. стр. 424.

ствіе томительныхъ впечатлѣній и страстей; медленное истощеніе силъ первной системы, вслѣдствіе злоупотребленія, напр. слишкомъ продолжительнаго бдѣнія ночью, или слишкомъ продолжительныхъ умственныхъ занятій и пр., и соматическія, обусловливающіяся патологическими процессами первной системы, именно центральной, или-же разстройствомъ отправленія разныхъ органовъ и органическихъ системъ, напр. половой системы, системы органовъ пищеваренія, уподобленія и т. д.; — *явленія*: относящіяся къ ощущенію, къ воображенію, и къ стремленіямъ лица; впрочемъ какъ къ причинамъ, такъ и къ послѣдствіямъ умопомѣшательства; — *ходъ*, относящійся главнымъ образомъ къ спонтанности (spontaneité) и правильности въ проявленіи и сцѣпленіи вышеупомянутыхъ явленій, къ ихъ постоянству, перемѣнности и временности, къ переходу временныхъ формъ болѣзни въ постоянныя, болѣе легкихъ — въ болѣе тяжелыя, неизлечимыя, къ развитію соматическихъ послѣдствій и переходу въ выздоровленіе или смерть (1). Сравнимъ теперь эти данныя съ выше приведенными обстоятельствами, разслѣдованіемъ которыхъ судъ считаетъ важнымъ заняться для достиженія собственныхъ своихъ цѣлей, и мы убѣдимся въ томъ, что всѣ эти обстоятельства относятся дѣйствительно или къ различнымъ причинамъ умственнаго и душевнаго разстройства, или къ явленіямъ его, или наконецъ къ его ходу и къ послѣдствіямъ основнаго болѣзненнаго процесса, и нѣтъ ни одного изъ нихъ, причислить котораго къ одной изъ этихъ трехъ группъ было бы невозможно. Изъ этого слѣдуетъ:

1) Самое событіе преступленія представляетъ, въ случаѣ присутствія умственнаго и душевнаго разстройства, только одно изъ много различныхъ его явленій, и должно находиться въ

(1) Шпильманнъ l. c. стр. IX и слѣд.

тѣсной и существенной связи со всѣми другими явленіями его, иначе, безъ этой связи, оно было бы со всѣмъ непонятно и указывало бы, собственно говоря, на другія причины, а не на умопомѣшательство. „Врачъ разсматриваетъ событіе, какъ явленіе психическаго происшествія, механизмъ произведенія котораго онъ узнаетъ посредствомъ его анализа—говоритъ Шпильманъ (1), — а судья какъ судебное дѣло, какъ фактъ, какъ дѣйствіе человѣка, наказываемое закономъ". Только на этомъ основаніи врачъ въ состояніи различить дѣйствительное сумасшествіе отъ притворства. То, что въ глазахъ судьи представляется преступнымъ дѣйствіемъ, въ глазахъ врача является только произведеніемъ движенія мышцъ. Это движеніе мышцъ будетъ всегда одно и то же, каковы бы ни были послѣдствія его, убійство ли человѣка или поднятіе какого-либо груза и т. д. Различіе составляютъ единственно внѣшнія отношенія этого движенія. Задача врача разслѣдовать причины этого движенія, относящіяся къ психическимъ процессамъ, побуждающимъ къ совершенію его. Но психическіе процессы не обнаруживаются исключительно этимъ движеніемъ; они производятъ и другія явленія, служащія ему объясненіемъ. Шпильманнъ (2) говоритъ: „Было бы одинаго же ошибочно и противорѣчило бы всему тому, что высказано до сихъ поръ о содержаніи самосознанія (Bewusstsein) и о строгой правильности этого содержанія, предполагать, что можно опредѣлить это движеніе безъ строгаго разслѣдованія въ тоже время и всѣхъ психическихъ явленій и всего человѣка вообще. Въ случаѣ обсужденія движенія этого рода врачемъ въ качествѣ врача-эксперта, ему предстоитъ составлять свой діагнозъ по тому же самому пути, что и практическому врачу, и даже, собственно

---

(1) Шпильманнъ I. c. стр. 364.

(2) Шпильманнъ I. c. стр. 366.

говоря, нужно распространить значительно эти наставленія, если желаемъ, чтобы они удовлетворили потребностямъ врача-эксперта.“

2) Поэтому, событіе преступленія не должно быть изслѣдуемо само по себѣ, отдѣльно и особо, безъ надлежащаго вниманія ко всѣмъ прочимъ болѣзненнымъ явленіямъ и признакамъ умственнаго у душевнаго разстройства, какъ это обыкновенно предполагаютъ юристы, основывая свое сужденіе объ умопомѣшательствѣ почти исключительно на самомъ событіи преступленія и обстоятельствахъ, сопровождающихъ его, и находящихся съ нимъ въ непосредственной внѣшней связи. Между тѣмъ, событіе преступленія составляетъ только одну часть той картины, одно звено той цѣпи явленій, основаніе которыхъ— извѣстный видъ умственнаго и душевнаго разстройства, и даже извѣстныя органическія измѣненія органической ткани.

3) Эти явленія относятся къ тремъ системамъ однообразныхъ психическихъ процессовъ, каковы: воображеніе, ощущеніе, стремленіе, подчиненныхъ строгой правильности относительно своего проявленія посредствомъ механизма, служащаго къ возбужденію подлежащихъ снарядовъ, которые предназначены для этой цѣли. Уклоненіе отъ этой правильности представляетъ именно то, что мы называемъ умопомѣшательствомъ или душевнымъ разстройствомъ. По такъ-какъ дѣйствующія причины, по своимъ свойствамъ, обусловливаютъ особый и соотвѣтственный видъ этого уклоненія отъ правильности, то они тѣмъ самымъ обусловливаютъ и особый видъ умопомѣшательства, отличающійся и особою группировкою явленій и особымъ родомъ ихъ послѣдовательности, что дѣлаетъ возможнымъ и опредѣленіе этого вида и различеніе его отъ притворства. Эту возможность усиливаютъ еще явленія, относящіяся къ различнымъ измѣненіямъ какъ органической ткани, такъ и отправленій извѣстныхъ органовъ и органиче-

скихъ системъ, измѣненіямъ, составляющимъ или причину, или послѣдствіе умопомѣшательства.

4) Поэтому, разслѣдованіе и обсужденіе умопомѣшательства можетъ быть со всею точностью произведено только врачемъ, такъ какъ, по спеціальности своихъ свѣдѣній, онъ одинъ въ состояніи разслѣдовать и обсудить всѣ выше-изложенныя явленія, относительно ихъ причинъ, основаній и значенія для разпознанія умопомѣшательства и опредѣленія различныхъ его видовъ. Пѣтъ сомнѣнія, что юристы, судьи и другія образованныя и необразованныя, но разсудительныя лица, находящіяся въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ лицемъ, предполагаемымъ сумасшедшимъ (1), могутъ до извѣстной степени обсудить неправильность умственнаго и душевнаго состаянія его и уклоненіе его отъ обычнаго поведенія; но такъ какъ, для точнаго опредѣленія умопомѣшательства и отличенія его отъ притворства, кромѣ упомянутыхъ признаковъ, какъ выше показано, необходимо еще и разслѣдованіе цѣлаго ряда другихъ, и такъ какъ ни картина этихъ признаковъ, ни естественная связь ихъ съ причиною и ея послѣдствіями въ организмѣ, ни значеніе ихъ для рѣшенія вопроса, не извѣстны, кромѣ врача, ни юристамъ, ни судьѣ, ни посторонимъ лицамъ, то составленіе діагноза умопомѣшательства представляется неоспоримою и исключительною принадлежностью врача-экснерта.

5) Основаніемъ всего медицинскаго заключенія въ этомъ отношеніи можетъ быть только умственное, душевное и органическое состояніе изслѣдуемаго лица во время самаго изслѣдованія. Шпильманнъ говоритъ (2): „Первымъ и самымъ лучшимъ источникомъ сужденія врача считается его собственное изслѣдованіе и анализъ“... „чѣмъ основательнѣе произве-

(1) Elwell I. c. стр. 425.

(2) Шпильманнъ I. c. стр. 506. 507. 510.

дено врачемъ-экспертомъ разслѣдованіе настоящаго состоянія (status praesens), тѣмъ скорѣе и точнѣе онъ будетъ въ состояніи уразумѣть всѣ психологическіе процессы и обусловливающее ихъ разстройство"... „Изслѣдующій врачъ иногда достигаетъ совершенной достовѣрности діагноза только въ теченіе своего наблюденія, продолжающагося болѣе или менѣе долгое время." Съ этимъ воззрѣніемъ извѣстнаго чешскаго психіатра соглашаются и англійскіе и американскіе юристы, требующіе непремѣнно, чтобы врачъ-экспертъ основывалъ свое разсужденіе по этому предмету только на основаніи собственнаго наблюденія (1): Мы уже высказали выше, что врачъ-экспертъ можетъ только собственнымъ изслѣдованіемъ и наблюденіемъ пріобрѣсть всѣ необходимыя основанія для составленія положительнаго заключенія своего.

6) Всѣ свидѣтедьскія показанія, пріобрѣтенныя или судебнымъ слѣдствіемъ, или собственнымъ спросомъ врача-эксперта, относятся существенно къ исторической части его экспертизы, т, е. къ т. н. анамнезу, имѣющему для него иногда громадное значеніе, съ одной стороны, потому что онъ доставляетъ ему драгоцѣнное указаніе, въ какомъ направленіи онъ долженъ производить свое изслѣдованіе; съ другой-же стороны, потому что онѣ объясняютъ ему причины, время начатія, ходъ и степень развитія болѣзненнаго процесса, однако же только тогда, если врачъ на основаніи собственнаго изслѣдованія настоящаго состоянія, со всею точностью опредѣлилъ, что умственное и душевное разстройство дѣйствительно существуетъ. Только тогда онъ въ состояніи вѣрно обсудить всѣ эти обстоятельства, употребить ихъ для составленія своего прогноза и метода леченія.

7) Событіе преступленія, равно какъ и всѣ обстоятель-

---

(1) Elwell I. c. стр. 6.

ства, сопровождающія его и относящіяся къ поведенію подсудимаго до и послѣ преступнаго дѣйствія, врачъ обсудитъ въ состояніи только на основаніи собственнаго разслѣдованія настоящаго состоянія подсудимаго, и на основаніи извѣстныхъ научныхъ началъ, а именно: что душевная болѣзнь обнаруживается иногда внезапнымъ и насильственнымъ взрывомъ, но органическія ея основанія развиваются всегда медленно и сообразно отдѣльнымъ ея видамъ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, признаки—же этого развитія становятся всегда замѣтны тщательному наблюдателю по правильности своего теченія. По этому врачу-эксперту нѣтъ никакого дѣла добиваться предварительно убѣжденія въ виновности или невинности подсудимаго какъ весьма ошибочно предполагаетъ г. Владиміровъ (1). Преступное дѣйствіе имѣетъ для судьи громадное значеніе, такъ какъ оно представляетъ предметъ всего его судебнаго дѣйствія; но для врача оно представляетъ только болѣзненное явленіе, которое содѣйствуетъ дѣйствительно до извѣстной степени усиленію рѣзкости картины состоянія подсудимаго, но не составляетъ вовсе необходимаго ея условія. Врачъ-экспертъ присутствуетъ при судебномъ слѣдствіи не для того, чтобы пріобрѣсть основанія для обсужденія виновности подсудимаго (2), а только для того, чтобы узнать настоящее состояніе умственныхъ способностей его и пріобрѣсть такимъ образомъ основанія для обсужденія умственнаго и душевнаго его разстройства. Требованіе г. Владиміровa, чтобы врачъ-экспертъ представлялъ суду свое мнѣніе относительно виновности подсудимаго, обусловливающееся тѣмъ предположеніемъ, что врачъ-экспертъ долженъ непремѣнно составить себѣ предварительное мнѣніе о томъ, совершилъ ли подсудимый преступное дѣйствіе или нѣтъ, съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи

(1) Владиміровъ, l. c. стр. 121.

(2) Владимировъ l. c. стр. 121.

обсудить его поведеніе до и послѣ совершенія преступнаго дѣйствія, и на этомъ основаніи, заключить объ умопомѣшательствѣ его, — представляетъ рѣзкій образецъ заблужденія, и логической непослѣдовательности, и представляетъ существенную ошибку въ оцѣнкѣ основаній суд.-мед. экспертизы; — ошибку тѣмъ болѣе вредную, что на ней онъ основалъ и судебное значеніе медицинской экспретизы, и юридическое ея устройство, и положеніе врача-эксперта предъ судомъ.

8) Обсужденіе врачемъ-экспертомъ событія преступленія не можетъ никогда быть положительное, а только условное, т. е. подъ условіемъ, что данныя, пріобрѣтенныя судомъ, дѣйствительно-вѣрны. Слѣдовательно, онъ не обсуждаетъ никогда событія преступленія съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить, совершилось ли оно дѣйствительно или нѣтъ, но онъ разсуждаетъ, что если это событіе и обстоятельства, сопровождавшія его, вполнѣ достовѣрно-доказаны, то оно можетъ, или не можетъ, считаться послѣдствіемъ или проявленіемъ умопомѣшательства, т. е. что подсудимый находился, или не находился, во время совершенія преступнаго дѣйствія, въ состояніи умственнаго и душевнаго разстройства.

9) Такъ-какъ врачъ-экспертъ приглашается судомъ для того, чтобы онъ ему разъяснилъ сомнительное дѣйствіе преступника, а равно и обстоятальства онаго, то онъ обязанъ изъяснить ему ихъ подробно, но онъ можетъ это сдѣлать на основаніи лишь своего собственнаго изслѣдованія.

10) Когда врачу эксперту приходится основывать свое разсужденіе не на собственномъ своемъ наблюденіи и изслѣдованіи, а на данныхъ, пріобрѣтенныхъ судебнымъ слѣдствіемъ, слѣдоватяльно на свидѣтельскихъ показаніяхъ, то это разсужденіе становится тогда личнымъ мнѣніемъ эксперта, относящимся къ научно-медицинской экспертизѣ вообще, не пользующейся тѣми условіями судебной достовѣрности, которыя свой-

ственны судебно-медицинской экспертизѣ, какъ это мы постараемся доказать впослѣдствіи.

Этимъ разборомъ мы упрочили и облегчили въ высокой степени нашу задачу, относительно метода изслѣдованія умопомѣшательства. На дѣлѣ оказалось, что онъ отличается не многимъ отъ метода изслѣдованія всѣхъ прочихъ физіологическихъ и патологическихъ состояній организма на живыхъ, относительно своихъ существенныхъ основаній; что онъ аналитическій и, по возможности, объективный, при разслѣдованіи явленій, — синтетическій, при опредѣленіи вида разстройства и отличенія его отъ притворства; что онъ даже болѣе объективный, чѣмъ методъ изслѣдованія многихъ другихъ болѣзненныхъ состояній организма, такъ-какъ существуетъ довольно строгая правильность и хода явленій, и отношенія отдѣльныхъ видовъ сумасшествія къ обусловливающимъ ихъ причинамъ и обусловливаемымъ ими послѣдствіямъ, и извѣстная спонтанность въ ихъ проявленіи (1), обезпечивающія опредѣленіе умопомѣшательства и возможность отличенія его отъ притворства. Слѣдовательно, то что мы сказали о достоинствѣ метода изслѣдованія на живыхъ вообще, относится вполнѣ и къ методу изслѣдованія умопомѣшательства, съ тѣмъ однако-же отличіемъ, что заключеніе врача-эксперта можетъ гораздо чаще быть положительно, относительно случаевъ умопомѣшательства, чѣмъ при другихъ экспертизахъ на живыхъ.

Есть еще многіе другіе предметы суд.-медиц. изслѣдованія на живыхъ, именно касающіеся физіологическаго состоянія организма, какъ н. п. возраста, пола и половой зрѣлости, тѣлосложенія, дѣвичества, беременности, родовъ, тождества лица и т. д. Но такъ какъ эти состоянія обнаруживаются соотвѣтственнымъ состояніемъ внѣшнихъ частей организма и органовъ, подверга-

(1) Шпильманнъ l. c. стр. X.

ющихся по большей части разслѣдованію непосредственно внѣшними чувствами изслѣдующаго лица, именно глазомъ и осязаніемъ, а результаты этого изслѣдованія могутъ быть провѣряемы во всякое время другимъ лицомъ, то методъ изслѣдованія не представляетъ никакихъ особыхъ свойствъ, и пользуется тою, же самою степенью судебной достовѣрности, что и суд.-мед. изслѣдованіе вообще иногда на живыхъ, иногда на мертвыхъ. Чтоже касается до изслѣдованія постороннихъ предметовъ, то оно пользуется всѣмъ достоинствомъ физическаго метода вообще, если производится посредствомъ химическаго, микроскопическаго и прочихъ физическихъ методовъ; обсужденіе же ихъ отношенія къ данному организму производится на основаніи результатовъ изслѣдованія на живыхъ или мертвыхъ, и поэтому было бы излишнимъ разсматривать здѣсь подробно этотъ вопросъ, не смотря на громадную иногда судебную его важность.

3. ПРОТОКОЛЪ. Этимъ названіемъ мы обозначаемъ точную, подробную и обстоятельную опись всего, что врачъ-экспертъ находитъ при своемъ суд.-мед. изслѣдованіи, и всего того, что онъ дѣлаетъ, и какія методы и пріемы онъ употребляетъ при производствѣ этого изслѣдованія. Протоколъ, въ этомъ смыслѣ, относится лишь къ той части а к т а осмотра тѣла, согласно ст. 1752 Св. Зак., Уст. Суд. Мед., составляющей историческую его часть, въ которой имѣется въ виду только то, что обнаружилось при настоящемъ изслѣдованіи врачемъ-экспертомъ, за исключеніемъ всего того „что извѣстно по разсказамъ достовѣрныхъ лицъ, или-же изъ формальныхъ по сему дѣлу бумагъ.“ Протоколъ, въ этомъ значеніи, представляетъ самый вѣрный образъ предмета изслѣдованія, и всего дѣйствія врача-эксперта во время произведенія экспертизы, и въ особенности употребляемаго имъ метода, пріемовъ и все-

го хода изслѣдованія. Поэтому онъ есть единственное вещественное основаніе, представляющее возможность провѣрки результатовъ суд.-мед. экспертизы, а въ случаяхъ, въ которыхъ по причинѣ ли самаго изслѣдованія, или скудости матеріала, или-же неустранимаго естественнаго разрушенія, уничтожается предметъ изслѣдованія, протоколъ замѣняетъ его и, слѣдовательно, служитъ совмѣстно и единственнымъ средствомъ провѣрки этого предмета. По этимъ-то причинамъ, протоколъ суд. мед. изслѣдованія имѣетъ громадное значеніе и для медицинской экспертизы и для правосудія вообще, а законодательства всѣхъ почти просвѣщенныхъ странъ Европы, признавая за нимъ это громадное значеніе, предписываютъ соблюденіе извѣстныхъ законныхъ формъ при составленіи его во время экспертизы, для обезпеченія за нимъ судебной достовѣрности (1), по крайней мѣрѣ при изслѣдованіи на трупѣ, и до извѣстной степени, при разслѣдованіи умопомѣшательства. Это громадное значеніе протокола для правосудія признаютъ и юристы. Такъ, г. Владиміровъ (2), представляя различныя основанія важности суд.-медиц. изслѣдованія при предварительномъ слѣдствіи, приводитъ между юридическими основаніями и слѣдующее: „Всѣ открываемые факты должны быть отмѣчаемы для того, чтобы впослѣдствіи на судѣ могли имѣть значеніе судебныхъ доказательствъ; они должны быть такъ констатированы, чтобы на нихъ могли ссылаться стороны.“ Важность и значеніе протокола доказываютъ впрочемъ многіе факты. Такъ, напримѣръ, въ „Архивѣ Суд. Медицины“ (3) указывается на статью Проф. Лямбля, извѣстнаго анатомо-патолога, гдѣ разбирается одинъ случай отравленія мышьякомъ, въ которомъ, не смотря на

---

(1) Свод. Зак. Уст. Суд. Мед. ст. 1736. 1758. въ особенности ст. 1747.

(2) Владиміровъ 1. с. стр. 73—80.

(3) Архивъ Суд.-Медицины 1871. Nr. 4 Декабрь. Критика и Библіографія, стр. 9.

научное обсужденіе его этимъ весьма талантливымъ ученымъ, это отравленіе оказалось сомнительнымъ по причинѣ очень плохо составленнаго протокола врачемъ-экспертомъ, производившимъ, въ этомъ случаѣ, судебно-медицинское изслѣдованіе, и дало поводъ къ продолжительному научному спору. Могутъ возразить, что вышеприведенныя законоположенія, относящіяся къ протоколу, были созданы еще во время существованія въ уголовномъ судопроизводствѣ инквизиціонной системы, и что они тогда были дѣйствительно необходимы, но что теперь, при устраненіи системы уголовныхъ доказательствъ, и предъ судомъ присяжныхъ, куда врачъ-экспертъ долженъ являться на лицо, дабы представлять изустно результаты своей экспертизы и отвѣчать на предложенные ему вопросы, относящіеся къ различнымъ ея обстоятельствамъ, протоколъ потерялъ до извѣстной степени свою прежнюю важность и значеніе. Какъ бы подтвержденіемъ этого предположенія можетъ послужить и то обстоятельство, что въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, слѣдовательно въ странахъ, гдѣ судъ присяжныхъ существуетъ уже нѣсколько столѣтій, считаютъ необходимымъ, чтобы врачъ-экспертъ представлялъ суду свою экспертизу на лицо и изустно. Хотя здѣсь дозволяется ему закономъ составлять замѣтки въ теченіе производства своей экспертизы, для болѣе точной передачи ея на судѣ (1), но вовсе не требуется протокола, какъ необходимаго основанія для успѣшнаго суд. дѣйствія. Намъ кажется однакожъ, что этотъ примѣръ не приложимъ къ дѣлу; ибо главныя процессуальныя условія тамъ и въ прочихъ государствахъ не одни и тѣ-же. Въ Англіи и Сѣверной Америкѣ нѣтъ прокуроровъ, преслѣдующихъ, въ силу законовъ, всѣ уголовныя преступленія; тамъ, пострадавшая сторона обязана доставить суду всѣ доказательства, (къ которымъ принадлежитъ и медицинская экспертиза), а обвиненный, съ своей стороны

(1) Elwell. l. c. стр. 425.

доказывать несостоятельность жалобы; поэтому суду нечего заботиться объ обезпеченіи за медицинскою экспертизою всевозможной достовѣрности и точности. Въ Россіи-же и въ другихъ странахъ существуетъ институція прокуроровъ, назначеніемъ которыхъ преслѣдованіе, въ силу закона, всякихъ преступныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, собраніе всевозможныхъ доказательствъ относится къ предварительному судебному слѣдствію; а такъ-какъ судебно-медицинское изслѣдованіе представляется однимъ изъ важнѣйшихъ въ этомъ отношеніи, то на судѣ лежитъ обязанность принять всѣ мѣры къ тому, чтобы оно представлялось суду въ условіяхъ, обезпечивающихъ ему высшую степень достовѣрности; а для этого протоколъ рѣшительно необходимъ, такъ-какъ лишь посредствомъ него и точность и вѣрность медицинскаго изслѣдованія могутъ быть удостовѣрены, само изслѣдованіе провѣрено, а предметъ изслѣдованія употребленъ какъ основаніе для повѣрки и точнаго обсужденія многихъ обстоятельствъ судебнаго дѣла и свидѣтельскихъ показаній, преимущественно по этому свойству протокола, что онъ замѣняетъ предметъ въ случаѣ совершеннаго уничтоженія его по какой-нибудь причинѣ.

Протоколъ судебно-медицинскаго изслѣдованія не сохраняетъ всегда одной и той же формы, и не представляетъ, сообразно такой формѣ, однихъ и тѣхъ-же основаній достовѣрности. Форма его различается по различію предмета изслѣдованія. При изслѣдованіи на мертвыхъ, онъ составляетъ часть судейскаго протокода, такъ-какъ это изслѣдованіе производится обыкновенно въ присутствіи суда и провѣряется его членами (1). Актъ осмотра, требуемый закономъ, содержитъ то-же протоколъ суд.-медиц. изслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другія обстоятесьства суд. дѣла, т. е. свѣдѣнія, заимствованныя изъ

(1) Св. Зак. Уст. уг. суд. ст. 342.

другихъ источниковъ, и заключеніе врача по данному дѣлу. При изслѣдованіи на живыхъ составляется врачемъ или просто свидѣтельство, содержащее единственно опредѣленіе правильнаго или болѣзненнаго состоянія даннаго лица, безъ объясненія основаній заключенія, или родъ протокола, содержащаго подробную, но сжатую, опись даннаго лица, или же скорбный листъ, содержащій подробную, но сжатую, опись настоящаго состоянія даннаго лица, хода болѣзни, наблюденія врача и всѣхъ пріемовъ, употребленныхъ имъ какъ для произведенія изслѣдованія, такъ и для пользованія даннаго лица въ случаѣ надобности. При химическомъ, микроскопическомъ и др. изслѣдованіяхъ этого рода, которыя производятся особо и особыми, судомъ съ этою цѣлью назначаемыми, комитетами: составляемый ими протоколъ содержитъ точную, подробную, опись предмета изслѣдованія и всего хода этого дѣйствія, и употребленныхъ методовъ. Вотъ всѣ главныя и болѣе важныя формы протокола, различающіяся между собою особыми условіями своей судебной достовѣрности, на которыя необходимо обратить вниманіе. Такъ-какъ, кромѣ изслѣдованія умопомѣшательства, суд.-медиц. изслѣдованіе на трупѣ представляется безспорно самымъ важнымъ въ судебномъ отношеніи, и законъ заботился преимущественно объ обезпеченіи прежде всего за нимъ всѣхъ условій суд. достовѣрности (1), то и мы начнемъ нашъ разборъ свойствъ протокола съ разсмотрѣнія существенныхъ свойствъ изслѣдованія на мертвыхъ и такимъ образомъ пріобрѣтемъ вмѣстѣ съ тѣмъ точное основаніе для сравнительнаго разсмотрѣнія свойствъ остальныхъ родовъ суд.-медиц. протокола. Эти свойства, представляющія отчасти требованія закона, отчасти-же требованія науки по этому предмету и опыта по судебнымъ дѣламъ, главнымъ образомъ суть слѣдующія:

---

(1) Св. Зак. Уст. Суд. Мед. 1730—1851.

a) Протоколъ составляется врачемъ, производящимъ изслѣдованіе, или другимъ лицомъ согласно его словамъ; „въ немъ записываются немедленно всѣ обстоятельства, заслуживающія вниманія, въ такомъ точно порядкѣ, какъ они замѣчаются, отнюдь не полагаясь на память свою и не отлагая составленія онаго дома. (Уст. Суд. Мед. ст. 1747).

b) Онъ долженъ содержать, кромѣ надлежащихъ свойствъ, доказывающихъ тождество предмета, всѣ тѣ обстоятельства, разслѣдованіе которыхъ, врачемъ-экспертомъ, необходимо для составленія положительныхъ заключеній и доставленія суду свѣдѣній, какія экспертъ въ состояніи доставить въ данномъ случаѣ по судебному дѣлу.

c) Онъ долженъ содержать самую точную опись всего дѣйствія врача, всѣхъ употребленныхъ имъ при вскрытіи пріемовъ и методовъ, въ особенности, если послѣдовало отступленіе отъ положеній закона въ этомъ отношеніи, а равно и порядка, въ которомъ произведено это изслѣдованіе.

d) Опись каждаго предмета должна быть коротка, сжата, но ясна и отчетлива, и не должна оставлять никакого сомнѣнія на счетъ дѣйствительнаго состоянія его.

e) Онъ не долженъ содержать ни техническихъ выраженій, ни научныхъ сужденій, но только самую точную опись всего того, что заслуживаетъ вниманія въ суд.-медиц. отношеніи, по своимъ физическимъ свойствамъ, дозволяющимъ присутствующему судьѣ и понятымъ, обладающимъ извѣстною общею степенью образованія, провѣрить наглядно ихъ точность. И такъ, напр. не доказывается, что въ данномъ случаѣ было трупное пятно, или синева и т. д., но описываются всѣ свойства пятна, такъ-какъ эти свойства могутъ быть легко провѣрены присутствующими должностными лицами, не обладающими вовсе спеціальными по этому предмету знаніями. Не говорится, напр., что было воспаленіе, а описываются подробно тѣ свой-

ства ткани, по которымъ можно узнать со всею точностію воспаленіе и т. д. (1).

f) По окончаніи изслѣдованія, протоколъ долженъ быть подписанъ всѣми присутствующими лицами для большей судебной достовѣрности его.

g) Пропуски и ошибки исправляются тотчасъ послѣ окончанія протокола и подписываются тоже всѣми присутствующими лицами. (Св. Зак. Уст. Суд. Мед. ст. 1747).

Вотъ главныя свойства протокола изслѣдованія на мертвыхъ, отъ которыхъ зависитъ судебное его достоинство; кромѣ того, по Суд. Мед. Уставу (2), требуется строгое соблюденіе судомъ и врачемъ многихъ формальностей, могущихъ доставить ему характеръ судебнаго акта.

Слѣдовательно, судебное достоинство протокола суд.-мед. изслѣдованія на трупѣ обусловливается слѣдующими существенными его свойствами: 1) онъ замѣняетъ предметъ изслѣдованія, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ его свойствъ, которыя преимущественно важны въ судебномъ отношеніи: — на это значеніе мы обращаемъ особенное вниманіе юристовъ, такъ какъ оно важнѣе всего для судебнаго дѣда; 2) онъ представляетъ вѣрный образъ всѣхъ дѣйствій эксперта и употребляемыхъ имъ пріемовъ и методовъ изслѣдованія, и доставляетъ возможность обсужденія ихъ точности и основательности; 3) результаты изслѣдованія провѣренныя наглядно присутствующими судебными лицами, и засвидѣтельствованныя ихъ подписами, представляютъ высшую степень судебной достовѣрности, которой не въ состояніи никогда достигнуть показанія эксперта, полагающагося на свою память, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, ибо въ такомъ случаѣ до-

---

(1) Владиміровъ 1. с. стр. 32. Шауенштайнъ: Lehrbuch der gerichtlichen Medizin. Wien. 1867 стр. 37.

(2) Св. Зак. ст. 1736—1758.

стовѣрность показаній зависитъ вполнѣ отъ извѣстныхъ личныхъ свойствъ изслѣдующаго лица, и ни самое изслѣдованіе, ни результаты его, не могутъ быть судомъ провѣрены (1);— 4) онъ дѣлаетъ возможнымъ провѣрку и свидѣтельскихъ показаній и сознанія подсудимаго: которая безъ протокола невозможна, такъ-какъ показанія врача-эксперта, единственно по памяти, а даже и по частнымъ его замѣткамъ, не могутъ пользоваться тою степенью достовѣрности, какою пользуется провѣренный судебными свидѣтелями протоколъ; — и 5) онъ устраняетъ вліяніе личныхъ свойствъ изслѣдующаго эксперта на судебное слѣдствіе и усвоиваетъ суд.-мед. изслѣдованію высшую степень объективности. Врачъ котораго экспертиза заявляется передъ судомъ только по памяти, равняется, относительно вѣрности своихъ заключеній, всѣмъ другимъ экспертамъ по искуству, ремесламъ и т. д., и даетъ только мнѣніе, т. е. личное убѣжденіе, но не логическій объективный выводъ.

Что же касается прочихъ видовъ протокола, именно: скорбнаго листа и протокола, напр., химическаго, микроскопическаго и прочихъ родовъ изслѣдованій, то, по существеннымъ и вышеприведеннымъ свойствамъ своимъ, они не отличаются нисколько отъ протокола изслѣдованія на мертвыхъ, кромѣ отсутствія подписи судьи. Такъ-какъ они составляются экспертами не въ присутствіи суда,—присутствіе котораго впрочемъ было бы совершенно излишнимъ, по недостатку надлежащихъ познаній, — то и достовѣрность этихъ протоколовъ обусловливается совсѣмъ другими основаніями: 1) полнотою и обстоятельностью картины преимущественно тѣхъ признаковъ, которые, въ данномъ случаѣ, для рѣшенія судебныхъ вопросовъ по дѣлу, особенно важны; — 2) точностью описи пріемовъ и употребленныхъ при разслѣдованіи методовъ,

---

(1) Владимірове l. c. стр. 78.
Миттермаіеръ, Gerichtssaal 1860 г. стр. 325 и слѣд.

дающею возможность ихъ провѣрки; — 3) отсутствіемъ въ скорбномъ листѣ противорѣчій какъ въ описаніи явленій въ началѣ болѣзни, такъ и въ сравненіи съ ходомъ, исходомъ и замѣтными послѣдствіями какъ болѣзненнаго процесса такъ и леченія; — а также отсутствіемъ противорѣчій въ описаніи явленій, относящихся къ извѣстнымъ методамъ изслѣдованія и ихъ результатамъ въ другихъ родахъ протокола; — 4) возможностью провѣрки результатовъ изслѣдованія производствомъ новаго изслѣдованія, по тому-же самому методу, что и при первоначальномъ изслѣдованіи, или же по другому, но не менѣе точному и достовѣрному; — 5) наконецъ, тѣмъ, что изслѣдованія этого рода передаются судомъ не одному лицу, а особымъ комитетамъ, отвѣчающимъ и за точность изслѣдованія и за строгое соблюденіе всѣхъ законныхъ формъ, для обезпеченія за этого рода изслѣдованіями всевозможной судебной достовѣрности (1).

Составленіемъ протокола оканчивается судебно-медицинское изслѣдованіе врача-эксперта, — изслѣдованіе, основаніемъ котораго свойственный ему предметъ, существеннымъ достоинствомъ—методъ, и внѣшними формальными условіями объективности и судебной достовѣрности — протоколъ. Но составленіемъ протокола не оканчивается совершенно задача медика-эксперта. Судъ требуетъ отъ него изслѣдованія, не для составленія протокола, но для полученія отъ него заключенія по данному дѣлу, точное рѣшеніе котораго зависитъ главнымъ и положительнымъ образомъ отъ его заключенія. Слѣдовательно, заключеніе составляетъ главную цѣль судебно-медицинскаго дѣйствія и требованія суда, — тѣмъ-не-менѣе, и суд.-медиц. изслѣдованіе, какъ выше показано, имѣетъ и само по себѣ громадную судебную важность.

---

(1) Уст. Суд. Медиц. ст. 1839—1852; Врач. Уст. ст. 277.

4. ЗАКЛЮЧЕНІЕ, какъ одна изъ основныхъ частей суд.-медиц. экспертизы, составляетъ въ сущности своей логическій силлогизмъ, большая посылка котораго—научныя начала Судебной Медицины, меньшая — результаты суд.-мед. изслѣдованія по данному судебному дѣлу, а выводъ изъ этихъ двухъ посылокъ—положеніе, требуемое судомъ и составляющее всю сущность суд.-мед. экспертизы. (См. стр. 32. 38). Если, въ данномъ случаѣ, врачъ дѣлаетъ выводъ, напр. что смерть какого-либо лица была насильственна, вслѣдствіе поврежденія, то онъ, въ сущности утверждаетъ, что собственное изслѣдованіе его обнаружило поврежденія тѣла и явленія такого-то рода (малая посылка), – которыя, по началамъ науки, первыя ведутъ къ смерти, а вторыя—указываютъ на нее (большая посылка) — и что, поэтому, смерть отъ тѣхъ поврежденій и послѣдовала: выводъ, или заключеніе. На этомъ основаніи, мы совершенно вправѣ сказать, что суд.-медиц. экспертиза даетъ не мнѣнія, какъ полагаютъ юристы (1), а заключенія или логическіе выводы, слѣдовательно факты, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ родахъ своего изслѣдованія. Въ законѣ (2) хотя и употребляется выраженіе: „мнѣніе“ при опредѣленіи частей, изъ которыхъ свидѣтельство или актъ осмотра состоитъ, то это опредѣленіе закона послѣдовало въ то время, когда медицинская экспертиза была еще болѣе дѣломъ опытности и искусства, чѣмъ строгой научной послѣдовательности; ибо Патологическая Анатомія, составляющая главное научное основаніе изслѣдованій на мертвыхъ, еще почти не существовала, или по-крайней-мѣрѣ стояла на весьма низкой степени. Притомъ, и въ законѣ уже встрѣчаются попеременно два выраженія: „мнѣніе“ и „заключеніе,“ (1); и именно выводъ рѣшительный называется въ за-

(1) Владиміровъ l. c. стр. 124.

(2) Уст. Суд. Мед. ст. 1750—1753.

(1) Уст. Суд. Мед. ст. 1753. „Посему онъ долженъ въ сомнительныхъ

конѣ заключеніемъ (Уст. Суд.-Мед. ст. 1753). Намъ предстоитъ теперь доказать, что этотъ выводъ или заключеніе представляетъ дѣйствительно послѣдствіе чисто-логическаго процесса.

Что составляетъ большую посылку этого силлогизма? Обыкновенно думаютъ немедики, преимущественно юристы,—а между ними и Миттермаіеръ (2), — что эту посылку составляютъ общія начала медицинскихъ и естественныхъ наукъ. Отнюдь нѣтъ. Судебная Медицина, для примѣненія ихъ, по своему назначенію, къ судебнымъ цѣлямъ, сообразно тому и обработываетъ всѣ эти общія научныя начала. Для обще-медицинскихъ цѣлей совершенно достаточно, если научное изслѣдованіе покажетъ, что въ извѣстныхъ условіяхъ извѣстныя причины производятъ извѣстныя послѣдствія, и какимъ образомъ это совершается. Напр., для Хирургіи и Патологической Анатоміи достаточно узнать, что вслѣдствіе какого нибудь внѣшняго насилія, или же вслѣдствіе внутренней причины, напр. быстраго и чрезмѣрно-сильнаго движенія, извѣстнаго состоянія крови, усиленнаго вдругъ кровообращенія и пр., въ особенности, при извѣстномъ болѣзненномъ состояніи сосудовъ и при другихъ условіяхъ, образуются накожныя пятна, происходящія отъ изліянія крови въ ткань кожи или подъ кожею. Но какія именно въ подробности отношенія этихъ подтековъ къ дѣйствующимъ причинамъ и условіямъ ихъ дѣйствія? Рѣшеніе этого вопроса со всею точностію не представляетъ особенной важности ни для Хирургіи, ни-же для Патологической Анатоміи. Для Хирургіи достаточно того, что есть подтекъ, что онъ можетъ образоваться вслѣдствіе внѣшняго насилія и внутреннихъ причинъ, и что его можно излечить извѣстнымъ образомъ и въ теченіи извѣстнаго

случаяхъ, гдѣ обстоятельства дѣла не совершенно открыты, лучше признаться въ невозможности произвесть рѣшительное заключеніе, нежели затмѣвать и запутывать дѣло неосновательнымъ мнѣніемъ.

(1) Миттермаіеръ l. c. стр. 366.

времени; болѣе ей не нужно, потому, что вся ея задача устранить этотъ подтекъ по возможности скорѣе. Для Патологической Анатоміи важнѣе всего узнать, какимъ путемъ образуется обыкновенно этотъ подтекъ, въ какихъ условіяхъ, и какимъ образомъ онъ исчезаетъ? Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ она довольствуется совершенно, такъ-какъ для нея особенно важенъ общій процессъ образованія подтека и его устраненія, но отнюдь не другія обстоятельства его. Но для Судебной Медицины этого недостаточно. Она не можетъ довольствоваться этими общими положеніями, потому что они не объясняютъ даннаго факта, согласно требованіямъ судебной цѣли; для Суд. Медицины особенно важно: въ какомъ отношеніи находится подтекъ къ производящей его причинѣ? Образуется ли онъ всегда при дѣйствіи внѣшняго насилія или нѣтъ? А если нѣтъ, то въ какихъ условіяхъ онъ не образуется? Образуется ли онъ всегда въ мѣстѣ дѣйствія насилія, или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, въ какомъ именно и по какимъ законамъ? Составляетъ ли онъ доказательство, что насиліе дѣйствовало при жизни человѣка, или можетъ онъ образоваться и послѣ смерти и въ какихъ условіяхъ? Можно ли всегда узнать, что онъ образовался при жизни человѣка, а не послѣ смерти, и какимъ образомъ можно его отличить отъ трупнаго пятна? можно ли узнать, какимъ орудіемъ онъ произведенъ и съ какою силою? и т. д. Вотъ рядъ вопросовъ, на которые мы не находимъ отвѣта ни въ Хирургіи, ни въ Патологической Анатоміи, ни въ другихъ медицинскихъ наукахъ. Основанія для рѣшенія этихъ вопросовъ должна Судебная Медицина пріобрѣсти собственными силами и средствами, при помощи многочисленныхъ тщательныхъ наблюденій, провѣренныхъ различными опытами многихъ изслѣдователей; только такимъ образомъ выработанныя точныя и основательныя положенія составляютъ тѣ судебно-медицинскія научныя начала, которыя имѣютъ право быть большею посылкою силлогизма въ суд.-медиц. заключеніяхъ. Поэтому-то на-

значеніе Судебной Медицины—заниматься не только изобрѣтеніемъ цѣлесообразныхъ методовъ суд.-медиц. изслѣдованія, но и тѣхъ спеціальныхъ научныхъ положеній,—на основаніи тщательнаго и строгаго испытанія всѣхъ причинъ и условій образованія даннаго явленія и судебнаго его достоинства,— которыя могли бы впослѣдствіи служить неоспоримымъ и непоколебимымъ основаніемъ суд.-медиц. заключеній. Обыкновенно опредѣляютъ Судебную Медицину какъ „отрасль медицинскихъ наукъ, которая занимается пріобрѣтеніемъ способовъ примѣненія медицинскихъ и естественныхъ научныхъ началъ къ цѣлямъ правосудія.“ Но изъ того, что объяснено выше, оказывается положительно, что она, кромѣ упомянутой цѣли, имѣетъ еще задачу собственными и самостоятельными изслѣдованіями, обработывать общія научныя начала такъ, чтобы они могли служить, въ видѣ большой посылки, положительнымъ основаніемъ для рѣшенія медицинскихъ вопросовъ по судебнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, для того, чтобы общ е-медицинское или естественное научное начало сдѣлалось суд е бно-медицинскимъ, непремѣнно нужно разслѣдовать посредствомъ научнаго опыта (эксперимента), провѣреннаго непосредственнымъ наблюденіемъ, значеніе этихъ общихъ началъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя замѣчаются обыкновенно въ случаяхъ, подвергающихся судебному преслѣдованію. Поэтому-то Каспѐръ правъ, говоря, „что можно быть очень хорошимъ практическимъ врачемъ и въ тоже время весьма плохимъ судебнымъ медикомъ,“ что вполнѣ подтверждается ежедневнымъ опытомъ. Такимъ образомъ, б о л ь ш а я п о с ы л к а представляетъ не частное, субъективное мнѣніе, не общемедицинское предположеніе, а объективное, многими опытами провѣренное, положительное, судебно-медицинское начало, придающее всякому точному суд.-медиц. заключенію характеръ совершенной твердости и неоспоримости. М а л у ю посылку составляютъ результаты суд.-медиц. изслѣдованія, условія точности, опредѣлительности, основательности и объективности

котораго, мы уже подробно разслѣдовали и опредѣлили. Судебно-медицинское заключеніе составляетъ прямой, логическій, выводъ изъ этихъ двухъ посылокъ, совершенно объективный, свободный отъ субъективности изслѣдователя,—иначе онъ не былъ бы точенъ. Если, по судебно-медицинскимъ началамъ спинева должна имѣть извѣстныя, опредѣленныя свойства, а судебно-медицинское изслѣдованіе найдетъ, что извѣстное пятно отличается такими именно свойствами, то неизбѣженъ выводъ, что это пятно представляетъ спиневу. Это выводъ прямой, логическій, объективный. И онъ будетъ всегда положителенъ, если обѣ посылки положительны,— будетъ сомнителенъ, условенъ и вѣроятенъ, если одна изъ нихъ представляетъ сомнительныя или субъективныя положенія; наконецъ, онъ будетъ ошибоченъ, если положенія большой посылки логически непримѣнимы къ положеніямъ малой, или если посылки неточны.

Кромѣ этихъ существенныхъ свойствъ заключенія, есть еще нѣкоторыя формальныя условія, соблюденіе которыхъ врачемъ необходимо, для обезпеченія за нимъ надлежащей судебной достовѣрности. Эти формальныя условія главнымъ образомъ слѣдующія:

1) Заключеніе должно основываться единственно на признакахъ относящихся къ человѣческому организму, такъ какъ органическая жизнь, и преимущественно человѣческая, съ управляющими ею законами, въ физіологическомъ и патологическомъ ея состояніи, составляетъ именно тотъ кругъ спеціальныхъ знаній, который необходимъ для суд.-мед. экспертизы. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда суд.-мед. экспертиза относится къ посторонними предметамъ, — дѣйствіе врача-эксперта, ограничивается единственно заключеніемъ касательно ихъ отношенія къ человѣческому организму, на основаніи замѣченнымъ при изслѣдованіи даннаго организма признаковъ.

2) Заключеніе должно основываться исключительно на данныхъ, внесенныхъ въ протоколъ изслѣдованія, такъ какъ

единственно протоколъ, пользуется всѣми условіями судебной достовѣрности. Всѣ попытки врачей-экспертовъ—представлять свое свидѣтельство по памяти, ведутъ къ неточностямъ, ибо ежедневный опытъ убѣждаетъ, что нѣтъ возможности сохранить въ памяти, въ теченіе извѣстнаго времени, со всею отчетливостью, разныя мелкія обстоятельства дѣла, замѣченныя при изслѣдованіи, которыя однакожъ, во многихъ случаяхъ, имѣютъ положительную важность для рѣшенія судебнаго вопроса; что иногда, даже тотчасъ послѣ окончанія вскрытія, ускользаютъ изъ памяти разныя мелкія обстоятельства, напр. точная форма, направленіе, величина раны или пятенъ, точное опредѣленіе мѣстности, на которой они находятся, количество излитой крови и т. д. такъ что для вѣрнаго опредѣленія въ протоколѣ этихъ обстоятельствъ необходмо провѣрять на-мѣстѣ ихъ описаніе. Врачъ-экспертъ, представляющій свои показанія на судѣ по памяти, добровольно лишаетъ свое изслѣдованіе объективности и суд. достовѣрности и его показаніе пріобрѣтаетъ характеръ просто свидѣтельскаго показанія, а заключеніе — характеръ заключенія всякаго другаго свѣдущаго лица по искуству, ремесламъ и т. д. Приведеніе врачемъ-экспертомъ новыхъ обстоятельствъ, не находящихся въ протоколѣ суд.-медиц. изслѣдованія, при личномъ объясненіи на судѣ, не только не укрѣпляетъ суд. достовѣрности всей экспертизы, но, напротивъ, ослабляетъ и даже уничтожаетъ ее, устраненіемъ условій ея точности и объективности; слѣдовательно, способствуетъ не уясненію судебнаго дѣла, а запутыванію, и ведетъ къ различнымъ, для правосудія весьма вреднымъ, невольнымъ ошибкамъ и неточнымъ показаніямъ, а даже иногда и къ нарочному обману. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить судебное дѣло, объ отравленіи мышьякомъ нѣкоего Логвиненко; оно не могло быть рѣшено по неполнотѣ и неточности протокола вскрытія, и по той причинѣ, что и врачъ, пользовавшій умершаго въ теченіе его болѣзни, и врачъ, производившій

вскрытіе тѣла послѣ его смерти, не были въ состояніи доставить суду, по памяти, требуемыхъ свѣдѣній для пополненія картины замѣченныхъ ими явленій (1). По этому совершенно справедливо требуется закономъ, чтобы мнѣніе было „основано на томъ, что дѣйствительно при вскрытіи тѣла найдено“ (2). Мнѣніе защитниковъ суда присяжныхъ, чтобы врачи-эксперты, особенно производившіе суд.-медиц. изслѣдованіе на трупѣ, являлись въ засѣданіе суда, и передавали тамъ по памяти свою экспертизу (3) и даже пополняли ее, если она, по протоколу, оказалась неудовлетворительною, тоже по памяти, кажется намъ не только не основательнымъ, но и весьма вреднымъ для правосудія, ибо такимъ образомъ, объективныя основанія экспертизы замѣнились бы субъективными свойствами врача.

3) Заключеніе должно основываться единственно на данныхъ, пріобрѣтенныхъ собственнымъ изслѣдованіемъ врача-эксперта, такъ какъ онъ точность и достовѣрность этихъ лишь даннымъ обсудить въ состояніи. Всѣ свѣдѣнія, пріобрѣтенныя черезъ спросъ посторонннихъ лицъ, или же по справкѣ въ актахъ, доставленныхъ судомъ, хотя могутъ послужить ему указаніемъ, въ какомъ направленіи ему надлежитъ производить свое изслѣдованіе, и онъ можетъ иногда основать на нихъ свое мнѣніе или условное предположеніе относительно многихъ обстоятельствъ судебнаго дѣла, — но положительное заключеніе онъ вправѣ представить суду только на основаніи данныхъ, пробрѣтенныхъ собственнымъ, соотвѣтственнымъ дѣлу и наукѣ изслѣдованіемъ. Для такихъ именно случаевъ, въ которыхъ врачъ-экспертъ не рѣшаетъ судебнаго вопроса

---

(1) Архивъ Суд. Медиц. 1871 Декабрь. Библіографія и Критика стр. 19 и слѣд.

(2) Св. Зак., Уст. Суд. Мед. ст. 1753.

(3) Elwell l. c. стр. 270. Владиміровъ l. c. стр. 122.

исключительно на собственномъ медицинскомъ наблюденіи, но совмѣстно и на основаніи свидѣтельскихъ показаній, Касперъ (1) предлагаетъ особую формулу, употребленіе которой врачемъ доставляетъ суду возможность рѣшить вопросъ на основаніи данныхъ, пріобрѣтенныхъ собственно-судебнымъ слѣдствіемъ. Уставъ. Суд. Медицины подтверждаетъ наше мнѣніе, что положительное — заключеніе — врача-эксперта должно быть основано только на данныхъ, пріобрѣтенныхъ собственнымъ его изслѣдованіемъ: (2) „Потомъ слѣдуетъ" — говоритъ Уставъ—„мнѣніе, основанное на томъ, что дѣйствительно при вскрытіи тѣла найдено, согласно правиламъ судебно-медицинскимъ."

4) Заключеніе должно основываться, съ одной стороны, на точныхъ и опредѣленныхъ суд.-мед. научныхъ началахъ, составляющихъ большую посылку;—съ другой стороны, на точныхъ, несомнѣнныхъ и положительныхъ данныхъ протокола суд.-мед. изслѣдованія. Если первыя сомнительны, положительно неопредѣлены, или если вторыя опредѣлительно не разслѣдованы и подвергаются сомнѣнію, то заключеніе врача теряетъ свой характеръ объективной достовѣрности, и превращается въ мнѣніе, сомнительное, условное, субъективное, личное предположеніе и вѣроятность. Въ этомъ согласны всѣ знаменитые авторы по Суд.-Медицинѣ, какъ напр. Касперъ, Вальдъ, Тайлоръ, Тардіе, и т. д., а также Устав. Суд.-Медицины (3).

---

(1) Касперъ I. с. II. Т. стр. 250.

(2) Св. Зак. Уст. Суд. Мед. 1753. (см. стр. 113).

(3) Св. Зак., Уст. Мед. стр. 1850: „Поелику открытіе истины составляетъ главный предметъ стараній судебнаго врача, то при составленіи осмотра обязанъ онъ различить то, что никакому сомнѣнію не подлежитъ, отъ того, что только вѣроятно. Посему, онъ долженъ въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ обстолтельства дѣла не совершенно открыты, лучше признаться въ неможности произнесть рѣшительное заключеніе, нежели затмѣвать и запутывать дѣло неосновательнымъ мнѣніемъ."

5) Заключеніе должно представлять прямой, непосредственный, основательный и послѣдовательный выводъ силлогизма; въ немъ не должно находится никакого положенія, для котораго нѣтъ основанія въ логическихъ посылкахъ. Напр. въ выше приведенномъ случаѣ, опредѣленіе Купера, что убійца былъ лѣвша, не составляло вовсе прямаго, непосредственнаго вывода изъ собственнаго медицинскаго наблюденія (1).

6) Заключеніе должно отличаться строгою послѣдовательностью; т. е. въ выводѣ не можетъ находиться положенія, на которое посылки не даютъ полнаго основанія; слѣдуетъ обращать тщательное вниманіе на способъ подведенія малой посылки подъ большую, такъ-какъ въ этомъ обстоятельствѣ заключается иногда главная причина очень важныхъ ошибокъ.

Вотъ рядъ наставленій, строгое соблюденіе которыхъ обусловливаетъ главнымъ образомъ объективность и достовѣрность заключенія. Притомъ, надлежитъ въ то-же время всегда имѣть въ памяти, что и строго логическое заключеніе можетъ быть ошибочное, если одна или другая изъ посылокъ будетъ невѣрна.

Все это опредѣленіе заключенія относится только и почти исключительно къ суд.-медиц. экспертизѣ на трупѣ. Экспертиза на живыхъ не отличается вообще такими-же свойствами объективности и положительности, главнымъ образомъ по той причинѣ, что здѣсь и большая и малая посылки, какъ выше сказано, имѣютъ характеръ болѣе субъективный чѣмъ объективный. Причины субъективности малой посылки, или производства судебно-медицинскаго изслѣдованія на живыхъ, мы изъяснили выше при разсмотрѣніи метода изслѣдованія. Что же касается до большой посылки, то извѣстно, что ни Медицина вообще, ни Судебная Медицина въ частности, не достигли еще совер-

(1) Elwell I c. стр. 395.

шенства, и не представляютъ опредѣленныхъ образцовъ болѣзней, примѣнимыхъ ко всѣмъ случаямъ болѣзненнаго состоянія. Есть дѣйствительно извѣстныя, болѣе или менѣе характеристическія черты отдѣльныхъ болѣзненныхъ процессовъ, преимущественно въ ихъ ходѣ, но они обусловливаютъ только большую или меньшую вѣроятность, такъ какъ ни ихъ присутствіе, ни ихъ отсутствіе, не составляетъ безусловно положительнаго признака присутствія или отсутствія соотвѣтственнаго болѣзненнаго процесса. Существуютъ, правда, извѣстныя наставленія, извѣстные методы изслѣдованія; но они болѣе обусловливаютъ полноту болѣзненной картины и отсутствіе противорѣчія въ чертахъ ея, чѣмъ ея положительность; такимъ образомъ врачъ-экспертъ, при производствѣ суд.-медиц. экспертизы на живыхъ, не представляетъ, собственно говоря, объективнаго заключенія, а только субъективное, личное мнѣніе, болѣе или менѣе точное, болѣе или менѣе вѣроятное. Къ счастію, экспертиза этого рода, въ судебномъ отношеніи, не отличается тою важностью, какъ суд.-медиц. экспертиза на мертвыхъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ объясняется ходомъ и исходомъ болѣзни. При обсужденіи физіологическаго состоянія лица, заключеніе можетъ быть иногда положительно, хотя и здѣсь встрѣчаются по большей части случаи, какъ напр., при обсужденіи дѣвичества, беременности, родовъ, возраста и т. д., въ которыхъ положительное заключеніе не всегда возможно и нужно довольствоваться большею или меньшею степенью вѣроятности. Заключеніе въ дѣлѣ умопомѣшательства представляетъ несравненно болѣе объективности и положительности, такъ-какъ явленія умственнаго и душевнаго разстройства представляютъ извѣстный родъ послѣдовательности и спонтанности, дозволяющихъ отличить это разстройство, напр., отъ причудливостей, странностей и отъ притворства; притомъ его сопровождаютъ извѣстные, соотвѣтственные, свойственные различнымъ видамъ его, признаки болѣзненнаго состоянія орга-

низма, не легко поддающіеся продолжительному, или постоянному притворству, которое могло бы ускользнуть отъ вниманія при тщательномъ наблюденіи за мнимымъ больнымъ. Кругъ психическихъ явленій не слишкомъ обширенъ; кромѣ того, онъ составляетъ единственное основаніе общенія людей между собою: поэтому всякое уклоненіе отъ правильности и обычной послѣдовательности въ психическихъ явленіяхъ бросается тотчасъ въ глаза, дѣлается замѣтнымъ и вызываетъ наблюденіе дальнѣйшаго хода и причинъ такого состоянія. Хотя до сихъ поръ мы не знаемъ, какимъ образомъ раждаются психическія явленія, но такъ-какъ, напр., астрономы и физики, не зная вовсе основаній ни силы тяготѣнія, ни силы сцѣпленія матеріи и многихъ другихъ основныхъ физическихъ силъ, успѣли однако, посредствомъ тщательнаго наблюденія и примѣненія индуктивнаго метода изслѣдованія, открыть законы и движенія небесныхъ тѣлъ и происхожденія многихъ другихъ физическихъ явленій, напр. свѣта, голоса, электричества, сцѣпленія матеріи, механическихъ силъ и т. д., — такъ и психіатры, въ силу постояннаго, послѣдовательнаго и тщательнаго наблюденія, производимаго въ хорошо-извѣстныхъ условіяхъ, дошли наконецъ до познанія извѣстнаго количества психическихъ законовъ. По этой-то причинѣ медицинская экспертиза по предмету умономѣшательства въ рѣдкихъ только случаяхъ представляетъ видъ м н ѣ н і я, т. е. большей или меньшей вѣроятности, что однако-же въ этихъ случаяхъ не слишкомъ вредно, такъ-какъ самое сомнѣніе, въ этомъ отношеніи, если оно основательно, достаточно уже для того, чтобы прекратить дальнейшее судебное дѣйствіе до времени положительнаго убѣжденія (1).

Еще одно замѣчаніе. Юристы и судьи обращаютъ большое вниманіе на о п ы т н о с т ь врача, какъ основаніе его

(1) Elwell l. c. стр. 420.

заключенія (1), и на приведеніе мнѣній извѣстныхъ по этому предмету авторовъ, въ подтвержденіе собственнаго заключенія (2). Эти два обстоятельства имѣютъ большую важность, и поэтому необходимо разсмотрѣть, на сколько они вѣрны. Что касается опытности врача-эксперта, то обыкновенно или предсѣдатель суда, или прокуроръ, или защитникъ подсудимаго, спрашиваютъ врача-эксперта: наблюдалъ ли онъ когда нибудь случай, подобный тому, по какому онъ передаетъ экспертизу, и если врачъ отвѣтитъ, что не наблюдалъ, то его показаніе теряетъ судебное значеніе, такъ-что иногда онъ устраняется судомъ совершенно изъ ряда экспертовъ (3). Этотъ взглядъ юристовъ на опытность врача не совсемъ основателенъ. Есть разнаго рода опытность: 1) Опытность врача въ производствѣ изслѣдованія; эта опытность пріобрѣтается въ школѣ, по госпиталямъ и въ секціонныхъ залахъ, если врачъ состоитъ въ должности, требующей отъ него тщательности и научной строгости наблюденія при исполненіи его обязанностей; — 2) опытность практическаго врача, пользующагося извѣстностью по своей спеціальности; — 3) опытность спеціалистовъ по своему спеціальному предмету. Эти три рода опытности имѣютъ совершенно различное значеніе въ судебномъ отношеніи. Первый родъ относится къ малой посылкѣ силлогизма суд.-медиц. экспертизы; второй, главнымъ образомъ къ большой; а третій къ обѣимъ вмѣстѣ. — Нѣтъ сомнѣнія, что опытный спеціалистъ будетъ въ состояніи доставить болѣе-достовѣрную экспертизу по предмѣту своей спеціальности, чѣмъ другой врачъ неспеціалистъ, въ особенности тогда, когда эта

---

(1) Elwell l. c. стр. 247. 588. (5).

(2) Elwell. l. c. стр. 329.

Миттермаіеръ: Gerichtssaal 1860, стр. 413. 1861. стр. 162. 183.

Касперъ, l. c. II. T. стр. 250.

(3) Elwell l. c. стр. 568. 6. 284.

спеціальность относится къ предметамъ болѣе тѣснымъ и рѣзко отличающимся отъ другихъ, какъ напр. умопомѣшательство, накожныя сыпи, сифилисъ, нервныя болѣзни и т. д., но единственно подъ условіемъ, что спеціалистъ производитъ свои наблюденія на научныхъ началахъ, а не „по практическому такту," и основываетъ свой діагнозъ не на „опытномъ глазѣ своемъ," какъ предполагаетъ Миттермаіеръ (1), и другіе а на научныхъ результатахъ наблюденій и изслѣдованій многихъ лицъ. Опытность и тщательность изслѣдованія молодаго, начинающаго, врача доставитъ непремѣнно болѣе-точные и достовѣрные результаты, нежели глазъ или палецъ стараго врача, который опредѣляетъ состояніе больнаго „по практическому такту," а не на основаніи строгаго, по объективному методу произведеннаго, изслѣдованія признаковъ (2). Притомъ самый опытный спеціалистъ подвергается очень часто ошибкѣ, если онъ по незнанію Суд.-Медицины на практикѣ, не обращаетъ вниманія на требованія и цѣли судебнаго дѣла. Юристы подвергаются столь опасной и вредной для правосудія ошибкѣ въ этомъ отношеніи потому, что они не обращаютъ надлежащаго вниманія на слѣдующія обстоятельства, которыя имъ, повидимому, неизвѣстны; а именно:

1) Что опытность одного лица, какъ велика бы она ни была, не замѣнитъ никогда совокупной вѣковой опытности многихъ лицъ, выработавшей научныя начала; если, поэтому, опытный практическій врачъ не въ состояніи основать результаты своего изслѣдованія на научныхъ началахъ, то его экспертиза ни къ чему не годится, такъ-какъ никто не въ состояніи провѣрить ее, или рѣшить споръ, если найдется другой

---

(1) Миттермаіеръ Gerichtssaal 1861 стр. 187.
Владимировъ l. c. стр. 45. 46.
Elwell l. c. стр. 275. 2 277.

(2) Архивъ Судебн. Медиц. 1761 Декабрь случай Логвиненко.

опытный врачъ, который, относительно того же самого предмета, обнаружитъ совершенно противоположное мнѣніе, какъ это и случается ежедневно въ судебныхъ засѣданіяхъ. Судебная Медицина знаетъ много случаевъ, когда, напр., самый опытный акушеръ, по практическому своему такту, нашелъ беременность женщины, гдѣ ея не было, а въ другомъ случаѣ отрицалъ ее и опредѣлилъ другія болѣзни, а между тѣмъ оказалось въ послѣдствіи, что беременность дѣйствительно существовала.

2) Что нѣтъ ни одной болѣзни, которая представляла бы, во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ условіяхъ, одну и ту же картину болѣзненныхъ явленій, или, чтобы эта картина явленій имѣла всегда одно и тоже значеніе, относительно производящей ихъ причины. Поэтому встрѣчается очень часто, что опытнѣйшему врачу незнакома извѣстная форма извѣстнаго болѣзненнаго процесса, въ другихъ формахъ ему очень хорошо знакомаго, такъ-что онъ неизбѣжно подвергается ошибкѣ, если основывается въ этомъ отношеніи исключительно на собственномъ опытѣ и не обращаетъ надлежащаго вниманія на опыты по этому предмету другихъ.

3) Что нѣтъ ни одного практическаго врача, который зналъ бы всѣ болѣзни по собственному опыту, въ особенности происходящія отъ отравленія. Слѣдовательно, еслибы, согласно требованіямъ юристовъ, экспертизу въ подобныхъ случаяхъ, именно въ случаяхъ отравленія, могли составлять только тѣ эксперты, которые, по собственному опыту, знакомы съ явленіями и съ ходомъ болѣзни или отравленія извѣстнымъ веществомъ, то судъ подвергся бы опасности, по неимѣнію опытнаго эксперта въ этомъ отношеніи, лишиться всякой возможности убѣдиться въ существованіи этой болѣзни или отравленія, въ-особенности, если это отравленіе послѣдовало посредствомъ веществъ, употребленныхъ въ первый разъ съ этою цѣлью.

4) Что единственный способъ избѣжать ошибки при опре-

дѣленіи болѣзненнаго состоянія, есть примѣненіе объективнаго метода къ изслѣдованію, котораго ни „опытный глазъ,“ ни „практическій тактъ“ замѣнить не въ силахъ. Даже и въ случаяхъ, въ которыхъ эксперту приходится разслѣдовать неизвѣстное ему по опыту состояніе, надлежащее употребленіе этого метода ведетъ несомнѣнно въ точному и опредѣленному результату, путемъ сравненія и исключенія; между тѣмъ, практическій врачъ, руководящійся единственно собственнымъ опытомъ, въ подобныхъ случаяхъ, или не достигаетъ совсѣмъ своей цѣли, или же подвергается неизбѣжно ошибкѣ. Судъ, предпочитая опытность врача по данной спеціальности, т. е. частное, личное свѣдѣніе, общимъ, объективнымъ, провѣреннымъ наукою началамъ, устраняетъ самъ твердыя основанія точности и достовѣрности судебно - медицинской экспертизы, въ пользу шаткихъ, субъективныхъ, непровѣряемыхъ основаній личныхъ свойствъ одного лица, и уничтожая достоинство научной экспертизы, унижаетъ ее, сравнивая съ экспертизою свѣдущихъ людей по искусству, ремесламъ и т. д., причиняя большой вредъ самому судебному дѣлу. Что же касается *втораго* изъ выше приведенныхъ обстоятельствъ, т. е. того, чтобы врачъ-экспертъ подкрѣплялъ свои заключенія приведеніемъ соотвѣтственнаго мнѣнія знаменитыхъ по данному дѣлу авторовъ, то и это требованіе юристовъ неосновательно и болѣе вредно, чѣмъ полезно для суд. дѣла, такъ какъ, съ прогрессомъ науки, и судебно-медицинскія научныя начала, дѣлаются болѣе точными и опредѣленными; мнѣнія ученыхъ относительно извѣстныхъ началъ, научныя основанія которыхъ не разслѣдованы еще со всею точностью и опредѣлительностью, весьма различны, такъ-что два эксперта, представляющіе на судѣ противоположныя заключенія, могутъ привести въ ихъ пользу соотвѣтственныя мнѣнія самыхъ знаменитыхъ ученыхъ по этому предмету. Но истина не всегда на сторонѣ болѣе-извѣстнаго лица. Самымъ лучшимъ примѣромъ служитъ спо́ръ *Вальда* съ *Касперомъ*, отно-

сительно суд.-медиц. значенія жидкости въ желудкѣ и въ дыхательномъ горлѣ въ случаѣ утопленія; — который былъ окончательно рѣшенъ Лиманомъ, производившимъ свое научное изслѣдованіе подъ руководствомъ Каспера, въ пользу мнѣнія Вальда (1). Впрочемъ, какимъ образомъ судья, не имѣющій надлежащихъ свѣдѣній, въ состояніи рѣшить, какое изъ мнѣній вѣрнѣе и соотвѣтственно вообще уровню научнаго прогресса? Какую-жъ, поэтому, пользу можетъ имѣть для суда приведеніе авторитета по данному вопросу, которое не въ состояніи ничего доказать?

Съ составленіемъ заключенія, суд.-мед. экспертиза въ нашемъ смыслѣ окончена. Спрашивается теперь, *какое ея достоинство? какая доказательная сила передъ судомъ?* На это мы отвѣчаемъ, что достоинство, доказательную силу суд.-мед. экспертизы составляютъ не столько обще-научныя медицинскія начала, а главнымъ образомъ то, что она представляетъ *правильный логическій силлогизмъ*, отличающійся, во всѣхъ составныхъ частяхъ своихъ, *совершенною объективностью*. Какъ совершенный логическій силлогизмъ, экспертиза не встрѣчаетъ другой силы, могущей опровергнуть ея заключенія въ данное время. Если, напр., она докажетъ, что въ извѣстномъ случаѣ, смерть насильственна, что она есть послѣдствіе извѣстной раны, или извѣстнаго поврежденія, или что существуетъ умопомѣшательство, то нѣтъ никакихъ доказательствъ другаго рода, которые были бы въ состояніи опровергнуть эти положенія, и доказать, что въ томъ же случаѣ была смерть естественная или происшедшая не отъ приведеннаго поврежденія, или же что умопомѣшательство не существуетъ. Оспорить это положеніе другимъ путемъ, кромѣ медицинскаго, нѣтъ возможности; а если посылки силлогизма

---

(1) Вальдъ l. c. стр. 1 Вл. стр. 183, Liman Casp. Vrjl. jahres. 1862 II 2.

вполнѣ-вѣрны, то и медицинскій путь не приведетъ ни къ чему. Слѣдовательно, основаніе достоинства суд.-мед. экспертизы, составляетъ та же самая, могущественная, обще убѣдительная логическія сила, которая обусловливаетъ все мышленіе человѣка, всю умственную дѣятельность его вообще, которая по существу своему, превышаетъ всѣ прочіе роды доказательныхъ средствъ, какъ напр. авторитетъ, показанія посторонннхъ лицъ и пр., которыя она сама, напротивъ, повѣряетъ.

Юристы, оспоривающіе это столь высокое достоинство суд.-медиц. экспертизы, направляютъ главнымъ образомъ свои стремленія къ тому, чтобы опровергнуть объективность ея,—это главное ея основаніе. Главный ихъ мотивъ, по указаніямъ Владимірова (1), слѣдующій: что при составленіи экспертизы „смѣшивается то, что было дѣйствительно видѣно, съ тѣмъ, что составляетъ.... выводъ изъ видѣннаго“ по слѣдующимъ причинамъ: a) „что наблюдая какое-нибуть явленіе, мы сей часъ подводимъ ето подъ извѣстный типъ явленій, намъ извѣстныхъ. Мы квалифицируемъ то, что видимъ,... квалификація явленій есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ различныхъ ошибокъ“ b) „что медикъ, прежде чѣмъ станетъ описывать рану, составитъ себѣ о ней какое-нибудь убѣжденіе. Но коль скоро такое убѣжденіе уже есть, оно существенно будетъ вліять на пониманіе медиковъ отдѣльныхъ частей явленія — и вотъ опять цѣлый рядъ смѣшеній видѣннаго съ выводимымъ“; — c) „..что медикъ приступаетъ къ изслѣдованію съ опредѣленною цѣлью разъяснить извѣстное. Коль-скоро изслѣдованіе имѣетъ опредѣленную цѣль, оно уже не можетъ быть такимъ объективнымъ, какъ наблюденіе напр. свидѣтеля....“; — d) что всякое научное наблюденіе субъективно. Какъ бы мы ни хотѣли быть объективными, — отдѣлаться отъ себя, отъ своего я и отъ

---

(1) Владиміровъ, l. c. стр. 31, 33, 34, 34, 36.
Эстерлинъ: Medizinische Logik стр. 273, 274,

своихъ цѣлей мы не можемъ. Цѣль изслѣдованія лишаетъ объективности. Мы очень склонны быстро схватывать то, что годно для нашихъ цѣлей и мгновенно слѣпнуть, когда намъ попадаются противорѣчащіе факты... Словомъ, научное наблюденіе подвержено вліянію всѣхъ индивидуальныхъ особенностей наблюдателя"... — e) что „въ медицинѣ шаткость наблюденія усиливается еще и отъ того, что оно встрѣчаетъ много препятствій..."—f) что, „наконецъ, въ медицинѣ, какъ ни въ одной другой наукѣ, очень мало несомнительныхъ истинъ"... Мы не намѣреваемся вмѣнять г. Владимірову въ вину, что всѣ эти возраженія, вмѣстѣ съ приведенными въ этой статьѣ цитатами различныхъ знаменитыхъ авторовъ, и вообще все, что въ его сочиненіи относится къ опредѣленію свойствъ наблюденія, составляетъ просто сокращенное извлеченіе изъ сочиненія Эстерлена (1), мнѣнія котораго онъ отъ части приводитъ слово въ слово, отъ части же излагаетъ своими словами; — именно, извлеченіе изъ одной главы этого сочиненія, подъ заглавіемъ: Наблюденіе и опытъ (Beobachtung und Experiment); нѣтъ никакого сомнѣнія, что все, что тутъ говорится, основательно, и согласно съ положеніями Ст. Милля въ его Логикѣ. Однако-же мы позволяемъ замѣтить, что г. Владимировъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣрно понялъ Эстерлена. Этотъ авторъ, говоря о наблюденіи, имѣлъ въ виду не медицинское наблюденіе исключительно, а всякое наблюденіе вообще и медицинское наблюденіе, какъ часть этого общаго наблюденія, но направленнаго къ пріобрѣтенію новыхъ научныхъ началъ по медицинѣ или провѣркѣ прежнихъ;—наблюденіе, имѣющее цѣлью разслѣдовать и испытать свойства извѣстныхъ явленій, равно какъ и законовъ, управляющихъ ихъ происхожденіемъ,— но не наблюденіе, которое есть просто примѣненіе извѣстныхъ, опредѣленныхъ пра-

(1) Эстерленъ; Medizinische Logik. Tübingen, стр. 270 и слѣд.

вилъ и наставленій къ разслѣдованію и опредѣленію свойствъ и состоянія даннаго предмета,— въ чемъ и состоитъ вся задача суд.-медиц. экспертизы. Если врачъ-экспертъ производитъ изслѣдованіе, то единственно для того, чтобы разъяснить тѣ свойства извѣстныхъ явленій, точное описаніе которыхъ, для уясненія дѣла и для окончательнаго вывода, непремѣнно нужны. Дѣйствіе его, при этомъ, прежде всего описательное. Что нашъ взглядъ на это дѣло дѣйствительно вѣренъ, доказываетъ не только общая идея сочиненія Эстерлена, но между прочимъ и слѣдующее: Разобравъ всѣ условія составленія точныхъ и опредѣленныхъ понятій и наблюденій, онъ прибавляетъ (стр. 280); „....Поэтому мы понимаемъ совершенно, отчего наблюденіе, производимое при вышеупомянутыхъ условіяхъ, встрѣчаетъ, во всякой области жизни вообще, и въ частности— въ области врачебной дѣятельности, несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ нпр. въ области физико-химическаго наблюденія, тѣмъ болѣе еще въ области изслѣдованій анатома, вообще описательныхъ естественныхъ наукъ!“ и разсмотрѣвъ различныя причины по которымъ наблюденіе и опытъ и въ медицинѣ останутся еще долгое время болѣе субъективны, чѣмъ объективны, прибавляетъ: (стр. 285) „Это уже вытекаетъ изъ самаго существа дѣла, что здѣсь (въ медицинѣ вообще) наблюденіе и воспринятіе зависятъ несравненно болѣе отъ нашего внутренняго, душевнаго я, чѣмъ нпр., наблюденіе и воспринятіе химика или физика....“

Эти выписки доказываютъ, по нашему мнѣнію, убѣдительно, что Эстерленъ отличаетъ описательныя науки, къ которымъ причисляется и Анатомія, довольно рѣзко и положительно отъ тѣхъ медицинскихъ наукъ, въ наблюденіи которыхъ преобладаетъ субъективный элементъ. А такъ-какъ дѣйствіе суд. врача, при производствѣ изслѣдованія на мертвыхъ, совершенно сходно съ дѣйствіемъ анатома, и основывается существенно на анатоміи, то изъ этого слѣдуетъ, что и суд.-медиц.

наблюденіе т. е. изслѣдованіе, относится къ тому же самому роду объективнаго наблюденія, которое свойственно химику, физику и анатому. Поэтому намъ кажется, что выше приведенный взглядъ г. Владимірова не совсѣмъ вѣренъ. Когда, напр., онъ говоритъ (стр. 125), что медикъ „прежде чѣмъ станетъ описывать рану, составитъ себѣ о ней какое нибудь убѣжденіе“ и что вслѣдствіе того послѣдуетъ „смѣшеніе видѣннаго съ выводимымъ,“ то трудно не замѣтить, что это положеніе заключаетъ въ себѣ нѣкоторое противорочіе. Прежде чѣмъ медикъ въ состояніи описать рану, онъ долженъ изслѣдовать ее, и дѣйствительно, трудно понять, какъ можно это сдѣлать другимъ образомъ; съ другой стороны, мнѣніе свое объ этой ранѣ составляетъ врачъ на основаніи собственнаго изслѣдованія, а не описанія; поэтому какимъ же образомъ описаніе раны можетъ быть поводомъ „смѣшенія видѣннаго съ выводимымъ?“ Не болѣе точнымъ представляется и то положеніе г. В.л. (стр. 34), „что медикъ приступаетъ къ изслѣдованію съ опредѣленною цѣлью, и коль скоро изслѣдованіе имѣетъ опредѣленную цѣль, оно уже не можетъ быть такимъ объективнымъ, какъ наблюденіе, напр. свидѣтеля.“ По нашему мнѣнію и по словамъ Милля и Эстерлена о наблюденіи вообще, никакое наблюденіе невозможно, если нѣтъ намѣренія что-нибудь замѣтить. Внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на органы чувствъ и производятъ на нихъ впечатлѣнія, которыя превращаются въ умѣ въ соображенія, но только тогда, когда умъ въ состояніи воспринять эти впечатлѣнія и обращаетъ вниманіе на нихъ. Если свидѣтель наблюдаетъ какое либо событіе, то для того, чтобы быть въ состояніи что-нибудь замѣтить, онъ долженъ непремѣнно сосредоточить все свое вниманіе въ этомъ направленіи, и съ цѣлью, узнать все, что совершается,— иначе онъ не замѣтитъ многаго. Тоже самое случается и при судебно-медицинскомъ наблюденіи. Медикъ-экспертъ не приступаетъ къ своему наблюденію съ предварительно-опредѣленною цѣлью—

открыть, напр., тотъ или другой родъ смерти. Онъ приступаетъ къ изслѣдованію съ тою о б щ е ю цѣлью, чтобъ разсмотрѣть, е́сть л и какіе нибудь слѣды и к а к і е именно, по к о т о р ы м ъ онъ былъ бы въ состояніи составить себѣ понятіе о причинѣ смерти, тогда какъ свидѣтель обращаетъ свое вниманіе на какое-нибудь событіе для того только, чтобы узнать его причину и сопровождающія его обстоятельства. А если иногда врачи эксперты до того не дальновидны и невнимательны, что увлекаясь разсказами посторонннхъ лицъ о причинахъ и родѣ смерти, приступаютъ къ разслѣдованію дѣла съ извѣстными предубѣжденіями, то этимъ они доказываютъ только то, что не пользуются вовсе надлежащими свойствами для производства суд.-мед. экспертизы, но вовсе не доказываютъ того, что при произведеніи суд.-мед. изслѣдованія на трупѣ, предубѣжденія относительно причины и рода смерти, необходимы и неизбѣжны. Равнымъ образомъ, не перемѣняетъ вовсе сущности акта наблюденія и то обстоятельство, что при судебно-медицинскомъ наблюденіи, для воспринятія извѣстныхъ явленій, необходимы извѣстныя спеціальныя свѣдѣнія. Подобно тому, какъ напр. зрительная труба въ рукахъ простаго наблюдателя, которая помогаетъ ему болѣе и точнѣе видѣть наблюдаемый предметъ, чѣмъ другой собственными только глазами, не перемѣняетъ вовсе сущности акта свидѣтельскаго наблюденія, которое производится иногда не однимъ только, но нѣсколькими внѣшними чувствами вмѣстѣ: и зрѣніемъ, и обоняніемъ, и осязаніемъ и т. д.,— и спеціальныя свѣдѣнія медика-эксперта, составляющія, по сущности своей, только зрительную трубу въ рукахъ его, такъ сказать-шестое чувство, способствующее единственно усиленію точности, отчетливости, положительности наблюденія, не въ состояніи перемѣнить сущности наблюденія. Г. Вл. разумѣетъ невѣрно роль врача-эксперта. Задача его не состоитъ въ томъ, чтобы н е п р е м ѣ н н о, н е и з б ѣ ж н о открыть какую-либо особенную, напередъ-опредѣленную, причину смерти, а толь-

ко въ томъ, чтобы изслѣдовать, ест-ли какіе нибудь слѣды, какіе нибудь признаки, по которымъ можно бы узнать причину смерти, или же какое нибудь другое обстоятельство судебнаго дѣла. Это очень важная разница, ибо послѣдняя задача, которую постоянно долженъ имѣть ввиду врачъ-экспертъ, совершенно гарантируетъ полную объективность наблюденія. Мы не намѣрены опровергать того мнѣнія, что, при изслѣдованіи и наблюденіи съ цѣлью пріобрѣтенія новыхъ научныхъ началъ, довольно трудно сохранить безпристрастіе и равнодушіе; самъ г. Владиміровъ, будто бы нарочно, представляетъ лучшее тому доказательство: стремленіе опровергнуть возможность объективности наблюденія, при производствѣ суд.-медиц. экспертизы, приводитъ его самаго къ извращенію смысла словъ иностранныхъ авторовъ; мы подтверждаемъ это выпискою первоначальнаго текста тѣхъ положеній Эстерлена, на которыхъ г. Владиміровъ опираетъ свое мнѣніе (1). Но у насъ есть и доказательства, положительно указывающія на возможность полной объективности суд.-медиц. наблюденія на мертвыхъ; эти доказательства мы привели выше, при разсмотрѣніи метода и

---

1) Эстерленъ I. c. стр. 285: „Wir meinen wohl so gerne, unbefangen genug und ohne Vorurtheil an die Beobachtung zu gehen, vielleicht weil wir uns bewusst sind, nichts nach blossem Gutdünken, nach Willkühr und a priori beweisen oder widerlegen zu wollen. Wir halten uns an unsere feste und ehrliche Absicht, die Dinge und all die Erscheinungen vor uns gerade nur so sehen und auffassen zu wollen, wie sie sind, nicht wie wir sie etwa finden möchten. Zudem mag sich einer ganz und gar uninteressirt fühlen am Resultat seiner Beobachtung, und weil es ihm nahezu gleichgültig scheinen mag, ob dasselbe so oder so, ob bejahend oder verneinend sogar für seine eigene Ansicht ausfällt, hält er sich vielleicht für gesichert genug gegen alle jene Gefahren. Und doch kann gerade dieses sein Sicherheitsgefühl — scheinbar so motivirt in seinen Augen, die Richtigkeit der ganzen Beobachtung aufs Spiel setzen. *Ja in gewisser Hinsicht* ist es *fast abgeschmackt* zu meinen (странно даже думать, перев. г. Вдад. стр. 35), man könne sich seines *Vorurtheils* ganz und gar entschlagen (отдѣлатся отъ всего субъективнаго,—п. г. В.). und jetzt ohne solches, also ohne seine Vorstellungen, seine Begriffe von früher, und ohne alle Tendenz an die Beobachtung gehen. Diess ist etwa wie wenn sich einer seine Augen wegnehmen woll-

протокола изслѣдованія. Притомъ, если бы возраженіе г. Вл. было вполнѣ вѣрно, то всякій научный прогресъ былъ бы невозможенъ.

Стремленіе г. Вл. опровергнуть объективность суд.-медиц. наблюденія до того усердно, что онъ, приводя наставленія

---

te, um jetzt zuzusehen, wie er ohne seine Augen sehen mag. Unendlich besser hat auch dieses schon Bacon gewusst. „Intellectus humanus" sagt er „luminis sicci non est, sed recipit infu-sionem a voluntate et affectibus. Quid enim mavult homo verum esse, id potius credit." Selbst jener scheinbar so vorurtheilslose, unbefangene Beobachter (самый безпристрастный наблюдатель п. г. Вл.) verfolgt eben weiterhin doch wie jeder Andere irgend ein Ziel, denn seiner Beobachtung liegt doch sicherlich diese oder jene Absicht zu Grunde. Wir wollen und müssen dabei irgend eine Frage zu lösen, das Vorhandensein oder die Abwesenheit gewisser Erscheinungen und Dinge festzustellen suchen *sonst würden wir uns überhaupt an gar keine Beobachtung, keine Forschung machen.* (иначе вѣдь это вовсе не будетъ изслѣдованіемъ, наблюденіемъ, пер. г. Вл.)" Слѣдующія замѣчанія Эстерлена г. Вл. совсѣмъ пропускаетъ: „So will z B. der Artzt aus dem ganzen Complex von Erscheinungen, die er an einem Kranken beobachtet, auf dessen eigentlichen Zustand, auf seine Krankhait,—also auf die Bedingungen, auf den ursächlichen Zusammenhang all jener Erscheinungen schliessen. Er will und muss die Rolle dieser oder jener Vorgänge, dieser oder jener Umstände dabei beurtheilen, über die Wirkungen schädlicher Einflüsse und Lebensverhältnisse, wie ueber diejenigen seiner angewandten Mittel, seiner Behandlungsweise, ein gewisses Verständniss zu erhalten suchen. Wesentlich dasselbe gilt wieder für die Beobachtungen des Physiologen. Und gerade nur dadurch, dass wir einen *solchen Zweck* bei unserer Beobachtung verfolgen, erhält sogar wiederum unser Blick selbst die nöthige Schärfe, wird die Aufmerksamkeit auf so mancherlei Erscheinungen und Dinge hingelenkt, fixirt, die uns sonst vielleicht entgangen wären, schon aus Mangel an Interesse dafür. Auch brächte dieses unser *Verfolgen eines bestimten Zweckes wenig oder gar keine Gefahr für die Richtigkeit und Unpartheilichkeit der Beobachtung, sobald nur die zu beobachtenden Dinge einfach und klar genug sind, auch keiner ganz verschiedenen Auffassung oder Deutung fähig; wenn sie uns in ihren Bedingungen und Wirkungen, in ihren Beziehungen zu einander, wie zu andern bereits mehr oder weniger bekannt geworden, oder wenn jetzt im vorliegenden Fall nur etwa ein neues Phänomen und Ereigniss, ein weiterer wenn auch räthselhafter Umstand im Kreise von längs Bekanntem uns entgegentritt.*" Мы очень сожалѣемъ, что г. Владимировъ не счелъ нужнымъ обратить болѣе тщательное вниманіе на эти послѣднія слова Эстерлена; онъ убѣдился бы, что есть дѣйствительно условія,

Шауенштейна (1), относящіяся къ составленію протокола, и сходныхъ вообще съ тѣми, какія мы представили выше, прибавляетъ: „Совѣтъ очень хорошъ. Но дѣло въ томъ, что онъ все-таки не болѣе какъ pium desiderium. Положимъ, медикъ не напишетъ „порѣзанная рана," а будетъ описывать ея признаки. Что же? при описаніи этихъ отдѣльныхъ признаковъ, медикъ не можетъ уже сдѣлать той ошибки, отъ которой его старается предостеречь и охранить Шауенштейнъ? Развѣ при описаніи отдѣльныхъ частей раны, или ея признаковъ, медикъ уже совсѣмъ гарантированъ отъ смѣшенія виденнаго съ выводимымъ? Всякій согласится, что медикъ, прежде чѣмъ станетъ описывать рану, составитъ себѣ о ней какое-нибудь убѣжденіе." и т. д. Что же эти возраженія доказываютъ? Развѣ г. Вл. думаетъ, что свидѣтель не „смѣшиваетъ никогда виденнаго съ выводимымъ?" Положимъ, онъ видитъ, что извѣстное лицо нанесло ударъ какому нибудь другому лицу, которое послѣ этого удара упало на полъ и умерло; не скажетъ ли въ такомъ случаѣ свидѣтель, что онъ видѣлъ, какъ *A* убилъ *B*? Между тѣмъ, смерть могла послѣдовать по совершенно другимъ причинамъ (1). Вальдъ (2) разсказываетъ въ этомъ отношеніи разные любопытные случаи, и между прочимъ объ ученикѣ, ко-

---

въ которыхъ медицинское наблюденіе можно произвести объективно, а разсматривая болѣе объективно условія произведенія суд.-медиц. экспертизы, онъ пришелъ бы къ тому-же самому заключенію, что и мы, т. е. что она въ сущности своей представляетъ свойства объективнаго наблюденія, потому что она представляетъ только примѣненіе опредѣленныхъ наставленій и методовъ къ разсмотрѣнію внѣшнихъ и внѣшними чувствами, даже неопытнымъ глазомъ несвѣдущаго лица, замѣчаемыхъ свойствъ извѣстныхъ явленій, значеніе которыхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи, т. е. какъ въ отношеніи къ опредѣленію самаго явленія, такъ и къ опредѣленію значенія этого явленія, для рѣшенія судебнаго дѣла, опредѣляетъ наука Суд. Медицины.

(1) Шауенштейнъ: Суд Медицина стр. 37. Владиміровъ I с. 32.

(1) Elwell. I. c. стр. 368.

(2) Elwell. I. c. стр. 80—106.

торый былъ учителемъ наказанъ розгами и послѣ того умеръ. Учитель подвергся суд. слѣдствію: при вскрытіи мальчика оказалось, что онъ умеръ отъ другихъ причинъ. Второй случай не менѣе любопытный: „Одинъ столяръ въ Кенигсбергѣ ударилъ своего ученика нѣсколько разъ рейкою въ присутствіи трехъ свидѣтелей. Мальчикъ заболѣлъ по истеченіи нѣсколькихъ дней, и свидѣтели показали, что причиною этой болѣзни были удары, нанесенные мастеромъ, такъ какъ больной жаловался сейчасъ послѣ того на боль головы, головокруженіе, шумъ въ ушахъ и т. д.“ Между-тѣмъ, оказалось, что совсѣмъ другія причины были поводомъ этой болѣзни.

Подобныхъ случаевъ, въ которыхъ свидѣтели „смѣшиваютъ видѣнное съ выводимымъ“ въ суд.-медиц. литературѣ встрѣчается значительное количество. У меня есть въ рукахъ извлеченіе изъ судебныхъ актовъ Варшавскаго уголовнаго суда, относящееся къ судебному дѣлу объ убійствѣ одного крестьянина, который, заболѣвъ вслѣдствіе поврежденій, нанесенныхъ ему во время драки съ другими крестьянами, привезенъ былъ въ сельское управленіе и, принесенный въ комнату управленія, умеръ. При вскрытіи оказалось раздробленіе черепа;— надлежало разслѣдовать, нанесено ли было — это поврежденіе при дракѣ, какъ показывали одни свидѣтели, или же при перенесеніи больнаго изъ повозки въ комнату управленія и брошеніи его на полъ, какъ утверждали другіе? Впрочемъ, и ежедневный опытъ убѣждаетъ во всѣхъ странахъ, что на судѣ передаются свидѣтелями, объ одномъ и томъ же предметѣ, противоположныя показанія, основанныя не на лжи и обманѣ, какъ г. Владиміровъ предполагаетъ (1), а на субъективномъ убѣжденіи свидѣтеля, который, безъ сомнѣнія, „человѣка за воробья не возьметъ“, но все-таки можетъ легко ошибаться при

(1) Владиміровъ I. c. стр. 111.

наблюденіи чертъ лица, осанки, платья, и пр., и при оцѣнкѣ различныхъ другихъ обстоятельствъ судебнаго дѣла (1), такъ-что судья принужденъ добиваться истины изъ соображенія показаній многихъ свидѣтелей, — да и по логическимъ законамъ, какъ приведенныя въ выноскѣ слова Эстрлена убѣдительно разъясняютъ,—во всякомъ наблюденіи, даже и въ самомъ обыкновенномъ, дѣйствуетъ неизбѣжно субъективность свидѣтеля. Свидѣтельское показаніе образованнаго лица будетъ всегда отличаться, по своей отчетливости, опредѣлительности и полнотѣ, отъ показанія менѣе образованнаго, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ наблюденія. Поэтому мы не станемъ отрицать того положенія, что всякое наблюденіе какъ изслѣдователя, такъ и свидѣтеля, до извѣстной степени есть субъективное, зависящее существенно отъ воспріимчивости ума: но только съ психологической точки зрѣнія. Однако же не въ томъ дѣло а въ томъ, нѣтъ ли способовъ устранить это вліяніе субъективности изслѣдователя на наблюденіе? На это мы должны отвѣтить положительно, что есть, (хотя до сихъ поръ и не для всѣхъ родовъ наблюденія), на что, однакоже, противники объективности суд.-мед. наблюденія не обращаютъ вовсе вниманія. Это средство, какъ мы уже выше показали, составляетъ повѣрка наблюденія одпаго наблюдателя опытовъ и наблюденіями многихъ другихъ наблюдателей. Когда есть большое число наблюденій, относящихся къ одному и тому же предмету, тогда обнаруживаются вліянія субъективности различныхъ наблюдателей, и пріобрѣтается такимъ образомъ возможность устраненія всѣхъ этихъ вліяній, такъ-что остается только истинный результатъ наблюденія, совершенно объективное начало. Теоретическая Судебная Медицина отличается именно началами этого рода. Что же касается до изслѣдованія врачемъ-экспертомъ по дан-

---

(1) Миттермаіеръ Lehre v. Beweise. стр. 290.

ному судебному случаю, то это изслѣдованіе не принадлежитъ вовсе къ тѣмъ, о которыхъ говоритъ Эстерленъ или Миллъ въ своей Логикѣ. Въ каждомъ изслѣдованіи врача-эксперта имѣется опредѣленная цѣль, которую ему указываетъ наука, а не предположеніе самаго эксперта, которое онъ вознамѣрился подтвердить своимъ изслѣдованіемъ: — имѣются хорошо извѣстные методы изслѣдованія, достоинство которыхъ, для достиженія этой цѣли, со всею точностью провѣрено, и которые предписаны закономъ, по крайней мѣрѣ при изслѣдованіи на мертвыхъ,—такъ-что врачъ-экспертъ является въ дѣйствительности въ положеніи химика, производящаго свой анализъ для разслѣдованія неизвѣстнаго вещества, или геолога, производящаго изслѣдованіе для разпознанія постройки почвы — или горъ, но вовсе не въ положеніи физіолога, изслѣдующаго законы различныхъ явленій. При судебно-медицинскомъ изслѣдованіи, преимущественно на мертвыхъ, вліяніе субъективныхъ свойствъ наблюдателя устранено почти совершенно; если-же по какимъ-либо внѣшнимъ причинамъ и встрѣчаются ошибки, то они ни въ чемъ не измѣняютъ существеннаго достоинства суд.-мед. экспертизы. Чтоже, напр., сказали бы юристы, если-бы общество, на основаніи того обстоятельства, что свидѣтельскія показанія иногда столь противорѣчивы, и что нерѣдко приговоръ суда бываетъ невѣренъ, наказывая невиннаго,—оправдывая виновнаго-сдѣлало заключеніе, что всѣ сѣдебныя институціи не имѣютъ для него большаго достоинства, что они несправедливы, т. е. не объективны а субъективны и увлекаются личными взглядами? Наше дѣло — разсматривать естественныя, правильныя основанія достоинства суд.-мед. экспертизы, обращая въ тоже время надлежащее вниманіе и на постороннія причины и условія, могущія нарушить эту правильность, и на обдуманіе надлежащихъ средствъ для устраненія этихъ причинъ и условій, или, по крайней мѣрѣ, вредныхъ послѣдствій ихъ дѣйствія.

Что касается внѣшнихъ препятствій, которыя встрѣчаетъ иногда суд.-мед. наблюденіе, то возраженіе г. Владимірова и въ этомъ отношеніи, кажется намъ, не совсѣмъ справедливымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что суд.-мед. изслѣдованіе встрѣчаетъ иногда много препятствій. По каковы бы ни были эти препятствія, за исключеніемъ невѣжества изслѣдователя, они только ставятъ врача-эксперта въ невожможность надлежащаго рѣшенія медицинско-судебныхъ вопросовъ, но еще не доказываютъ ошибочности самого наблюденія. Если, напр., послѣдовала высшая степень разрушенія тѣла умершаго, или если, по неимѣнію надлежащихъ орудій для вскрытія позвоночнаго столба и для разслѣдованія спиннаго мозга, точное разслѣдованіе причины смерти дѣлается невозможнымъ, то въ такомъ случаѣ суд.-мед. экспертиза будетъ неудовлетворительна, но никакъ не потеряетъ вовсе своей объективности относительно тѣхъ явленій, которыя были разслѣдованы. И въ этомъ отношеніи Эстерленъ (l. c., стр. 465) замѣчаетъ слѣдующее: „Мы уже выше упомянули, что, и почему, злѣсь не можетъ быть и рѣчи объ ошибкахъ и заблужденіяхъ въ наблюденіи, происходящихъ отъ извѣстнаго недостатка нашихъ чувствъ или искуственныхъ снарядовъ, и тѣмъ болѣе еще о тѣхъ, которыя являются вслѣдствіе неловкости, небрежности и личныхъ недостатковъ вообще. Первыя представляютъ болѣе или менѣе неизбѣжные источники ошибокъ, которые, собственно говоря, нужно было бы вмѣнить въ вину наблюдаемымъ предметамъ и средствамъ наблюденія, а не наблюдателю. Прочихъ можно легко избѣгнуть, поэтому мы не станемъ объ нихъ и говорить, такъ какъ нужныя въ этомъ отношеніи наставленія — дѣло не логики, а отдѣльныхъ научныхъ отраслей. Напротивъ, болѣе важны для насъ тѣ виды заблужденія, которые составляютъ послѣдствіе другихъ пороковъ нашего наблюденія и зависятъ въ особенности отъ истолкованія наблюдаемаго...“ Намъ кажется, что эти слова извѣстнаго

спеціалиста, на котораго такъ часто ссылается г. В., болѣе чемъ достаточны для опроверженія вышеприведеннаго возраженія его.

Наконецъ что касается того возраженія, что въ медицинѣ, какъ ни въ одной другой наукѣ, очень мало „несомнѣнныхъ истинъ“ то это возраженіе не менѣе несостоятельно, какъ и прочія. Г. Владиміровъ не обращаетъ, повидимому, вниманія на то обстоятельство, что если по данному судебному случаю, большая посылка не представляетъ несомнѣнной научной истины, то заключеніе врача-эксперта будетъ не положительное, а отрицательное, или, по крайней мѣрѣ, сомнительное, представляющее суду полную свободу рѣшить вопросъ на основаніи собственнаго изслѣдованія инымъ путемъ; слѣдовательно, тогда не будетъ ни ошибки, ни „смѣшенія видѣннаго съ выводимымъ“ какъ это предполагаетъ г. Владиміровъ.

Намъ кажется, что приведенныя нами доказательства въ пользу объективности суд.-мед. экспертизы на мертвыхъ будутъ достаточны для опроверженія всѣхъ вышеприведенныхъ возраженій и для убѣжденія въ ихъ несостоятельности и неосновательности.

IV.

Разобравъ въ предъидущемъ довольно подробно вопросъ о существенныхъ основаніяхъ доказательной силы, т. е. достоинства суд.-медиц., экспертизы, въ особенности на мертвыхъ, намъ предстоитъ теперь разслѣдовать вопросъ о томъ: къ какому предмету судебнаго слѣдствія относится существенно суд.-медиц. экспертиза? Какимъ именно судебнымъ

цѣлямъ удовлетворяетъ она? Мы не станемъ, по примѣру нѣкоторыхъ юристовъ, разсматривать положеніе экспертизы на предварительномъ слѣдствіи и въ засѣданіи суда, такъ-какъ это касается только формальной стороны дѣла, процессуальнаго устройства экспертизы. Мы ставимъ въ основаніе настоящаго разбора, съ одной стороны, существенный предметъ суд.-медиц. изслѣдованія, а съ другой — тѣ предметы судебнаго слѣдствія, для разъясненія которыхъ, по теоріи юриспруденціи и по уголовнымъ законамъ, судья долженъ требовать суд.-мед. экспертизы. Согласно выше изложенному опредѣленію, предметъ суд.-медиц. изслѣдованія составляетъ исключительно человѣческій организмъ и отношенія къ нему посторонніхъ предметовъ и обстоятельствъ суд. дѣла. Что же касается до предметовъ судебнаго слѣдствія, то, по дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ, суд.-медиц. экспертиза требуется судомъ въ тѣхъ случаяхъ, 1) когда предметъ преступнаго дѣйствія составляетъ человѣческій организмъ (1); 2) когда для изъясненія причинъ преступнаго дѣйствія, или различныхъ обстоятельствъ судебнаго дѣла, необходимо опредѣленіе извѣстнаго состоянія организма извѣстнаго лица, напр. возраста, пола, тѣлосложенія, половой зрѣлости, беременности, общаго здоровья и пр., или же умственныхъ его способностей. Но такъ какъ изслѣдованіе сихъ послѣднихъ предметовъ, — за исключеніемъ умственнаго и душевнаго состоянія, — не представляетъ ни особыхъ препятствій и затрудненій, ни особой важности для суда, и они требуютъ болѣе освидѣтельствованія, чѣмъ особаго разслѣдованія, то мы не станемъ тѣмъ болѣе говорить о нихъ, что къ нимъ примѣнимы всѣ начала относящіяся до изслѣдованія человѣческаго организма, на которомъ совершено преступное

(1) Свод. Зак. Уст. уг. Суд. ст. 336.

дѣйствіе. Слѣдовательно, намъ предстоитъ разслѣдовать главнымъ образомъ два направленія судебнаго слѣдствія: одно касающееся разслѣдованія самого преступнаго дѣйствія и послѣдствій его въ отношеніи къ потерпѣвшему отъ него лицу;— и другое касающееся виновнаго, совершившаго это дѣйствіе — какъ къ причинѣ всего событія.

Что касается перваго направленія, то оно относится: 1) къ нанесенію ему смерти, — 2) къ нанесенію ему поврежденій, болѣе или менѣе опасныхъ для жизни, здоровья и цѣлесообразнаго состоянія организма; — 3) къ преступному злоупотребленію извѣстныхъ физіологическихъ отправленій организма, которое наноситъ потерпѣвшему отъ него лицу нравственный вредъ, составляющій, по уголовнымъ законамъ, преступленіе, и угрожающій даже иногда опасностью для жизни и здоровья потерпѣвшаго лица, какъ, напр. изнасилованіе, выкидышъ и пр. Эти три категоріи преступнаго дѣйствія представляютъ событіе преступленія или объективный составъ преступленія. Но разслѣдованіе событія преступленія хотя составляетъ, по мнѣнію большинства юристовъ (1), необходимое основаніе, но не цѣль всего судебнаго дѣйствія, которую составляютъ: открытіе виновнаго, уличеніе его въ совершеніи этого преступнаго дѣйствія, опредѣленіе преступленія по закону, и, наконецъ, вмѣненіе ему въ вину этого дѣйствія. Для удовлетворенія этимъ общимъ задачамъ судебнаго дѣйствія, надлежитъ обращать вниманіе на вышеприведенныя три категоріи преступнаго дѣйствія, такъ-какъ каждая изъ нихъ предполагаетъ особый родъ вопросовъ, обусловливающихъ по большей части особаго рода средства къ ихъ рѣшенію со стороны суда. Преимущественно средства, предпринимаемыя судомъ для рѣшенія вопросовъ,

---

(1) Владиміровъ l. c. стр. 73. Миттермаіеръ: Lehre vom Bew. стр. 184 Elwell l. c. стр. 270.

касающихся причиненія смерти, весма отличаются отъ средствъ, при помощи которыхъ рѣшаются вопросы остальныхъ категорій преступнаго дѣйствія. Когда суду предстоитъ разслѣдовать событіе причиненія смерти, тогда представляются, главнымъ образомъ, слѣдующіе вопросы: a) естественная ли или насильственная въ данномъ случаѣ смерть? b) если она насильственна, то какого рода? c) случайная ли она, или же нанесена человѣкомъ? d) въ послѣднемъ случаѣ, — самобійство ли или убійство? e) если это убійство, то совершилось ли оно случайно, или умышленно? f) если умышленно, то въ какомъ состояніи духа преступника? послѣ случайнаго ли возбужденія какихъ-либо страстей, или же съ преднамѣреніемъ, коварствомъ, хитростію и т. д.? g) была ли она нанесена однимъ лицемъ или нѣсколькими лицами? h) кто именно совершилъ это преступленіе? и i) должно ли ему это дѣйствіе быть вмѣнено въ вину, или нѣтъ?

Котораго-же изъ этихъ вопросовъ касается, по сущности своей, суд.-медиц. экспертиза? Можно ли ею пользоваться для рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ, съ одинаковою положительностью и одинаковымъ успѣхомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что она въ состояніи способствовать иногда, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, рѣшенію всѣхъ выше приведенныхъ вопросовъ, но однихъ чаще, чѣмъ другихъ, — въ одномъ случаѣ съ большею положительностью, чѣмъ въ другомъ. Прежде всего, разъясненіе причины смерти представляется неотъемлемою ея принадлежностью, такъ какъ этотъ вопросъ не можетъ быть положительно рѣшенъ безъ ея участья даже и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ инымъ путемъ могли бы быть доставлены доказательства, что смерть была естественная или насильственная. Эта именно необходимость суд.-медиц. экспертизы въ случаяхъ этого рода, была поводомъ, что уголовнымъ законодательствомъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ поставлено въ непремѣнную обязанность суду требовать экспертизы для изслѣдованія причинъ смерти. Судебно-Меди-

цинская экспертиза, удовлетворяя этому требованію суда, основывается на собственномъ, *свойственномъ* ей и самостоятельномъ наблюденіи, руководясь, въ своемъ изслѣдованіи, наставленіями своей науки, и закона, предписывающихъ врачу-эксперту постоянно имѣть въ виду вышеприведенныя судебныя задачи и свое дѣйствіе направлять къ пріобрѣтенію основаній для точнаго ихъ рѣшенія. Поэтому и заключеніе суд.-медиц. экспертизы будетъ вообще *непосредственное* т. е. основанное на собственномъ наблюденіи, *положительное*, и *безусловное*, т. е. не связанное никакими показаніями другаго рода. Въ прочихъ случаяхъ, т. е. при рѣшеніи всѣхъ другихъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, начиная съ того: „была ли насильственная смерть послѣдствіемъ случая, или же она нанесена дѣйствіемъ человѣка," такъ-какъ врачъ-экспертъ не имѣетъ возможности основать свое заключеніе исключительно на результатахъ своего собственнаго изслѣдованія, а долженъ прибѣгнуть и къ свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ судебныхъ актовъ и, вообще, къ свидѣтельскимъ показаніямъ, это заключеніе, хотя можетъ быть тоже положительное, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно всегда будетъ посредственное и условное т. е. будетъ зависѣть отъ достовѣрности заимствованныхъ данныхъ. Всѣ признаки, по которымъ врачъ-экспертъ обсуждаетъ насильственную смерть, суть или непосредственное слѣдствіе или посредственныя, второстепенныя, послѣдствія преступнаго дѣйствія, т. е. слѣды, которые оно оставляетъ послѣ себя на организмѣ пострадавшаго отъ него лица и на его обстановкѣ, и на какихъ-либо посторонихъ предметахъ и личностяхъ, находившихъся во время его совершенія въ какомъ-либо отношеніи къ преступному дѣйствію, къ потерпѣвшему лицу, равно какъ и къ тому, которое совершило это дѣйствіе, т. е., къ самому преступнику. Если эти слѣды, представляющіе предметъ суд.-медиц. изслѣдованія, ясны, опредѣленны, отчетливы, достаточны, то заключеніе будетъ положительное; если же слѣды не представляютъ этихъ

необходимыхъ качествъ, по какимъ-нибудь причинамъ, то заключеніе не будетъ выражать положительности, а только вѣроятность, сомнительность, а иногда будетъ даже совсѣмъ невозможнымъ. Поэтому заключеніе зависитъ, вещественно, вполнѣ отъ тѣхъ слѣдовъ, которые преступное дѣйствіе, т. е. событіе преступленія, оставляетъ послѣ себя, и которые являются подъ различными формами, кои могутъ быть предметомъ различнаго рода судебной экспертизы, и не одной только медицинской.

Сравнивая выше приведенные судебные вопросы съ главными задачами всего судебнаго слѣдствія, мы находимъ, что первые четыре изъ нихъ относятся существенно къ объективному составу преступленія, а остальные къ прочимъ задачамъ судебнаго слѣдствія. Но какъ всѣ существенныя основанія непосредственности и безусловности суд.-медиц. изслѣдованія на мертвыхъ указываютъ на то, что оно относится существенно къ рѣшенію упомянутыхъ четырехъ задачъ, то изъ этого слѣдуетъ, что а) главную задачу изслѣдованія врача-эксперта на мертвыхъ составляетъ возстановленіе объективнаго состава, или событія преступленія;— б) это возстановленіе зависитъ существенно отъ тѣхъ слѣдовъ, которые преступное дѣйствіе оставляетъ послѣ себя, преимущественно на тѣлѣ потерпѣвшаго отъ него лица; — в) заключеніе врача-эксперта, относительно всѣхъ прочихъ вопросовъ и задачъ судебнаго дѣйствія, обусловливается тоже исключительно тѣми же самими слѣдами;—г) положительность, вѣроятность, сомнительность заключенія, или невозможность составленія его, зависятъ вполнѣ отъ полноты, опредѣлительности, отчетливости и другихъ качествъ этихъ слѣдовъ; — наконецъ, д) врачъ-экспертъ только относительно событія преступленія, въ состояніи составить непосредственное, безусловное заключеніе; относительно же всѣхъ прочихъ вопросовъ и задачъ, только посредственное, условное, хотя иногда и положительное.

Преступное дѣйствіе относится, во вторыхъ, къ поврежденіямъ, болѣе или менѣе опаснымъ для здоровья и жизни потерпѣвшаго отъ нихъ лица. Вопросы, составляющіе основаніе судебнаго дѣйствія въ этихъ случаяхъ, вообще одни и тѣ же, что и въ случаяхъ убійства; но средства, употребляемыя судомъ для рѣшенія первыхъ, нѣсколько другія. Во 1-хъ) возстановленіе объективнаго состава или событія преступленія, какъ необходимаго основанія всего судебнаго изслѣдованія, не производится исключительно врачемъ-экспертомъ, какъ въ случаѣ убійства, а совмѣстно съ нимъ, и главнымъ образомъ, показаніями самого потерпѣвшаго. Судебно-медицинское изслѣдованіе служитъ въ этихъ случаяхъ, съ одной стороны, провѣркою этихъ показаній, а съ другой оно имѣетъ цѣлью опредѣлить характеръ преступленія по закону (согласно ст. 349 Уст. Угол. Судопр. и ст. 1855—1866 Уст. Суд. Мед.) и привести въ извѣстность признаки, которые могли бы послужить для уличенія виновнаго въ его преступномъ дѣйствіи. И здѣсь, изслѣдованіе врача относится главнымъ образомъ къ возстановленію объективнаго состава преступленія, на основаніи слѣдовъ, замѣчаемыхъ на организмѣ поврежденнаго,— (чѣмъ и отличается изслѣдованіе этого рода отъ изслѣдованія практическаго врача, имѣющаго цѣлью только открыть признаки для составленія діагноза, прогноза и метода леченія),—слѣдовъ, составляющихъ непосредственное послѣдствіе преступнаго дѣйствія, которые важны вмѣстѣ съ тѣмъ и для рѣшенія прочихъ судебныхъ вопросовъ. Но, въ этомъ случаѣ, возстановленіе событія преступленія, врачемъ, само-по-себѣ, имѣетъ для суда иную степень важности, такъ какъ оно не составляетъ исключительнаго основанія всего дѣйствія суда, обладающаго, для этого и другими средствами. Есть, однакожъ одинъ случай, въ которомъ возстановленіе объективнаго состава преступленія, слѣдовательно и доставленіе необходимаго основанія для суд. слѣдствія, зависитъ исключительно отъ суд.-мед. изслѣ-

дованія на живыхъ, именно отравленіе. И. въ этомъ случаѣ возстановленіе событія отравленія составляетъ почти исключительно всю цѣль суд.-мед. изслѣдованія, ибо только въ очень рѣдкихъ подобныхъ случаяхъ суд.-мед. изслѣдованіе, само по себѣ, въ состояніи доставить суду основанія для рѣшенія и другихъ судебныхъ вопросовъ.

Положительное возстановленіе характера поврежденій по закону (согласно ст. 1855—1866 Медиц. Уст. Св. Зак.) почти никогда не въ силѣ врача-эксперта впредь до окончательнаго исхода болѣзни; но и тогда еще, въ теченіе долгаго времени послѣ минмаго излеченія поврежденія, обнаруживаются иногда вдругъ гибельныя явленія, связь которыхъ съ первоначальнымъ преступнымъ событіемъ можетъ быть строго доказана:—каковыхъ явленій однакожъ съ точностью предвидѣть и опредѣлить не было возможности. Слѣдовательно, что касается и втораго рода преступныхъ дѣйствій, суд.-мед. экспертиза можетъ имѣть значеніе почти исключительно для возстановленія событія преступленія, способствуя лишь въ слабой степени рѣшенію другихъ судебныхъ вопросовъ.

Преступное дѣйствіе относится, въ третьихъ, къ злоупотребленію извѣстныхъ отправленій, какъ, напр., изнасилованіе, различныя противоестественныя и противонравственныя половыя отношенія, изгнаніе плода и т. п. дѣйствія, указанныя въ ст. 349. Уст. Уг. Судопр. И въ этомъ случаѣ задачи суда остаются тѣ же самыя, что и въ предъидущихъ случаяхъ. Но врачъ-экспертъ находится здѣсь еще менѣе въ положеніи доставить суду основанія для рѣшенія другихъ его задачъ, и все дѣйствіе его ограничивается непосредственно и почти исключительно возстановленіемъ объективнаго состава преступленія, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и въ предъидущихъ случаяхъ; но такое возстановленіе рѣдко можетъ быть положительно и безусловно.

Второе направленіе судебнаго слѣдствія относится

къ виновному; въ суд.-медиц. отношеніи: а) къ опредѣленію слѣдовъ преступнаго дѣйствія на его организмѣ, или же тѣхъ свойствъ его организма, разслѣдованіе которыхъ, по данному случаю, оказывается необходимымъ для уличенія его въ виновности; и b) къ разслѣдованію вмѣняемости преступленія подсудимому. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ суд.-медиц. изслѣдованіе не относится къ возстановленію объективнаго состава преступленія, а къ рѣшенію другихъ главныхъ задачъ судебнаго слѣдствія, которымъ однакожъ рѣдко удовлетворить въ состояніи; въ-особенности положительно и непосредственно, за исключеніемъ опредѣленія самого главнаго основанія для рѣшенія вопроса о вмѣняемости, т. е. умопомѣшательства, разслѣдованіе котораго относится существенно къ области суд.-медиц. экспертизы. Основанія и характеръ этого рѣшенія мы привели выше.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ, по возможности подробно, всѣ категоріи преступнаго дѣйствія, которыхъ можетъ касаться судебно-мед. экспертиза, мы убѣждаемся въ слѣдующемъ:

1) Судеб.-медиц. экспертиза, въ нашемъ смыслѣ этого слова, относится, главнымъ образомъ и существенно, съ *возстановленію объективнаго состава преступленія*, за исключеніемъ экспертизы, производимой на подсудимомъ.

2) Это возстановленіе объективнаго состава преступленія производится врачемъ-экспертомъ на основаніи тѣхъ явленій и признаковъ, которые представляютъ *непосредственные слѣды* или *послѣдствія* преступнаго дѣйствія; но только такіе слѣды и послѣдствія, которыхъ точное опредѣленіе требуетъ непремѣнно медицинскихъ свѣдѣній.

3) На основаніи такихъ же слѣдовъ преступнаго дѣйствія, врачъ-экспертъ составляетъ и свои заключенія относительно всѣхъ прочихъ судебныхъ вопросовъ.

4) Такъ-какъ врачу-эксперту извѣстны и общія задачи судебнаго слѣдствія и общіе вопросы, составляющее направленіе

судебнадо дѣйствія, и такъ-какъ одинъ врачъ экспертъ въ состояніи разпознать слѣды преступнаго дѣйствія и оцѣнить достоинство ихъ для рѣшенія суд. вопросовъ по данному судебному дѣлу, то онъ, въ сущности, находится въ зависимости не отъ суда, а отъ судебнаго дѣла.

5) Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ врачъ-экспертъ не производитъ изслѣдованія для возстановленія объективнаго состава преступленія,— (за исключеніемъ умопомѣшательства, при разслѣдованію котораго онъ пользуется тою же самою самостоятельностью, что и при возстановленіи объективнаго состава преступленія) — а разсматриваетъ лишь отдѣльныя обстоятельства суд. дѣла по требованію суда, его экспертиза не отличается вовсе характеромъ той независимости отъ судьи, какъ въ предьидущемъ случаѣ; онъ является тогда просто истолкователемъ извѣстныхъ обстоятелствъ суд. дѣла, опредѣленіе судебнаго значенія которыхъ зависитъ отъ суда, а не отъ него. Наконецъ,

6) Опредѣленіе объективнаго состава преступленія, относительно положительности, зависитъ вполнѣ отъ качествъ слѣдовъ преступнаго дѣйствія. Чѣмъ полнѣе, отчетливѣе и постояннѣе эти слѣды, и чѣмъ раньше экспертъ приступитъ къ ихъ разслѣдованію, тѣмъ положителнѣе будетъ его заключеніе.

Вообще, врача-эксперта можно сравнить съ геологомъ, разсматривающимъ строеніе земной почвы въ данной мѣстности. Общія суд.-медиц. начала — это общія научныя начала геологіи объ образованіи земной скорлупы. Суд.-медиц. изслѣдованіе по данному случаю — это мѣстное изслѣдованіе геологомъ земной почвы, относительно ея строенія. Геогностическія слои скалъ и слѣды древней органической жизни въ нихъ, составляющія геологическій ихъ характеръ — то-же самое, что слѣды преступнаго дѣйствія на человѣческомъ организмѣ, съ тѣмъ различіемъ, что первые отличаются постоянствомъ, между тѣмъ какъ послѣдніе подвергаются болѣе или

менѣе скорому и неизбѣжному уничтоженію. Основанія достоинства обоихъ одни и тѣ же. И тамъ и тутъ научныя основныя начала, пріобрѣтены и провѣрены многочисленными опытами. И тамъ и тутъ, въ данномъ случаѣ, наблюденіе пассивно-воспріимчиво, направлено единственно къ разсмотрѣнію и описанію того, что открывается при изслѣдованіи, и къ провѣркѣ всего со строгою объективностью. И тамъ и тутъ слѣды болѣе или менѣе давно уже минувшаго, слѣды болѣе или менѣе посредственные, мѣсто которыхъ однакожъ, въ ряду послѣдовательныхъ перемѣнъ, со всею точностью опредѣлено. А такъ какъ эти геологическія начала служатъ непоколебимымъ основаніемъ многихъ и очень важныхъ предпріятій и научныхъ разсужденій, такъ и суд.-мед. начала составляютъ непоколебимое основаніе возстановленія объективнаго состава преступленія и обстоятельствъ судебнаго дѣла, находящихся съ нимъ въ тѣсной и непосредственной связи.

V.

Опредѣливъ въ предъидущемъ достоинство суд.-мед. экспертизы вообще, намъ предстоитъ теперь опредѣлить ея положеніе въ системѣ, или, лучше-сказать, въ ряду уголовныхъ доказательствъ на судѣ присяжныхъ, такъ какъ система ихъ потеряла всю прежнюю важность. Мѣсто, которое она должна занять въ этомъ ряду, составляетъ ея судебное достоинство. Главное дѣло въ томъ, составляетъ ли она доказательство или нѣтъ? а если она доказательство, то въ какомъ отношеніи она находится къ свидѣтельскому показанію? Для того, чтобы рѣшить вопросъ, есть ли она доказательство, прежде

всего нужно опредѣлить значеніе доказательства. Въ этомъ отношеніи мы будемъ руководиться положеніями, изложенными Миттермаіеромъ, въ его классическомъ сочиненіи: о доказательствахъ (1). Онъ говоритъ (2) (стр. 57): „Въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежитъ обнародовать вредныя послѣдствія для извѣстнаго лица, оказавшагося виновникомъ извѣстныхъ фактовъ, влекущихъ, по закону, эти вредныя для него послѣдствія, приговоръ зависитъ отъ достовѣрности этихъ фактовъ и отъ убѣжденія въ томъ судьи. Средствомъ къ пріобрѣтенію этой достовѣрности служитъ доказательство, т. е. совокупность основаній для удостовѣренія фактовъ." „Состояніе ума, въ которомъ мы сознательно почитаемъ что-либо достовѣрнымъ на вполнѣ удовлетворительныхъ основаніяхъ, называется убѣжденіемъ." (3) (стр. 72). „Поэтому, такое состояніе убѣжденія, въ силу котораго признается извѣстный фактъ истиннымъ, по совокупности основаній, исключающихъ основанія къ признанію факта противоположнаго, называется достовѣрностью"" (стр. 132) „Считая возстановленіе достовѣрности главною цѣлью представленія доказательства, мы должны признать всякое средство, которое въ состояніи доставить эту достовѣрность, доказательнымъ средствомъ." (4) (стр. 136) „Доказательнымъ сред-

---

1) Миттермаіеръ: Die Lehre vom Beweise. Darmstadt 1834.

2) Ueberall, wo es darauf ankömmt, gegen eine gewisse Person nachtheilige Folgen auszusprechen, weil sie als Ursache bestimmter Thatsachen erscheint, an welche die Gesetze diese Folgen knüpfen, hängt die Urtheilsfällung von der Gewissheit dieser Thatsachen, und von der Ueberzeugung ab, welche der Richter darüber hat. Zur Erlangung dieser Gewissheit dient der Beweis, d. h. ein Inbegriff von Gründen für die Gewissheit von Thatsachen.

3) Einen Zustand.... in welchem unser Fürwahrhalten auf völlig befriedigenden Gründen beruht, deren wir uns bewusst sind, nennen wir Ueberzeugung.

4) Wenn wir als Zweck der Beweisführung, den der Herstellung der Gewissheit betrachten, so muss jedes Mittel, welches im Stande ist, die Gewissheit zu liefern, auch als Beweismittel angesehen werden dürfen.

ствомъ, въ законномъ смыслѣ, долженъ признаваться всякій источникъ основаній, достаточныхъ судьѣ по закону для извлеченія изъ нихъ требуемаго убѣжденія, въ силу котораго онъ обязанъ признать достовѣрными факты, имѣющіе положительное значеніе для составленія приговора.“ (1) Вотъ рядъ самыхъ главныхъ положеній, относящихся въ опредѣленію доказательства. На основаніи этихъ положеній, мы признаемъ доказательствомъ всякое средство, которое въ состояніи возбудить убѣжденіе (Ueberzeugung) въ достовѣрности извѣстнаго факта. Затѣмъ представляется вопросъ: можно ли суд.-медиц. экспертизу считать судебнымъ доказательствомъ въ томъ смыслѣ слова? Намъ кажется, что, на основаніи нашего разбора суд.-мед. экспертизы, мы вправѣ дать положительный отвѣтъ, что она составляетъ дѣйствительно судебное доказательство, такъ какъ она основывается существенно на томъ элементѣ умственной человѣческой дѣятельности, который обусловливаетъ возможность повѣрки всѣхъ впѣчатленій внѣшнихъ чувствъ, и возможность разпознанія внутренней связи между извѣстными явленіями. Опровергать доказательную силу суд.-медиц. экспертизы, значитъ тоже самое, что оспаривать и опровергать силу логическихъ законовъ, научныхъ началъ, и обусловленнаго имъ человѣ-

---

1) Wenig gewonnen wird durch den in neuerer Zeit vorgekommenen Streit über die Zahl der Beweismittel und den Unterschied von Beweisgrund und Beweismittel. Es sind nicht ohne Grund diese Unterscheidungen Wortklaubereien genannt worden. Einen wahren Werth haben sie weder für die Gesetzgebung noch für die Richter und man weiss nicht, was damit gewonnen werden soll, wenn man z. B. mit Gensler bei dem Zeugenbeweis den Zeugen das Beweismittel, seine Aussage den faktischen Beweisgrund, und das was der Richter daraus für seine juristische Ueberzeugung abstrahirte, den juristichen Beweisgrund nennt. *Als Beweismittel im gesezlichen Sinne muss jede Quelle von Gründen betrachtet werden, welche nach dem Gesetze für den Richter genügen können, um daraus die erforderliche Ueberzeugung abzuleiten, nach welcher der Richter, die in Bezug auf die Urhteilsfällung relevanten Thatsachen als gewiss annehmen darf.*

ческаго прогресса. Г. Владимировъ (1) опровергаетъ мнѣніе, что суд.-медиц. экспертиза есть доказательство, не на основаніи прямыхъ непосредственныхъ доводовъ, а на основаніи примѣра, что иногда и вердиктъ присяжныхъ служитъ уликой, а однако-же судебный приговоръ не есть уголовное доказательство, въ техническомъ значеніи этого слова, и прибавляетъ: „C'est le délit, qui crée les témoins, c'est le juge, qui choisit les experts, говоритъ Ф. Эли. Уголовныя доказательства, скажу я, (говоритъ г. Вл.) создаются судьею. То-есть, экспертъ оцѣниваетъ обстоятельства дѣла; эти обстоятельства и суть доказательства.“ Вотъ все положительное, что г. В. сказалъ объ этомъ предметѣ. Но это возраженіе намъ кажется невѣрнымъ. Г. Вл. говоритъ (стр. 112): „Вердиктъ присяжныхъ не есть уголовное доказательство, и никогда, нигдѣ и никѣмъ не былъ вносимъ въ систему уголовныхъ доказательствъ,“ а далѣе самъ сознается, что „Прежняя судимость подсудимаго считается хотя и непрямымъ уголовнымъ доказательствомъ, а все-таки уликой!“ А развѣ улики не относятся къ уголовнымъ доказательствамъ? Посмотримъ, что говоритъ Миттермаіеръ въ этомъ отношеніи, 1) (стр. 426 § 57): „При болѣе подробномъ разслѣдованіи достоинства уликъ, (Anzeige) рѣшаетъ... 6) Отношенія обжалованнаго по его характеру и его личному поведенію“; и для объясненія этого пункта, прибавляетъ: (стр. 431. ad. VI) „Ключемъ къ самому точному обсужденію подозрѣнія, касающагося извѣстнаго лица служитъ прежде всего все донынѣшнее поведеніе и нравственныя свойства его.“ Намъ кажется, что вердиктъ присяжныхъ относится существенно къ поведенію и къ нравственнымъ свойствамъ подсудимаго, и г. Влад. самъ сознается, что въ этомъ смыслѣ онъ и служитъ уликой. Вносить его особо и обстоятельно въ систему угол. доказательствъ нѣтъ, по этому, никакой надобности. Приведенныя же слова г. Эли не мо-

1) Владиміровъ l. c. стр. 46, 48, 111, 112.

гутъ имѣть иного значенія, какъ то, что есть извѣстное различіе между показаніемъ свидѣтеля и заключеніемъ эксперта; но эти слова не представляютъ вовсе рѣшенія вопроса, который состоитъ именно въ томъ, дѣйствительно ли преступленіемъ создается только свидетельское показаніе, или же есть еще и другіе роды доказательства, которые создаются этимъ-же самимъ путемъ? По этотъ вопросъ вовсе не решенъ ни положеніемъ г. Эли, ни приведенными выше доводами г. Владимірова. Онъ ведетъ насъ прямо къ расмотрѣнію другаво поставленнаво нами вопроса: въ какомъ отношеніи находится, касательно своего судебнаго достоинства, суд.-мед. заключеніе къ свидѣтельскимъ показаніямъ? При разсмотрѣніи вопроса о суд. достоинствѣ суд. мед. экспертизы, юристы обыкновенно связываютъ это съ вопросомъ о достоинствѣ свидѣтельскаго показанія, сравнивая ихъ между собою и опредѣляя ихъ достоинство на этомъ основаніи. Результатомъ такого воззрѣнія являются положенія, которыя Владиміровъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ (1): „Когда мы строимъ какую-нибудь теорію въ области юриспруденціи, то мы должны пользоваться понятіями, выработанными въ жизни. Жизнь провела рѣзкую границу между двумя понятіями—фактомъ и мнѣніемъ. Граница эта проведена не напрасно; между ними, дѣйствительно, есть важное различіе. Въ теченіе вѣковъ принято называть свидѣтелемъ лице, излагающее на судѣ факты. Вслѣдствіе такой идеи, свидѣтели получили особенное положеніе на судѣ, и практика выработала особое критеріи для оцѣнки ихъ показаній. Когда мы видимъ, что въ категорію свидѣтелей хотятъ ввести и експертовъ, то мы противъ этого возстаемъ и утверждаемъ, что экспертъ даетъ не факты, а мнѣнія. Мнѣніемъ мы называемъ показаніе экспертовъ не только потому, что данное явленіе весьма часто не можетъ быть вообще

1) Владиміровъ, l. c. стр. 110 и слѣд.

(объективно въ наукѣ) признано фактомъ, а еще и потому, что присяжные у судьи, не спеціалисты, получаютъ свѣденія объ этомъ явленіи изъ рукъ различныхъ ученыхъ, между которыми могутъ попадатся, напримѣръ, и такіе, которымъ многіе научные факты вовсе неизвестны, или-же не такъ извѣстны, какъ слѣдуетъ. Далѣе, научное изслѣдованіе какого-нибудь явленія, само по себѣ, есть дѣло знанія, а знаніе, по крайней мѣрѣ въ XIX столѣтіи, спорно; отсюда различные ученые могутъ различно думать объ одномъ и томъже предметѣ, нисколько не впадая въ абсурдъ; отсюда получаются различныя мнѣнія. Мало того: разногласіе можетъ имѣть мѣсто не только въ истолкованіи явленія, но и въ самомъ констатированіи его. Да, отвѣтитъ мнѣ мой противникъ, но и свидѣтели могутъ впасть въ разногласіе: по показанію одного свидѣтеля, въ данномъ мѣстѣ, въ данное время, стоялъ человѣкъ высокаго роста, а по показанію другово—этотъ человѣк вовсе не былъ высокаго роста, а напротивъ—низкаго. Вотъ вамъ и разногласіе. Возражаю: разногласіе дѣйствительно есть, но оно указываетъ только на то, что или одинъ свидѣтель лжетъ, или что даже оба лгутъ. Почему? Потому что самый предметъ показаній, по существу своему, не можетъ вызвать разногласія. Каждому человѣку извѣстна та мѣра, которая въ обыкновенной жизни опредѣляетъ представленіе о высокомъ или низкомъ ростѣ. Въ сферѣ же научныхъ явленій для многихъ предметовъ еще нѣтъ такихъ точныхъ критерій, какія имѣютъ свидѣтели въ сферѣ явленій, составляющихъ предметъ ихъ показаній... Конечно, экспертиза что-нибудь доказываетъ, но все таки она не уголовное двказательство, въ техническомъ значеніи этого слова"... Прибавимъ къ этому еще и то положеніе г. Владимірова, приведенное выше, что свидѣтельское показаніе—объективно, а экспертиза отличается субъективностью, и мы будемъ имѣтъ всю сущность тѣхъ доводовъ, на основаніи которыхъ суд.-мед. экспертиза не считается юристами доказательствомъ, наравнѣ съ свидѣтельскимъ показаніемъ. Но разсмо-

трнмъ подробнѣе нѣкоторые изъ нихъ. Обыкновенно называется свидѣтелемъ лице, которое излагаетъ на судѣ факты; почему же то факты, что онъ излагаетъ? потому что они излагаются свидѣтелемъ; c'est le délit qui crée les témoins,... вотъ отвѣтъ, и опредѣленіе, составляющее сущность разбора значенія свидѣтельскаго показанія юристами. На сколь шаткихъ основаніяхъ построено ихъ мнѣніе, доказываютъ слѣдующія слова Миттермаіера (1): „Если мы спросимъ, на какихъ началахъ мы основываемъ наше убѣжденіе въ достовѣрности фактовъ относительно самыхъ важныхъ дѣлъ въ нашей жизни, и на чемъ, по опыту всѣхъ временъ, основывается сужденіе даже самого осторожнаго изъ людей, о существованіи факта, то легко убѣдиться, что мы считаемъ свидѣтельство нашихъ внѣшнихъ чувствъ самымъ достовѣрнейшимъ, и что чувственная очевидность (Evidenz) кажется, по этому, единственнымъ, истиннымъ источникомъ достовѣрности. Ежедневный опытъ показываетъ намъ, что все, что мы нашими внѣшними чуствами наблюдаемъ, представляется вѣрнымъ и точнымъ, на сколько впечатлѣніе, производимое этимъ чувственнымъ наблюденіемъ, согласуется съ предметами внѣшняго міра, так, что мы, не колеблясь, считаемъ результаты нашихъ чувственныхъ наблюденій источникомъ достовѣрности, а потому и довѣряемъ другимъ лицамъ тогда, когда они основываются на собственномъ чувственномъ наблюденіи; по этой-же причинѣ, мы считаемъ достовѣрными и сознаніе и показанія свидѣтелей. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что въ уголовномъ судопроизводствѣ считаются нерѣдко тѣ лишь доказательства вполнѣ удовлетворительными, которыя основываются на непосредственной или посредственной чувственной очевидности, такъ какъ только они въ состояніи доставить достовѣрность; между тѣмъ другія основанія, именно улики, не

1) Миттермаіеръ; Lehre vom Beweise, стр. 125.

въ состояніи никогда доставить истиннаго доказательства. Но по ближайшемъ изслѣдованіи не кажется, чтобы это воззрѣніе могло быть совершенно оправдано. Мы не вѣримъ единственно нашимъ чувствамъ, но произведенному нашимъ разумомъ, основанному на извѣстныхъ заключеніяхъ, разслѣдованію результата нашихъ чувствъ; на этомъ-же основаніи мы обсуждаемъ и достовѣрность." Дальше, авторъ приводитъ причины невѣрности мнѣнія о достовѣрности на основаніи чувственной очевидности, которыя совершенно сходны съ тѣми, какія приводятся Миллемъ (1) и Эстерленомъ. (2) Слова эти начертаны авторомъ еще въ 1831 г.; не смотря на то, до сихъ поръ мнѣнія юристовъ основываются, относительно достоинства свидѣтельскихъ показаній и суд.-медиц. заключеній, на прежнихъ ошибочныхъ положеніяхъ. „Свидѣтель излагаетъ на судѣ факты, экспертъ мнѣнія. Разница между фактомъ и мнѣніемъ состоитъ только въ различіи степени ихъ достовѣрности." Вотъ сущность ихъ воззрѣнія!

Мы не станемъ опровергать приведенныхъ выше основаній того мнѣнія, что медиц. экспертизѣ присуща низшая степень достовѣрности. Нашъ предыдущій разборъ этого предмета и приведенныя нами доказательства въ пользу высокаго достоинства этой экспертизы достаточны, по нашему мнѣнію, для обнаруженія его невѣрности. Но мы разсмотримъ вопросъ, дѣйствительно ли свидѣтель передаетъ суду факты? и дѣйствительно ли основанія свидѣтельскихъ показаній пользуются, по сущности своей, высшею степенію достовѣрности, или нѣтъ? Не зависимо уже отъ того, что жизнію проведенная граница между мнѣніемъ и фактомъ не оказывается на дѣлѣ столь рѣзкою, какъ предполагаетъ г. Владимировъ,—ибо въ Англіи и Сѣверной Амери-

1) Милль. Логика. Часть II стр. 325 и слѣд. (нѣмецкій переводъ).
2) Эстерленъ: Medizinische Logik стр. 432.

кѣ, и даже во Франціи, эксперты причисляются къ свидѣтелямъ, и по законамъ этихъ странъ не имѣется экспертовъ, а только свидѣтели съ правомъ передавать заключенія по своей спеціальности,—и вышеприведенныя слова Миттермаіера возбуждаютъ сомнѣніе, дѣйствительно ли свидѣтели передаютъ факты въ томъ значеніи этого слова, какое ему приписывается, т. е. „сужденіе такое обыкновенное, такое незамѣтное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по простотѣ и обыденности, по отсутствію возможности разумно сомнѣваться въ его правильности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такое вѣрное, что, когда свидѣтель передастъ фактъ, то ни онъ, ни судья, не принимаютъ въ разсчетъ сужденія совершеннаго при воспріятіи извѣстнаго явленія.“ [1]) Для лучшаго уясненія дѣла приведемъ примѣръ. Положимъ, что въ извѣстной мѣстности находится толпа людей; заводится споръ, ссора и драка, въ которой участвуетъ извѣстное число лицъ, приверженцевъ одной и другой стороны, и наконецъ, переходитъ въ борьбу, въ которой самую важную роль играетъ лице, дѣйствующее палкой какъ оружіемъ, для защиты отъ нападенія другаго очень сильнаго бойца. Вдругъ этотъ послѣдній зашатался среди борьбы, вскрикнулъ, потерялъ сознаніе, упалъ на землю и скончался въ теченіе извѣстнаго времени. При судебномъ слѣдствіи, присутствовавшіе при борьбѣ, безъ участія въ ней, лица, показываютъ, что В., т. е. лице съ палкою, убило А, потому что они видѣли, какъ В билъ А палкою, вслѣдствіе чего А, зашатавшись и вскрикнувъ, упалъ и скончался. Въ этомъ случаѣ убійство А представляетъ фактъ. Ссора, драка, борьба, удары нанесенные палкою и т. д., все это обстоятельства судебнаго дѣла, или *факта убійства*. По мнѣнію Владимірова и юристовъ вообще, лица, показывающія на судѣ, что В убилъ палкою А, передаютъ фактъ, и поэтому они свидѣтели. Разсмотримъ, дѣйствительно ли они передаютъ вѣрный фактъ? Они

1) Владиміровъ l. c. стр. 26.

показываютъ, чдо они видѣли, какъ В убилъ А, на томъ основаніи, что они видѣли, какъ онъ его билъ палкою, какъ А вдругъ зашатался, вскрикнулъ, упалъ, потерялъ сознаніе и умеръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что показанія свидѣтелей относительно ударовъ и обстоятельствъ, сопровождающихъ смерть А, представляютъ тоже „такое обыкновенное, такое незамѣтное и вмѣстѣ съ тѣмъ, по простотѣ и обыденности, такое вѣрное, совершенно безсознательное сужденіе, что оно составляетъ предметъ общаго согласія; но все-таки, какъ бы это сужденіе ни было незамѣтно, безсознательно, какъ бы ни внушало общее согласіе, оно все таки будетъ сужденіе, а показаніе — „смѣшеніе видѣннаго съ выводимымъ," потому-что связь между этими ударами и смертью не можетъ быть замѣчена внѣшними чувствами, а составляетъ существенно отвлеченіе, выводъ изъ многихъ наблюденій смерти вслѣдствіе нанесенныхъ ударовъ, сужденіе, дѣйствительно незамѣтное и совершенно безсознательное, которое не предохраняетъ однакоже отъ ошибки; а потому, это показаніе должно бы называться не фактомъ, а мнѣніемъ. Далѣе. Судебнымъ фактомъ въ этомъ случаѣ есть убійство *А*. Судъ производитъ слѣдствіе не для какой-нибудь другой цѣли, а только для разслѣдованія факта убійства А и отысканія и уличенія въ винѣ совершителя этого факта, т. е. убійства. Можно ли показаніе свидѣтелей въ этомъ случаѣ считать доказательствомъ того факта, что В убилъ А? — Отнюдь нѣтъ! — Они показываютъ дѣйствительно, что В билъ палкою А, что впослѣдствіи А вдругъ упалъ и умеръ. Но для того, чтобы это показаніе могло считаться фактомъ, необходимо, чтобы была доказана существенная и неизбѣжная связь между этими ударами и смертью А. А этого-то именно свидѣтели и не доказываютъ. Между тѣмъ, это самое главное, такъ какъ могутъ существовать другія причины смерти А, не имѣющія никакой связи съ ударами В, и, слѣдовательно, совершенно устраняющія и предположеніе о виновности послѣдняго. На основаніи этихъ свидѣтель-

скихъ показаній, ни одинъ добросовѣстный и безпристрастный судья не составитъ своего приговора. Какъ бы ни обыденно и ни объективно и, по простотѣ своей, ни безсознательно было сужденіе, что удары, нанесенные съ извѣстною силою, по извѣстнымъ мѣстамъ тѣла, въ состояніи произвести смерть, и какъ бы ни подтверждалъ таковое сужденіе ежедневный опытъ, — чѣтъ однакоже судьи, который не усомнился-бы въ этомъ отношеніи, и который не позаботился бы о томъ, чтобы пріобрѣсти всѣ возможныя средства для болѣе опредѣленнаго изъясненія связи между ударами и смертью, — по той причинѣ, что свидѣтельскія показанія не оказываются вовсе достаточными для укрѣпленія необходимаго убѣжденія судьи. — Но, — можетъ кто нибудь возразить: — какъ бы то ни было, все-таки свидѣтели передаютъ факты; — ибо и обстоятельство, что В. нанесъ удары А, и то, что послѣдній упалъ на землю и скончался, представляютъ факты, т. е. нѣчто совершившееся, что замѣчается внѣшними чувствами. Нѣтъ сомнѣнія, что указанныя обстоятельства представляютъ факты, но только тогда, если они, сами по себѣ, представляютъ предметъ судебнаго слѣдствія, если они представляютъ событіе преступленія. Но въ вышеприведенномъ случаѣ они составляютъ только обстоятельства факта убійства А, и имѣютъ значеніе для суда только тогда, когда будетъ доказана существенная связь между ними и смертію А, потому что они тогда пріобрѣтаютъ характеръ факта, доказывающаго виновность В. Здѣсь мы должны мимоходомъ сдѣлать замѣчаніе, что, по нашему мнѣнію, вся трудность въ удовлетворительномъ уясненіи отношенія свидѣтельскаго показанія къ суд.-медиц. экспертизѣ, зависитъ до извѣстной степени и отъ того, что при разсмотрѣніи этого вопроса обыкновенно смѣшивается логическое опредѣленіе факта вообще съ опредѣленіемъ факта съ юридической и судебной точки зрѣнія. Обстоятельство, что В нанесъ удары А, само по себѣ, не составляетъ вовсе факта для судебнаго дѣла, пока не будетъ доказано, что эти удары находятся въ существенной связи

съ смертію А. Но эта связь вовсе не можетъ быть доказана свидѣтельскими показаніями, которыя, по сущности своей, не отличаются необходимыми свойствами для того, чтобы доказать существованіе этой связи. Мы выше показали, что въ этомъ случаѣ было бы непремѣнно нужно доказать, были ли эти удары нанесены съ такою силою, чтобы быть въ состояніи причинить смертельныя поврежденія человѣку? были ли они нанесены на такія части тѣла, ушибы которыхъ въ состояніи прекратить жизнь человѣка? На эти и многіе другіе вопросы этого рода, судья получитъ отъ свидѣтеля непремѣнно отвѣтъ: „не могу знать навѣрное.“ Онъ не будетъ обыкновенно въ состояніи даже показать со всею точностью и отчетливостью, сколько ударовъ В нанесъ А, и сколько времени прошло отъ послѣдняго удара до паденія А на полъ и его смерти, потому что очень рѣдко свидѣтель обращаетъ на это вниманіе и онъ не въ состояніи этого замѣтить. При чтеніи многоразличныхъ судебныхъ актовъ, я былъ въ состояніи убѣдиться положительно въ томъ, что на вопросы судьи этого рода, отвѣтъ свидѣтеля былъ обыкновенно: „не могу знать, я не обращалъ на это вниманія.“ И этотъ отвѣтъ психологически дѣйствительно — вѣренъ. Всякое внѣшнее происшествіе дѣйствуетъ на внѣшнія чувства человѣка съ извѣстною силою, и посредствомъ этихъ чувствъ производитъ внутреннее впечатлѣніе т. е. переходъ въ сознаніе человѣка. Но этотъ переходъ внѣшняго вліянія къ внутреннему сознанію зависитъ по большей части и отъ умственнаго состоянія и отъ современнаго происшествію настроенія души. Если умъ человѣка не находится въ нормальномъ состояніи, если его дѣятельность возбуждена до высшей степени въ иномъ направленіи, и онъ не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ передъ его глазами, или умственныя способности не развиты до той степени, чтобы замѣтить все, что дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, — или если онъ, по какой нибудь причинѣ, принимаетъ душевное участіе въ происшествіи, то онъ или не замѣтитъ

этого происшествія или замѣтитъ его, но не довольно отчетливо, и обстоятельно, или даже замѣтить его невѣрно (1). Изъ этого слѣдуетъ положительно, что далеко отъ того, чтобы свидѣтели были въ состояніи показывать лишь чисто объективное, факты; — они показываютъ только личныя, субъективныя впечатлѣнія происшествія, на сколько они ихъ восприняты въ состояніи, по личнымъ умственнымъ свойствамъ своимъ (2). Если бы свидѣтели показывали дѣйствительно факты, а не личныя впечатлѣнія, то ихъ показанія были бы достаточны для рѣшенія судебнаго дѣла; разногласіе между ними относительно одного и того же обстоятельства было бы невозможно, такъ какъ показанія ихъ были бы по необходимости согласны относительно всѣхъ обстоятельствъ судебнаго дѣла. Между тѣмъ на практикѣ мы встрѣчаемъ совсѣмъ другое. Самымъ лучшимъ примѣромъ можетъ служить приведенный нами случай (3). Мы сказали выше, что свидѣтели показали на судѣ, что В нанесъ удары А палкою, и что послѣдній вслѣдствіе того умеръ. Для составленія приговора по этому дѣлу, судъ не могъ довольствоваться этими показаніями, такъ какъ они не относились къ внутренней связи смерти А съ ударами, нанесенными ему В. Для уясненія этой связи, судъ пригласилъ врача-эксперта. Осмотръ показалъ синевы на головѣ, плечахъ, верхней части спины, но кромѣ того и синеву на правомъ боку, возлѣ нижнихъ реберъ: она отличалась по формѣ своей отъ всѣхъ другихъ, и по мѣсту, на которомъ находилась, указывала положительно, что она не могла быть отнесена къ удару палкою. Вскрытіе показало, что печень лопнула и смерть послѣдовала вслѣдствіе смертельнаго кровоизліянія въ брюшную полость. Слѣдовательно, удары палкою оказались непричастными смерти А, и вдругъ этотъ

(1) Миттермаіеръ Lehre vom Bew. стр. 290.

(2) Миттермаіеръ l. c. стр. 128.

(3) Этотъ примѣръ представляетъ извлеченіе изъ судебныхъ дѣлъ уголовнаго суда въ Варшавѣ, и дѣйствительное событіе, совершившееся въ 1866 году.

фактъ нанесенія ударовъ потерялъ всю важность и пересталъ быть фактомъ съ судебной точки зрѣнія, такъ какъ онъ не относился ни къ событію преступленія, ни къ актамъ, уличающимъ виновника въ его виновности. Можно ли по этому свидѣтельскія показанія считать фактами, показаніями, имѣющими объективное значеніе, если они подвержены такимъ внезапнымъ измѣненіямъ относительно своего судебнаго значенія? Эти показанія, на дѣлѣ, не были вовсе ложны, ни противорѣчащи и не обманчивы; тѣмъ-не-менѣе, они были ошибочны, и заключали сужденіе, правда — безсознательное, общечеловѣческое, обыденное, незамѣтное, а между тѣмъ ошибочное, субъективное; эту ошибочность открыла суд.-медиц. экспертиза, — изслѣдованіе, предметомъ коего были слѣды, которые преступное дѣйствіе оставило послѣ себя на тѣлѣ убитаго, производя вмѣстѣ съ тѣмъ его смерть. На этомъ основаніи суд.-медиц. экспертиза возстановила фактъ события преступнаго дѣйствія самымъ неопровержимымъ и совершенно объективнымъ образомъ, согласно тѣмъ доказательствамъ, которыя мы привели выше. Что свидѣтельскія показанія требуютъ повѣрки, зналъ уже Соломонъ, доказательствомъ чего служитъ разсказъ о цѣломудрой Сусаннѣ и двухъ любострастныхъ старикахъ, обвинителяхъ ея. Эта повѣрка производится различнымъ образомъ; посредствомъ противопоставленія показаній другихъ свидѣтелей, сравненія съ различными обстоятельствами судебнаго дѣла, съ результатомъ медицинской экспертизы и т. д.

Еще одно замѣчаніе. Владиміровъ говоритъ: (1) „Вообще правильное сужденіе въ дѣлѣ фактовъ предполагаетъ свѣдѣнія столь общечеловѣческія, что мы безусловно вѣримъ въ ихъ существованіе у каждаго человѣка, и сравненіе столь простое (обыкновенное до инстинктивности), что мы безусловно вѣримъ въ полную способность къ нему каждаго человѣ-

(1) Владиміровъ l. c. стр. 27.

ка.“ Это опредѣленіе намъ кажется не совсѣмъ точнымъ. Извѣстно что образованіе и просвѣщеніе распространяютъ, правда, кругъ свѣдѣній вообще, но что кругъ лицъ, которымъ они свойственны, весьма тѣсенъ; слѣдовательно, тѣмъ менѣе общечеловѣческими слѣдуетъ признать свѣдѣнія, доставляемыя образованіемъ. Изъ словъ г. Владимірова слѣдовало бы по этому, что свидѣтельское показаніе тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе образованъ свидѣтель, и на оборотъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ оказывается совершенно другое. Вотъ что въ этомъ отношеніи говоритъ Миттермаіеръ: (1) „Результатъ наблюденія нѣкоторыхъ предметовъ зависитъ существенно отъ умственныхъ способностей свидѣтеля, отъ ловкости и упражненія его, отъ его опытности, такъ какъ нерѣдко только лица, съ опытнымъ глазомъ, понимающіе важность извѣстныхъ обстоятельствъ, въ состояніи обратить вниманіе на все, что можетъ имѣть положительное вліяніе на дѣло.“

Приведенный нами выше примѣръ показываетъ убѣдительнымъ образомъ отношенія двухъ родовъ судебнаго доказательства — свидѣтельскихъ показаній и медицинской экспертизы— другъ къ другу, ихъ отличительныя свойства и существенныя основанія. Изъ всего предъидущаго разбора нашего слѣдуетъ: 1) свидѣтельскія показанія обусловливаются главнымъ и существеннымъ образомъ самимъ происшествіемъ преступнаго дѣйствія, внѣшнею стороною событія преступленія; судебно-медицинская же экспертиза относится главнымъ и существеннымъ образомъ къ внутренней сторонѣ преступнаго дѣйствія; къ связи изслѣдуемаго судебнаго факта съ предполагаемою причиною или съ угрожающими послѣдствіями его. 2) Относительно главныхъ судебныхъ задачъ, свидѣтельскія показанія относятся существенно къ уличенію виновнаго и сте-

(1) Миттермаіеръ, Lehre vom Beweise стр. 289.

пени его виновности, между тѣмъ, въ отношеніи къ событію преступленія они имѣютъ только подчиненное, посредственное значеніе; суд.-мед. экспертиза, напротивъ, относится главнымъ и существеннымъ образомъ къ возстановленію событія преступленія, и въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе непосредственное, положительное; относительно же уличенія подсудимаго въ виновности, она имѣетъ посредственное, условное значеніе. 3) Свидѣтельскія показанія основываются существенно на впечатлѣніяхъ, которыя преступное происшествіе, или разныя обстоятельства преступнаго дѣла, вызываютъ въ душѣ присутствующихъ лицъ; медицинская-же экспертиза основывается исключительно на объективныхъ, вещественныхъ слѣдахъ (vestigia delicti facti permanentis), произведенныхъ преступнымъ происшествіемъ на организмѣ человѣческомъ, которые оно оставляетъ послѣ себя, и обсуждаемыхъ на основаніи объективныхъ судебно-медицинскихъ началъ. 4) Соотвѣтственно этимъ основаніямъ, свидѣтели передаютъ на судѣ только личныя, субъективныя впечатлѣнія относительно преступнаго происшествія, медики - же эксперты возстанавляютъ фактъ событія преступленія, на основаніи совершенно объективныхъ заключеній. 5) Одну изъ главныхъ задачъ суда представляетъ стремленіе исключить, посредствомъ извѣстной системы допросовъ свидѣтелей, противопоставленія и сравненія ихъ показаній между собою, перекреснаго допроса, и, по возможности, изслѣдованія экспертовъ, изъ свидѣтельскихъ показаній всю субъективность наблюденія и впечатлѣнія, и сдѣлать для нихъ то, что дѣлаютъ для суд.-медиц. экспертизы наука Суд. Медицины и наставленія ея, относительно составленія суд. медиц. протокола и заключенія.— 6) Свидѣтельское показаніе и суд.-медиц. экспертиза представляютъ главнымъ образомъ не сравненіе, а пополненіе другъ друга, въ отношеніи къ судебному дѣлу.— 7) Отличительнымъ характеромъ различія свидѣтельскаго показанія отъ суд.-медиц. экспертизы не то, что пер-

вое дасть факты, а вторая мнѣнія, а то, что первое относится къ впечатлѣніямъ, вызваннымъ въ душѣ свидѣтеля преступнымъ происшествіемъ или извѣстными обстоятельствами преступнаго дѣла, прежде того времени, когда это происшествіе или эти обстоятельства, становятся предметомъ судебнаго слѣдствія;—вторая, напротивъ, относится къ послѣдствіямъ преступнаго происшествія уже въ то время, когда они сдѣлались предметомъ судебнаго слѣдствія. C'est le délit qui crée les témoins, c'est le juge, qui choisit les experts. 8) Свидѣтельское показаніе пріобрѣтаетъ характеръ совершеннаго доказательства только тогда, когда судебное слѣдствіе лишитъ его всей ему присущей субъективности.— 9) Суд.-медиц. заключеніе,—наконецъ, составляетъ само по себѣ совершенное доказательство, даже въ техническомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ оно пользуется всѣми свойствами объективности, и, обусловливаясь главными основаніями умственной дѣятельности и человѣческаго прогресса, пріобрѣтаетъ неопровержимую доказательную силу, т. е. способность возбужденія въ судьѣ внутренняго убѣжденія въ достовѣрности доказываемаго экспертизою факта.

Вотъ главныя основныя черты отношенія суд.-мед. экспертизы къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Наше воззрѣніе на этотъ предметъ мы подтвердимъ словами одного изъ знаменитыхъ американскихъ юристовъ, который, хотя теоретически основанъ на началахъ законной системы уголовныхъ доказательствъ, но въ практическомъ примѣненіи своемъ, весьма сходны съ нашимъ, здѣсь изложеннымъ, взглядомъ. Въ судебномъ дѣлѣ, относящемся къ дѣтоубійству, Начальный Судья (Chief-Justice) Gibson (1) въ своей рѣчи къ присяжнымъ засѣдателямъ сказалъ слѣдующее: „Я намѣреваюсь ограничить мои слова изъясненіемъ отличительнаго характера и значенія свидѣтельства.

(1) Elwell l. c. стр. 267.

Намъ не представлено ни одного свидѣтеля, который видѣлъ бы собственными глазами совершеніе этого факта, и по этой причинѣ защита приводитъ въ пользу преступника, что все доказательство есть только обстоятелствѣнное (circumstantial), почему оно или лишено всей судебной достовѣрности, или, по крайней мѣрѣ, представляетъ низшую ея степень. Но этотъ выводъ не кажется необходимымъ; обстоятельственное доказательство, въ отвлеченіи, представляетъ почти, если можетъ быть не совершенно, такую же самую доказательную силу (as strong), какъ и позитивное доказательство (positive evidence), но на дѣлѣ (in the concrete) оно несравненно сильнѣе. Фактъ, положительно доказываемый подъ присягою, однимъ свидѣтелемъ (eye—witness), порочной нравственности, не представляетъ той степени достовѣрности, какъ фактъ, составляющій необходимое послѣдствіе цѣпи другихъ фактовъ, доказываемыхъ подъ присягою, многими свидѣтелями, пользующимися несомнѣннымъ общимъ довѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ почти неизвѣстно, существуетъ ли дѣйствительно что-нибудь такое, чтобы можно назвать совершенно позитивнымъ доказательствомъ (as evidence purely positive). Вы замѣчаете, что-какое-то лицо выстрѣлило изъ ружья въ другое лицо; вы замѣчаете блескъ, вы слышите стукъ, вы видите, что это лицо падаетъ безъ жизни, и вы дѣлаете выводъ изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, что изъ ружья выстрѣлена пуля, которая вонзилась въ его тѣло и произвела его смерть, потому что это составляетъ обыкновенную, естественную причину подобнаго послѣдствія. Но вы не видѣли, что пуля вылетѣла изъ ружья, что она пролетѣла по воздуху, и вонзилась въ тѣло убитаго, и по этому показаніе факта убійства только предположеніе, или иначе оно обстоятельственное. Можетъ быть, что въ ружьѣ не было вовсе пули; но мы предполагаемъ, дѣлаемъ выводъ, что она была, потому что мы не можемъ отнести этого случая смерти къ какой нибудь другой причинѣ... Единствен-

ное различіе между позитивнымъ и обстоятельственнымъ (positive and circumstantial) доказательствомъ то, что первое болѣе непосредственное и содержитъ менѣе звеньевъ въ цѣпи, связывающей выводъ съ его посылками; но нарушеніе присяги можетъ быть въ томъ и другомъ. Дать ложную присягу относительно одного факта, не труднѣе, какъ и относительно многихъ фактовъ, изъ которыхъ, если они достовѣрны, можно вывести въ видѣ неизбѣжнаго послѣдствія вину или невинность. Нѣтъ свидѣтельскаго показанія, которое не допускало бы сомнѣнія. Машина уголовнаго судопроизводства, на равнѣ со всѣми другими произведеніями человѣка, несовершенна по необходимости, но не ваше дѣло однакожъ, задерживать ея колеса. Вы не бросите паровой машины потому только, что разрывъ котла убиваетъ, или-же потому, что ея колеса на желѣзной дорогѣ задавливаютъ много людей. Нѣтъ сомнѣнія, что, на основаніи обстоятельственнаго доказательства, уличены и казнены невинныя лица; но невинныя лица были уличаемы и казнимы иногда тоже и на основаніи т. н. позитивнаго доказательства. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Подобнаго рода уличенія только случайныя, а ихъ невинныя жертвы погибли въ пользу общаго блага, подобно воинамъ, погибающимъ въ сраженіи. Всѣ доказательства болѣе или менѣе обстоятельственны; всю разницу между ними составляетъ только степень, а для удовлетворенія судебной цѣли достаточно, если оно не возбуждаетъ недовѣрія (disbelief) т. е. дѣйствительнаго, (actuel) и техническаго недовѣрія..... Въ уголовныхъ дѣлахъ обыкновенно пугаютъ присяжныхъ тѣмъ, что приговоръ невозможенъ на основаніи чисто-обстоятельственнаго доказательства. Но законъ требуетъ приговора, когда есть законное доказатеььство, уличающее несомнѣнно въ винѣ подсудимаго; а обстоятельственное доказательство составляетъ законное доказательство.....“

Къ этому прибавляетъ Elwell: „Обстоятельственное

доказательство, доставленное на основаніи заключеній науки, именно медицинская экспертиза, иногда даже сильнѣе (stronger) того, которое считается позитивнымъ доказательствомъ; какъ напр. въ дѣлѣ Др. Вебстера. Наука возстановила поврежденные остатки верхней щеки, и искусственные зубы, вставленные въ неё, — они найдены въ пеплѣ, — и доставила такимъ образомъ несомнѣнное доказательство, что эта щека принадлежала къ костямъ лица Дра Паркманна, которому Др. Кенъ при жизни вставилъ эти искусственные зубы. Эти обстоятельства составляли до того сильное доказательство, что присяжные не могли не убѣдиться, что представленная щека принадлежала къ костямъ лица Дра Паркманна".

Намъ кажется, что мы довольно убѣдительнымъ образомъ изъяснили и судебное достоинство суд.-медиц. экспертизы, и отношеніе ея къ свидѣтельскому показанію. Намъ предстоитъ теперь сказать нѣсколько словъ еще о томъ предположеніи, высказанномъ нѣкоторыми юристами, что врачъ экспертъ — это присяжной судья, а мед. экспертиза — научный приговоръ (1). По г. Владимірову, мнѣніе это основывается на слѣдующихъ началахъ: „Медицинское изслѣдованіе имѣетъ характеръ мотивированнаго приговора, потому что экспертъ, на основаніи доказательствъ, приходитъ къ извѣстному заключенію. Въ этомъ отношеніи дѣятельность его совершенно тожественна съ дѣятельностью судьи, принимающаго то или другое мнѣніе о дѣлѣ, на основаніи доказательствъ." „Эксперты— точно также какъ и присяжные на судѣ, —присутствуютъ при производствѣ судебнаго слѣдствія, выслушиваютъ свидѣтелей, обозрѣваютъ вещественныя доказательства, предлагаютъ допрашиваемымъ лицамъ вопросы, совѣщаются и даютъ свой научный вердиктъ."

---

(1) Владимiровъ. l. c. стр. 46, 48, 111, 112.

И въ этихъ положеніяхъ мы замѣчаемъ тоже самое смѣшеніе общихъ логическихъ началъ, обусловливающихъ человѣческую умственную дѣятельность вообще, съ вещественными основаніями рѣшенія частныхъ, практическихъ вопросовъ, на которое мы уже прежде обращали вниманіе. Нѣтъ сомнѣнія, что врачъ экспертъ приходитъ на основаніи доказательствъ къ извѣстному заключенію, равно какъ и судья, потому что тотъ и другой руководствуются одними и тѣми самими логическими основаніями мышленія, т. е. логическаго вывода. Но все-таки медицинское заключеніе не будетъ приговоромъ ни медикъ-экспертъ судьею, потому что судья называется судьею не по той причинѣ, что онъ судитъ на основаніи логическихъ законовъ, а по той, что онъ обсуждаетъ виновность или невиновность подсудимаго, т. е. дѣйствіе, признаваемое существующими законами преступнымъ; приговоръ же потому и приговоръ, что постановляется судьею, на основаніи государственныхъ законовъ, и составляетъ заключеніе судьи относительно виновности подсудимаго; между тѣмъ врачъ экспертъ, составляетъ, правда, суду—въ своихъ заключеніяхъ основанія для рѣшенія вопроса о виновности, т. е. доказательства, но эти доказательства прямо и непосредственно не опредѣляютъ виновности подсудимаго; врачъ никогда не рѣшаетъ вопроса о ней. Даже и въ томъ случаѣ, когда врачъ экспертъ положительно утверждаетъ, что подсудимый не страдаетъ умопомѣшательствомъ и по всей вѣроятности совершилъ преступное дѣйствіе въ здоровомъ умственномъ состояніи, врачъ вовсе не рѣшаетъ вопроса о виновности, такъ какъ заключеніе его не исключаетъ возможности существованія другихъ законныхъ причинъ, которыя обусловливаютъ вмѣняемость или невмѣняемость. Если суд.-медиц. заключеніе назвать приговоромъ, то нужно назвать приговоромъ и всякое логическое заключеніе, по предметамъ самой обыденной жизни, такъ какъ всякое обыкновенное мнѣніе представляетъ логическое заключеніе; въ этомъ смыслѣ и

каждый человѣкъ—судья. Не болѣе точны и прочія вышеприведенныя положенія относительно этого предмета. Присутствовать врачу при производствѣ судебнаго слѣдствія, вообще, нѣтъ необходимости; а если онъ иногда, въ случаяхъ умономѣшательства преступника, присутствуетъ при слѣдствіи, то отнюдь не для того, чтобы обсуждать виновность подсудимаго, а только для того, чтобы удостовѣриться въ умственныхъ способностяхъ и состояніи ума подсудимаго. Если онъ спрашиваетъ свидѣтелей, то не для того, чтобы изобличить подсудимаго въ виновности, а для того только, чтобы пріобрѣсть основанія для составленія своего научнаго діагноза. Пріобрѣтеніе анамнестическихъ свѣдѣній — вотъ главная цѣль его допросовъ. Если онъ обозрѣваетъ вещественныя доказательства, т. е, слѣды преступнаго дѣйствія, то единственно для того, чтобы открыть существенную связь послѣдствія съ предполагаемою причною, но вовсе не для того, чтобы составлять приговоръ или вердиктъ, такъ какъ это дѣло суда а не его. Прокуроръ и защитникъ присутствуютъ при судѣ, слушаютъ свидѣтелей, осматриваютъ вещественныя доказательства, предлагаютъ свидѣтелямъ и подсудимому вопросы, представляютъ даже заключенія относительно виновности или невинности подсудимаго, высказывая то или другое мнѣніе о дѣлѣ, на основаніи доказательствъ, которыя они, на основаніи тѣхъ же самыхъ логическихъ началъ, обсуждаютъ и которыми пользуются и судья и врачъ при своихъ заключеніяхъ; однакожъ никто не считаетъ судьями ни прокурора, ни защитника. Слѣдовательно, врача эксперта можно назвать judex facti, съ логической и научной точки зрѣнія, но никакъ не judex judicans, въ техническомъ значеніи этого слова.

VI.

Въ предъидущемъ мы, кажется, довольно ясно опредѣлили и судебное достоинство суд.-медиц. экспертизы и отношеніе ея къ свидѣтельскому показанію, заключивъ, что послѣднее относится къ внѣшней сторонѣ преступнаго дѣянія, вызывающей личныя, субъективныя впечатлѣнія, составляющія исключительно основаніе свидѣтельскаго показанія; экспертиза же — къ внутренней связи этого событія съ неизвѣстною или предполагаемою его причиною, или съ угрожающими послѣдствіями, и что какъ то, такъ и другое, представляютъ въ сущности судебное доказательство, достоинство котораго зависитъ отъ вещественныхъ основаній его. Намъ предстоитъ теперь въ дополненіе, сказать нѣсколько словъ и о процессуальномъ устройствѣ суд.-медиц. экспертизы. Разсматривая вопросъ съ медицинской точки зрѣнія, мы не думаемъ предлагать новыхъ способовъ этого устройства: это дѣло юристовъ. Мы намѣрены здѣсь только начертать главныя основанія для критическаго разбора предложеній юристовъ объ устройствѣ экспертизы, соотвѣтствуютъ ли они существеннымъ ея основаніямъ или нѣтъ и не замѣдляютъ ли они хода судебнаго дѣла. Прежде всего, мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что имѣемъ здѣсь въ виду суд.-медиц. экспертизу въ нашемъ смыслѣ этого слова, т. е. основанную на собственно судебно-медицинскомъ изслѣдованіи а не научо-медиц. экспертизу, представляющую изъясненіе извѣстныхъ обстоятельствъ судебнаго дѣла по допросу суда (стр. 33). Для изъясненія выше упомянутыхъ основаній намъ предстоитъ разрѣшить преимущественно два вопро-

са: 1) Долженъ ли врачъ экспертъ, производившій суд.-медиц. изслѣдованіе, являться лично въ судъ и передавать ему изустно свою экспертизу, какъ это обыкновенно требуется въ нынѣшнемъ судопроизводствѣ съ судомъ присяжныхъ? и 2) Долженъ ли онъ подвергаться перекрестному допросу или нѣтъ?

Ad 1) Защитники отобранія суд.-медиц. экспертизы на судѣ, считаютъ это необходимымъ для правосудія, необходимымъ для экспертовъ. „Оно необходимо для экспертовъ, потому что имъ нужно присутствовать при производствѣ судебнаго слѣдствія, обозрѣвать вещественныя доказательства, хорошо познакомиться съ обстоятельствами дѣла и т. д. Оно необходимо для правосудія, потому что до сихъ поръ письменная экспертиза составлялась рутинно, однообразно, небрежно, безъ достаточной мотивировки. На письмѣ эксперту гораздо легче скрыть недостатки своей експертизы и небрежность въ изученіи дѣла. Притомъ же, гласность, распространенная на все производство судебнаго слѣдствія, должна быть по справедливости распространена и на тотъ отдѣлъ, гдѣ дается экспертиза.“ Приведенные здѣсь мотивы, въ виду вышеизложенныхъ объясненій нашихъ о значеніи экспертизы, намъ кажутся столь маловажными, что мы не считаемъ нужнымъ заниматься ихъ опроверженіемъ. Но мы обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство, а именно: какую пользу можетъ доставить суду приглашеніе врача эксперта, производившаго изслѣдованіе, въ судебное засѣданіе? Никакой. Напротивъ, оно можетъ послужить къ запутанности судебнаго дѣла, слѣдовательно къ нанесенію ему вреда. Врачъ экспертъ, производя свое изслѣдованіе, обязанъ отмѣтить все въ протоколѣ, что представляется его глазамъ, вѣрно, кратко, сжато, отчетливо. Если протоколъ не точенъ, неудовлетворителенъ по какой нибудь причинѣ, если находятся въ немъ противорѣчія, то или врачъ экспертъ вовсе не способенъ къ производству изслѣдованій этого рода, или онъ произвелъ его, по невѣжеству или по какимъ нибудь другимъ причинамъ, небре-

жно, неисправно. Но исправить ошибки, пополнить упущенія, въ засѣданіи суда, нѣтъ уже никакой возможности. Чего нѣтъ въ протоколѣ изслѣдованія, того врачъ экспертъ навѣрно не замѣтилъ, того онъ не могъ сохранить въ памяти, поэтому и не въ состояніи передать на судѣ; ибо сохранить въ памяти, чрезъ болѣе продолжительное время, мелкія подробности этого рода, со всею, въ подобныхъ случаяхъ, необходимою точностью и отчетливостью, уже по психологическимъ основаніямъ, врачу эксперту не льзя. Впрочемъ мы уже при разсмотрѣніи основаній достоинства суд.-мед. протокола, показали, что вся достовѣрность его, слѣдовательно и суд.-мед. изслѣдованія, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что все замѣчанное записывается тотъ часъ врачемъ экспертомъ и провѣряется находящимися при томъ судебными лицами, такъ что протоколъ изслѣдованія представляетъ точную картину и изслѣдуемаго предмета и употребленныхъ методовъ и пріемовъ для его разслѣдованія. Слѣдовательно, все исправленіе протокола по памяти нарушаетъ основныя условія судебной достовѣрности протокола, уничтожая объективность наблюденія и измѣняя его въ совершенно субъективное. Суд.-мед. экспертиза относится, какъ выше показано, главнымъ образомъ къ возстановленію объективнаго состава преступленія; это возстановленіе совершается на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ оно обусловливаетъ обыкновенно весь дальнѣйшій ходъ судебнаго слѣдствія; засѣданіе суда и пренія происходятъ въ довольно продолжительное время послѣ,—то можно ли ожидать, что по истеченіи извѣстнаго времени, показанія эксперта будутъ точнѣе и вѣрнѣе протокола, въ которомъ отмѣчаются всѣ подробности въ минуту производства изслѣдованія?

Ad 2) Предполагаютъ тоже, что изустная передача экспертизы на судѣ необходима для правосудія, потому что эксперта можно подвергнуть перекрестному допросу, „могущему заставить его давать заключенія только послѣ основатель-

ной подготовки и достаточнаго обсужденія дѣла и для того, чтобы узнать, на какихъ свѣденіяхъ онъ строитъ свои заключенія, имѣетъ ли онъ непосредственный опытъ въ разсматриваемыхъ вопросахъ и т. д.; а хотя присяжные и не могутъ понять существа всего допроса, но то они могутъ понять, что такой-то экспертъ вообще плохо отвѣчаетъ на вопросы и вообще не въ состояніи поддержать своего мнѣнія“ (1). Если перекрестный допросъ не въ состояніи доставить суду другой пользы, кромѣ того убѣжденія, что экспертъ отвѣчаетъ плохо, то эта польза не уравновѣситъ того вреда, который въ этомъ случаѣ перекрестный допросъ нанесъ бы суд. дѣлу, нарушеніемъ существеннаго основанія достовѣрности экспертизы. Плохіе отвѣты врача-эксперта въ засѣданіи суда на сдѣланные ему вопросы, не составляютъ вовсе доказательства, что онъ не имѣетъ научныхъ свѣдѣній и что произведенное имъ изслѣдованіе не точно и не вѣрно. Знаніе и точность наблюденія не находятся въ непосредственной связи съ проницательностью и присутствіемъ духа, а эти свойства не всегда присущи весьма знаменитымъ ученымъ. Если въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ, подвергаютъ врачей экспертовъ перекрестному допросу, то причины этому совершенно другія. Суд.-медиц. экспертиза совершается тамъ не по требованію суда, а по требованію сторонъ, не производится на основаніи закономъ предписанныхъ методовъ и по̀ этому не пользуется главными основаніями, придающими ей судебную достовѣрность. Притомъ, производящія изслѣдованіе лица суду неизвѣстны ни по своимъ знаніямъ, ни по источникамъ своего образованія, ни по своему характеру; — такъ какъ ни школы, ни университеты, ни система преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, ни свидѣтельства относительно научной квалификаціи, не подлежатъ контролю

---

(1) Владиміровъ 1. с. стр. 123.

правительства, и т. д. то и не удивительно, если судья, посредствомъ перекрестнаго допроса, добивается убѣжденія въ ихъ достовѣрности. Но въ другихъ странахъ Европы, гдѣ всѣ школы находятся подъ надзоромъ правительства, ихъ система, равно какъ и преподаваемыя въ нихъ науки, методъ преподаванія и упражненія учениковъ, экзаменаціонная система, объемъ свѣдѣній, необходимыхъ извѣстному лицу, получающему научную степень и пріобрѣтающему извѣстныя права, методъ суд.-медиц. изслѣдованія и т. д. предписаны законами, соблюдаемыми строго правительствомъ, этотъ родъ убѣжденія на судѣ становится совершенно излишнимъ. Но и относительно судебнаго дѣла, перекрестный допросъ для медика эксперта, представляющаго заключенія по предмету своего изслѣдованія, не ведетъ ни къ чему, по причинамъ выше изложеннымъ. Все, что врачъ-экспертъ замѣтилъ при изслѣдованіи, записано обстоятельно въ протоколѣ, а если не записано, онъ по памяти этого недостатка пополнить не въ состояніи и не д о л ж е н ъ. Научной правильности заключеній эксперта судъ обсудить не въ состояніи; въ этомъ отношеніи онъ долженъ прибѣгнуть къ обсужденію другими, извѣстными, достовѣрными свѣдущими лицами, мнѣніе которыхъ, по тѣмъ-же самымъ причинамъ, не подвергается перекрестному допросу. Изъ этого слѣдуетъ, что отобраніе суд.-медиц. экспертизы на судѣ, не доставляетъ ему никакой существенной пользы, а влечетъ за собою различныя неудобства, даже и вредъ для судебнаго дѣла, запутывая его медицинскими преніями, а подвергая медиковъ различнымъ непріятностямъ, излишней потерѣ времени, прижимкамъ и крючкамъ, именно со стороны защитника, удаляетъ обыкновенно отъ этой должности самыхъ способныхъ лицъ. Перекрестный допросъ свидѣтелей необходимъ, потому что посредствомъ его устраняется вся субъективность изъ акта ихъ наблюденія, но перекрестный допросъ медиковъ экспертовъ, представляющихъ

результаты своего изслѣдованія, повторяемъ, излишенъ, безполезенъ, и даже можетъ быть вреденъ.

Кромѣ собственно судебно-медицинской экспертизы, зависящей только отъ судебнаго дѣла и основанной на самостоятельномъ изслѣдованіи, есть еще и второй родъ медицинской экспертизы, — т. н. научная медиц. экспертиза, составляемая медиками по приглашенію нарочно судомъ, для истолкованія различныхъ, въ теченіе судебнаго слѣдствія, обнаруживающихся обстоятельствъ судебнаго дѣла. По нашему мнѣнію, юристы вообще, говоря о медицинской экспертизѣ и ея процессуальномъ устройствѣ, имѣютъ преимущественно этотъ родъ ея въ виду. Медикъ-экспертъ является здѣсь только истолкователемъ различныхъ обстоятельствъ и отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы. Въ этомъ случаѣ его заключенія совершенно условны, такъ какъ они основываются, отчасти на наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, произведенныхъ другими лицами, отчасти-же на обстоятельствахъ, извѣстныхъ изъ судебнаго слѣдствія. Медикъ экспертъ не является здѣсь самостоятельнымъ изслѣдователемъ, какъ при составленіи судебно-медиц. экспертизы; онъ отвѣчаетъ только прямо, непосредственно на предлагаемые ему вопросы, касающіеся обстоятелствъ, достоинства которыхъ для судебнаго дѣла онъ обсудить не въ состояніи, и даже знать, къ какимъ дальнѣйшимъ вопросамъ со стороны судьи, или со стороны прокурора, или защитника, его отвѣтъ можетъ дать поводъ, бросивъ новый свѣтъ на изъясняемое обстоятельство. Поэтому, по нашему мнѣнію, при передачѣ научно-медиц. экспертизы, перекрестный допросъ можетъ быть полезенъ, не по вышеприведеннымъ причинамъ, на которыя обыкновенно ссылаются юристы, но по той причинѣ, что ни юристы, ни медикъ экспертъ не могутъ прежде его отвѣта, предвидѣть, какой свѣтъ онъ можетъ бросить на разсматриваемыя судомъ обстоятельства, и какое направленіе онъ можетъ дать такимъ образомъ дальнѣйшему ходу судебнаго

слѣдствія. Отобраніе экспертизы на письмѣ замедляло и затрудняло бы чрезвычайно ходъ судебнаго дѣла и повело бы къ многимъ и для судебнаго дѣла вреднымъ неудобствамъ. Слѣдовательно, перекрестный допросъ медика, представляющаго научную экспертизу, требуется правильностью хода и благоуспѣшностью всего судебнаго дѣла.

Но процессуальное устройство этого рода медицинской экспертизы очень затруднительно. Всѣ способы устройства передачи ея на судѣ, которые предлагались до сихъ поръ различными авторами, имѣютъ значительныя неудобства, и не удовлетворяютъ вполнѣ судебнымъ цѣлямъ. Даже и предложеніе Владимірова [1]), устроить при судѣ родъ ученаго жюри, которое рѣшалобы, по предварительномъ совѣщаніи и согласіи, предлагаемые судомъ вопросы тотъ часъ, въ теченіе заслѣданія его, не благоуспѣшнѣе другихъ. Судъ приглашаетъ большое число медиковъ-экспертовъ не только для того, чтобы получить научное изъясненіе представляющагося сомнѣнія,—въ такомъ случаѣ онъ пригласилъ бы лишь одного, по своимъ научнымъ свойствамъ, болѣе извѣстнаго эксперта,—по преимуществению для того, чтобы узнать, нѣтъ ли возможности истолковать одно и тоже обстолтельство различнымъ образомъ, и которое изъ мнѣній въ состояніи изъяснить точнѣе различныя обстоятельства дѣла и имѣетъ болѣе доказательной силы. Главная при этомъ цѣль,—доставитъ защитѣ средство составитъ свои возраженія и уротребитъ всѣ способы для своего успѣха въ пользу подсудимаго. Устройство научнаго жюри не удовлетворяетъ вовсе этимъ судебнымъ цѣлямъ. Во 1-хъ оно замедляетъ ходъ дѣла, вслѣдствіе необходимости часто, послѣ заданныхъ вопросовъ, отпускать экспертовъ на совѣщаніе, которое окажется почти всегда нужнымъ, такъ какъ трудно предполагать, чтобы эксперты во всемъ соглашались между собою, именно относи-

---

[1]) Владимідровъ l. c. стр. 131 и слѣд.

тельно объема, значенія и научнаго основанія предлагаемыхъ имъ вопросовъ. Во 2-хъ, при научномъ обсужденіи различныхъ обстоятельствъ судебнаго дѣла имѣютъ большое значеніе умственныя способности эксперта, степень его образованія, его опытность по судебнымъ предметамъ, его личный характеръ и многія другія субъективныя свойства, вслѣдствіе чего при совѣщаніи получало бы перевесъ не то мнѣніе, которое точнѣе, но то, которое защищается съ большимъ искусствомъ, съ большимъ остроуміемъ. Поэтому нѣтъ основаній утверждать, что судъ получитъ отвѣтъ вѣрнѣе того, который доставилъбы суду одинъ экспертъ, пользующійся общимъ довѣріемъ. Въ 3-хъ, судъ лишился бы добровольно самой важной для себя пользы, т. е. убѣжденія, что, въ данномъ случаѣ, при обсужденіи одного и того же судебнаго обстоятельства, возможны различныя научныя мнѣнія, или же, по строгой опредѣлительности научныхъ основаній, существуетъ только одно, каковое убѣжденіе не можетъ остаться безъ громаднаго вліянія на вердиктъ присяжныхъ.

Намъ кажется, что процессуальное устройство медицинской экспертизы въ Сѣверной Америкѣ, представляетъ самый лучшій образецъ благоуспѣшнаго устройства. Эксперты приглашаются въ судъ одинъ послѣ другаго, предлагаются имъ одни и тѣ-же вопросы, на которые они отвѣчаютъ кратко, сжато, безъ всякой научной мотивировки, и прямо на вопросъ. Судъ не обсуждаетъ вовсе научныхъ основаній изъясненія, онъ разсматриваетъ только, которое изъ изложенныхъ мнѣній изъясняетъ болѣе удовлетворительно различныя обстоятельства судебнаго дѣла, и принимаетъ его основаніемъ своего приговора. У насъ, въ случаѣ очень значительнаго различія между мнѣніями экспертовъ, или-же когда эти мнѣнія не въ состояніи устранить всѣ сомнѣнія судей, можно всѣ эти мнѣнія, вмѣстѣ съ судебнымъ дѣломъ, передать въ медицинскій совѣтъ, состоящій изъ извѣстнѣйшихъ, опытныхъ въ судеб.-мед. экспер-

тизѣ, спеціалистовъ, которые, на основаніи этого громаднаго матеріала, рѣшаютъ всѣ сомнѣнія окончательно, съ надлежащею мотивировкою своего заключенія.

Собственно говоря, рѣшеніе вопроса, касающагося научно-медицинской экспертизы, не относится прямо къ предмету настоящаго нашего разсужденія, имѣющаго задачей разсмотрѣніе достоинства судебно-медиц. экспертизы. Но мы не могли отказатся отъ приведенія въ нѣсколькихъ словахъ нашего взгляда, такъ какъ научно-медиц. экспертиза имѣетъ громадное значеніи для суда и съ нашимъ предметомъ находится въ тѣсной и естественной связи.

VII.

Приближаясь къ концу нашей задачи, мы должны еще возвратиться къ первоначальной исходной точкѣ настоящаго труда, къ причинамъ неудовлетворительности суд.-медиц. экспертизы, на которую жалуются именно юристы. Мы не станемъ здѣсь говорить о тѣхъ причинахъ, которыя зависятъ отъ неустранимыхъ недостатковъ всякаго человѣческаго дѣла, или отъ личныхъ неисправимыхъ свойствъ врача эксперта, а будемъ говорить только о тѣхъ источникахъ неудовлетворительности, для устраненія которыхъ нужно лишь узнать ихъ и примѣнить соотвѣтственныя мѣры, пользуясь при этомъ прогрессомъ науки.

Одну изъ главнѣйшихъ причинъ неудовлетворительности суд.-мед. экспертизы составляетъ то обстоятельство, что юристы и вообще судьи, незнакомы ни съ основаніями этой экспертизы, ни съ предѣлами ея, какъ вообще такъ и по различнымъ

частнымъ случаямъ, и предлагаютъ медикамъ экспертамъ вопросы, на которые они, по существу своей экспертизы, и по настоящей степени ея развитія, или никакого отвѣта дать не въ состояніи, или, по крайней мѣрѣ, не могутъ дать положительнаго отвѣта, а лишь условный, и даже сомнительный; что судьи требуютъ отъ врача-эксперта заключеній по дѣламъ, которые должны быть рѣшены или другими экспертами, или свидѣтелями, или самимъ-же судьею.

Къ вопросамъ этого рода относится напримѣръ слѣдующій: въ одномъ случаѣ, въ которомъ возстановленіе объективнаго состава преступленія зависѣло отъ того обстоятельства: находился ли ребенокъ во время сожженія при жизни или нѣтъ? въ случаѣ, въ которомъ остались только обожженыя части нѣкоторыхъ костей, требовалось отъ врача эксперта, чтобы онъ, по этимъ остаткамъ костей, опредѣлилъ, на какой мѣсяцъ беременности указываютъ они, былъ ли плодъ при рожденіи зрѣлымъ, и былъ ли ребенокъ живымъ во время сожженія?! (1) Въ другомъ случаѣ спросилъ предсѣдатель суда-врача эксперта, были ли раны нанесены представленною ему сѣчкою? Въ иномъ случаѣ, спрашивали врача, принадлежитъ ли извѣстный предметъ къ орудіямъ? А также принадлежитъ ли извѣстное вещество къ отравамъ? Иногда требуютъ отъ него положительнаго отвѣта на вопросъ: когда женщина родила въ послѣдній разъ? или-родила ли она 3—4 мѣсяца тому назадъ? Г. Владиміровъ требуетъ даже, чтобы врачъ экспертъ опредѣлялъ: совершилъ ли подсудимый преступное дѣйствіе или нѣтъ? Именно, въ случаяхъ дѣтоубійства или насильственной смерти, для опредѣленія, была ли эта смерть убійствомъ или самоубійствомъ, предлагаются иногда юристами врачу эксперту вопросы, на которые онъ, по различнымъ, незави-

(1) Миттермаіеръ; Gerichtssaal 1860. стр. 404.

сящимъ отъ него, причинамъ дать отвѣта не въ состояніи, а тѣмъ болѣе отвѣта положительнаго (1). Иногда врачу эксперту предлагаются, по силѣ самаго закона, вопросы съ требованіемъ п о л о ж и т е л ь н а г о отвѣта, на которые не можетъ быть т а к о г о отвѣта. Сюда относится напр. опредѣленіе жизнепродолжительности ребенка, изнасилованія, была ли въ данномъ случаѣ рана легкая, тяжелая, условно или безусловно смертельная, и т. д. Иногда-же судеб.-медиц. экспертиза не въ состояніи удовлетворить ожиданіямъ правосудія, потому что она по причинѣ очень поздняго приглашенія эксперта судомъ, производится въ условіяхъ, дѣлающихъ невозможнымъ правильное и удовлетворительное заключеніе, и т. д. Намъ кажется, что совершенно достаточно указать на этотъ источникъ неудовлетворительности суд.-мед. экспертизы для убѣжденія, что поставленіе точнаго знанія Суд. Медицины въ обязанность юристамъ, должно сильно способствовать устраненію ошибокъ по выше изложеннымъ причинамъ, и уменьшенію жалобъ на неудовлетворительность экспертизы. Вліяніе процессуальнаго устройства суд.-мед. экспертизы на ея неудовлетворительность, мы объяснили выше.

В т о р у ю изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности суд.-мед. экспертизы, составляетъ то обстоятельство, что есть еще извѣстное количество суд.-медиц. научныхъ началъ, которые до сихъ поръ не разслѣдованы и не опредѣлены съ желаемою точностью, такъ что на ихъ основаніи, въ многихъ случаяхъ, возможенъ только условный или вѣроятный отвѣтъ. Сюда принадлежитъ напр. смерть отъ повѣшенія, удушенія, потрясенія мозга, отъ удара въ окрестность желудка, отъ продолжительнаго щекотанія, отъ истощенія и пораженія первной системы вслѣдствіе различныхъ причинъ и т. д.; въ таковыхъ

---

(1) Миттермаіеръ: Gerichtssaal 1861. стр. 174, 184. Этотъ ученый указываетъ много вопросовъ этого рода, на которые, по ихъ неправильности и ошибочности, врачъ-экспертъ не въ состояніи дать точнаго отвѣта.

случаяхъ причина смерти опредѣляется обыкновенно по отсутствію слѣдовъ всѣхъ другихъ причинъ. Причины такого неудовлетворительнаго состоянія науки Суд. Мед. различны; преимущественно-же зависимость ея отъ многихъ другихъ медицинскихъ и естественныхъ наукъ, наприм. химіи, физики, физіологіи, частной патологіи и терапіи и т. д., прогрессъ которыхъ обусловливаетъ существеннымъ образомъ и ея прогрессъ. Доказательствомъ этого напр. вліяніе спектроскопа на опредѣленіе кровяныхъ пятенъ и смерти отъ окиси угля; усовершенствованіе различныхъ методовъ химическаго изслѣдованія при опредѣленіи отравъ, именно алкалоидовъ и проч. Хотя по этимъ причинамъ Суд. Медицина, правда, не удовлетворяетъ совершенно требованіямъ судебнаго дѣла, не давая положительныхъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, но въ тоже время она не наноситъ правосудію и вреда, не доставляя суду ошибочныхъ заключеній, могущихъ ввести его въ заблужденіе. Она не рѣшаетъ въ такихъ случаяхъ вопроса, но и не уничтожаетъ возможности правильнаго рѣшенія его судомъ на другомъ пути. Впрочемъ, кругъ сомнительныхъ судебно-медицинскихъ началъ уменьшается болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ, и всѣ научныя открытія въ другихъ научныхъ отрасляхъ примѣняются тотчасъ и къ рѣшенію суд.-медиц. задачъ, дѣлая упомянутыя начала болѣе положительными и отчетливыми.

Къ причинамъ неудовлетворительности относится, въ третьихъ, не вполнѣ достаточное образованіе судебныхъ медиковъ по ихъ спеціальности. Причины тому различны. Одно изъ главныхъ основаній для усовершенствованія воспитанія по демонстративнымъ наукамъ, гдѣ требуется упражненій въ практическихъ пріемахъ и въ производствѣ изслѣдованія, составляетъ богатый матеріалъ. Въ Россіи, въ послѣднее время, сдѣлано много въ этомъ отношеніи. Но непремѣнно надлежитъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. Нужно сосредоточить весь суд.-мед. матеріалъ извѣстной мѣстности въ однѣхъ рукахъ,

напр. гдѣ существуютъ университеты, въ рукахъ профессора Суд. Медицины, но по должности, а не по его доброй волѣ. Только обладая громаднымъ матеріаломъ можно дѣлать научныя наблюденія и двигать науку впередъ, и въ тоже время дать способы учащимся пріобрѣтать ту ловкость и опытность въ производствѣ изслѣдованія, которая необходима для благоуспѣшности судебнаго дѣла. Съ другой стороны, чрезвычайное обремѣненіе студентовъ въ послѣднихъ курсахъ медицинскаго факультета различными предметами, именно относящимися къ практическому ихъ назначенію въ будущемъ, весьма препятствуетъ болѣе тщательному и подробному изученію Судебной Медицины, и въ особенности практической ея части. Поэтому необходимо былобы учредить особое званіе судебнаго медика, по примѣру Германіи,—назначить особый курсъ для посвящающихся этому званію, пополняющій всѣ какъ практическія такъ и теоретическія свѣдѣнія, необходимыя для судебнаго врача, подъ главнымъ руководствомъ и наблюденіемъ профессора Судебной Медицины, и особый экзаменъ для полученія должностной степени судебнаго врача; наконецъ, удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, которыя изчислены „въ Архивѣ Судеб. Медицины“ и приведены нами во введеніи къ этому разсужденію стр. 5. При подобныхъ условіяхъ, мы могли бы надѣяться, что и этотъ источникъ неудовлетворительности изсякнетъ и медицинская экспертиза, ко благу правосудія и общества, достигнетъ той степени совершенства, какая возможна по ея сущности, хотя все-таки останется дѣломъ человѣческимъ, какъ и вся дѣятельность суда.

Варшава 30 Января 1872 г.

ОПЕЧАТКИ.

Страница	строка	съ верху	напечатано	должно быть
1	6	„	показали	полагали
7	29	„	соотвѣтственныхъ	надлежащихъ
9	5	„	именно	въ особенности
12	19	„	именно	преимущественно
13	16	„	стронами	сторонами
18	13	„	поэтому	такимъ образомъ
23	22	„	весьма очень	весьма
24	16	„	метора	метода
26	2	„	когда	тогда какъ
28	16	„	если	когда
44	13	„	сильное	важное
45	9	„	всего	всякаго
46	16	„	много	многое
56	27	„	чтобы ему указать	что указываетъ ему
—	28	„	но не́ то, чтобы стѣснять	но не стѣсняетъ
57	21	„	соотстѣнныхъ	соотвѣтственныхъ
61	29	„	это	эта
62	23	„	вообразимыхъ	воображаемыхъ
93	3	„	упрочили	упростили
98	11	„	адобности	надобности
107	30	„	замѣченымъ	замѣченныхъ
109	18	„	даннымъ	данныхъ
119	4	„	логическія	логическая
—	23	„	медиковъ	медикомъ
120	9	„	несомнительныхъ	несомнѣнныхъ
128	22	„	опытовъ	опытомъ
131	7	„	повидному	повидимому
133	15	„	выкидышъ	изгнаніе плода
139	20	„	съ	къ
145	13	„	это	его
—	25	„	особое	особые
149	9	„	сошнѣваться	сомнѣваться
150	22	„	убійства	убійцы
156	31	„	въ отношеніи къ судебному дѣлу	относительно судебнаго дѣла
157	5	„	становятся	стали
—	9	„	происшествія	событія
158	7	„	необходимымъ	неизбѣжнымъ
—	21	„	другое лицо	другаго.

2007043216